

Калевала

Вступление

Много веков назад на севере нашей Родины, в Карелии — в стране шумящих сосен и елей, в краю лесных озер и порожистых рек — сложил народ эти предания и сказки.

На лесных дорогах-тропинках путник слышал их от путника; рыбаки вспоминали их у ночного костра; их напевал лесоруб, вырезывая топорище; мать, сидя за прялкой, рассказывала их детям; старый дед — малым детям.

Каждая веточка вереска в лесу, каждая травинка в поле хранила предания седой старины. Деревья нашептывали друг другу эти старые песни и сказки, а вольный ветер подхватывал их и нес по всему свету. Они летели на стреле охотника, разбегались по берегу в шуме морских волн, они звенели в птичьих лесных голосах.

И как нитку вяжут с ниткой, так и певцы стали вязать одну песню с другой, собирать их, как собирают вязанку хвороста.

Встретятся на празднике или на народной сходке двое, сядут друг против друга, возьмутся за руки и заведут неторопливый рассказ, затянут негромкую песню. Один начнет — другой подхватит, один припомнит — другой продолжит, и разматывается клубок песен, оживают волшебные предания. Как будто открыл кто-то сундучок, полный словами, — и вырвались оттуда чудесные сказки о солнечной стране Кáлевале, о ее славных героях.

Вот старый, мудрый Вяйнемейнен, не касаясь руками досок, мастерит себе челн. Вещим словом, могучим напевом скрепляет он борта, поднимает мачту, ставит руль. И когда он поет, даже золотое солнце и серебряный месяц выходят из своих небесных покоев.

Вот кузнец Илмаринен склоняется над горном. Он выковывает чудо из чудес — мельницу Сампо. С рассвета до рассвета крутится пестрая крышка, и сыплются из мельницы с рассвета до рассвета и хлеб, и соль, и золото.

Вот бесстрашный охотник, веселый Лемминкайнен, идет в страну мрака и холода — в сумрачную Пóхьелу. Огненная река преградила ему путь, тысячеязыкий змей раскрыл свою пасть, чтобы проглотить его. Но перед славным мужем Калевалы смиряется буйный огонь, отступает страшное

чудовище.

Вот проданный раб — пастух Куллерво — ведет волков и медведей, чтобы рассчитались лесные звери с его злой хозяйкой за все горе, что он испытал в неволе.

Столетиями жили в народе эти предания, и с ними вместе жила мечта о радостном труде, о счастливой, свободной жизни.

Эта мечта сбылась: теперь свободный народ Карелии живёт и трудится на свободной земле, навсегда забыв нищету и рабство.

Но предания о бесстрашных героях, о том, как одолели они темные, злые силы, не забудутся никогда.

Пока светит над землей солнце и сияет месяц, старики будут рассказывать эти предания внукам, а матери — детям, чтобы весельем начиналось утро, чтобы радостным был долгий день и ясный тихий вечер.

О том, как родился Вяйнемейнен

В далекие, незапамятные времена, когда солнце еще не зажглось на небе, дикой и пустынной была земля. Нигде ни дерева, ни травинки — кругом только камень да песок, песок да камень.

И море было таким же мертвым, как земля.

И небо — таким же пустым, как море.

Ни одна рыба не проплывала в глубине морских вод. Ни одна птица не тревожила своим крылом воздушный простор.

Всё было мертво — и земля, и вода, и воздух.

Скучно стало дочери воздуха Илматар в ее воздушной пустыне и захотела она спуститься на прозрачный хребет моря.

Но едва коснулась Илматар дремлющих вод, как всколыхнулось неподвижное море. С востока и запада, с севера и юга налетели злые ветры, поднялись пенистые волны. Буря бросала Илматар с гребня на гребень, волны закружили ее и понесли по широким морским дорогам.

Уж и сама не рада Илматар, что променяла небесный простор на морскую пучину. Но не покинула она пенистого хребта моря. Не осилили ее ни ветры, ни волны.

Так стала дочь воздуха Илматар владычицей вод.

Год проходил за годом, столетие за столетием.

На небе уже загорелось солнце, ясный месяц поплыл в небесной вышине, зажглись звезды, из глубины дремлющих вод поднялась суша, а Илматар все скиталась по туманным просторам моря.

И вот подняла она голову и увидела землю.

Плывет Илматар вдоль берегов, и там, где поднимет руку — выступают в море мысы, где наклонит голову — врезаются в берег бухты, где проведет по камню ладонью — расстилаются отмели. А где заденет Илматар ногою дно — остаются на том месте глубокие рыбьи ямы, лососьи тони.

Набросала Илматар пестрые горы, в скалах прорезала ущелья, разгладила на поверхности земли морщины и снова уплыла в свои владения.

Еще тридцать лет прошло.

И когда на исходе был тридцатый год, родился у Илматар сын Вяйнемейнен.

Быстрые волны подхватили его и понесли по открытым морским течениям.

Так он и плыл по воле волн, пока не прибило его к берегам земли.

Голый, пустой лежал перед ним берег. Нигде ни дерева, ни травинки.

Крепко схватился Вяйнемейнен за гребни волн, встал на ноги и ступил на землю.

Один он был на всей земле. Ему светило юное солнце, молодой месяц сиял над его головой, а семизвездная Медведица учила его мудрости жизни.

На полях Калевалы вырастает хлеб

Дни шли за днями, бежали годы, а всё такой же, как в первый день, была земля — песок да камень, камень да песок.

«Как же засеять эту голую землю? — думает Вяйнемейнен. — Кто бросит в нее живые семена?»

И только подумал, а к нему уже идет крошечный мальчик с сумкой через плечо.

— Кто ты такой? — удивился Вяйнемейнен.

— Меня зовут Сампса Пеллервойнен, — отвечает мальчик. — Я пришел помочь тебе, принес семена, чтобы засеять эту землю.

Достал он из своей сумки горсть семян и принялся за работу.

Сеет он на горах сосны, на холмах — ели, в местах посуше сеет розовый вереск, поближе к воде — серебристую иву. Где овраг — бросает семена березы, где болото — кидает семена ракиты, на песках сажает колючий можжевельник, по берегам рек — могучие дубы.

Разбросал Сампса семена, и сразу ожила земля.

Быстро пошли в рост зеленые побеги.

Потянулись к небу пестрые вершины елей. Высоко над землей зашумели вершины сосен. По склонам оврагов зазеленели березы. Зацвела черемуха, ощетинился иглами можжевельник.

Один только дуб не хочет взойти.

Семь дней и семь ночей ждал Вяйнемейнен — не пророс упрямый дуб.

Тогда пошел Вяйнемейнен к берегу моря.

— Илматар! — зовет он. — Владычица рек и морей! Ты, подарившая мне жизнь, научи, как вырастить дуб, помоги слабому ростку пробиться на свет!

И только сказал — расступились волны, и вышли на берег четыре девушки. Стали они косить на лужайке траву. Один раз прошли по лужайке с косами, другой раз — с граблями и собрали целую копну сена.

А вслед за девушками вышел из морской глубины богатырь. Высек он огонь из камня и поджег копну со всех четырех сторон.

Запылало сено. Искрами сыплется на землю, тучей дыма стелется над поляной. Минуты не прошло — и там, где была зеленая копна, осталась только груда серого пепла, только гора теплой золы.

Взял богатырь нежный зеленый листок, положил на него желудь и засыпал сухой золой.

И проросла на этом месте тоненькая былинка, взошел нежный дубовый росток.

Быстро тянется он кверху, во все четыре стороны — к югу и к северу, к востоку и западу — раскинулись могучие ветви.

Вот уже в самое небо уперся дуб всеми своими вершинами. А вершин у него не одна, не две, а целых сто.

Теперь даже самому маленькому облачку не пробежать по небесному простору, ни одному светлomu лучу не пробиться на землю. Заслонил дуб и солнце золотое и месяц ясный. Темно стало на земле.

«О горе! — думает Вяйнемейнен. — Рыбе в морской глубине и той плохо, когда солнца нет, а человеку без солнца и вовсе не жизнь».

Подумал он, поразмыслил и снова пошел к берегу моря.

— Илматар, владычица рек и морей! — зовет Вяйнемейнен. — Помоги свалить злое дерево! Хочу я, чтобы снова светило над землей солнце и сиял в небе ясный месяц.

И только сказал — опять расступились волны, и вышел на берег медный богатырь. Был этот богатырь не из самых больших и не из самых маленьких — до облаков, пожалуй, не достанет, а с большой палец ростом будет.

Шапка на нем медная, сапоги медные, рукавицы медные.

За плечами у медного богатыря — медный топор. Как раз по его богатырским силам: топорище — с полпальца, обух — что твой ноготь.

В самую пору таким топором дуб свалить!

Удивился Вяйнемейнен и спрашивает медного человечка:

— Кто ты такой? Зачем пришел сюда?

Отвечает ему медный человечек:

— Я пришел срубить это злое дерево.

Засмеялся Вяйнемейнен:

— Где тебе с этим дубом справиться! На тебя поглядеть — немногим ты сильнее мертвого!

И вдруг видит Вяйнемейнен — стал расти медный человечек у него на глазах.

Минуты не прошло, а уже стоял перед Вяйнемейненом настоящий великан.

Уперся великан пятками в землю — и прогнулась под ним земля. Поднял он голову — головой тучу зацепил. Руки у него как стволы сосен. От глаза до глаза — косая сажень. Волосы — до пят.

Наточил великан свой топор на шести камнях, на шести кремнях и двинулся к дубу.

Быстро идет. Ветер вокруг него так и шумит. Широкий кафтан, будто парус, надувается.

Три шага сделал — и уже стоит около дерева.

Ударил великан топором по стволу — да так, что искры во все стороны посыпались. Но не шелохнулся дуб, не дрогнул ни одним листочком.

Снова размахнулся великан. От могучего удара пламя вырвалось из-под медного топора. Застонал, затрещал ветвистый дуб. Но не склонилась к земле ни одна из его ста вершин.

Тогда в третий раз ударил великан топором — и рухнуло на землю непокорное дерево.

И опять открылся над Калевалой — над ее полями и лугами, над лесами и рощами — голубой простор. Засияло над землей золотое солнце, быстрые облака побежали по небесному своду, в вышине заблестел светлый месяц.

Луга опять покрылись травами, запестрели цветами и ягодами. Деревья подняли к солнцу поникшие ветви и весело зашумели молодыми листьями.

Опять в рощах запели веселые дрозды, закуковали в лесных чащах кукушки.

Всем теперь была богата земля.

Осталось Вяйнемейнену взрастить на ней добрый хлеб.

На берегу моря нашел Вяйнемейнен шесть ячменных зерен, семь драгоценных семян, сложил их в беличью шкурку, спрятал в куний мешочек и пошел на поляну Осмо, к берегам реки Калевалы, чтобы посеять там хлеб.

И только хотел он бросить семена в землю, как вдруг слышит чей-то звонкий голос:

— Тут ячмень взойти не может — Не расчищено тут поле, Здесь не срублен лес под пашню И огонь его не выжег.

Удивился Вяйнемейнен, поднял голову и видит — это синица на дереве подает ему голос.

Послушался Вяйнемейнен мудрых слов. Взял острый топор и стал рубить на поляне деревья. Все срубил — только одну березу оставил.

Летел по небу орел, увидел одинокую березу и спрашивает:

— Для чего ты ее оставил, Вяйнемейнен, одну среди поля?

Отвечает ему Вяйнемейнен:

— Для того я ее оставил, чтобы могли отдыхать на ней перелетные птицы, чтобы и ты, небесный орел, мог опуститься на ее вершину.

— Спасибо тебе, что подумал о нас, о крылатом народе, — сказал орел.

С этими словами ударил он своим сильным крылом о камень и высек огонь.

Тут налетели ветры — северный ветер и восточный, южный и западный, — раздули они высокое пламя, погнали огонь по всей поляне, обратили в золу всю рощу.

И когда серой от золы и пепла стала земля, достал Вяйнемейнен из своего куньего мешочка, из беличьей шкурки шесть заветных зерен, семь драгоценных семян.

Кидает зерна в золу и говорит такие слова:

— Вот я сею-засаваю,

Я бросаю в землю семя,
Чтоб оно ростки пустило,
Проросло на этом поле.
Пробудись, земля родная!
Недра темные, проснитесь!
Дайте вы росткам пробиться,
Чтобы сотни нежных всходов
Зацвели, заколосились
На широком этом поле,

Что вспахал я и засеял,
Где немало потрудился.
Укко, ты властитель неба,
Повелитель гроз небесных,
Ты пошли большие тучи,
Тучи с севера и с юга,
Пригони ты их с востока,
Принеси ты их с заката!
Ниспошли ты дождь на землю,
Пусть из тучи мед закаплет,
Чтоб колосьями литыми
Зашумело это поле,
Что вспахал я и засеял,
Где немало потрудился!..

Услышал Вяйнемейнена хозяин неба Укко.

Посылает он тучи с востока и с запада, гонит их с севера и с юга. Со всех четырех сторон сошлись тучи над поляной Осмо и ударились краями друг о друга.

От могучего удара стали падать с неба дождевые капли. Точно сладким медом напоили они землю — чтобы легче было семенам взойти, чтобы набрали побольше силы нежные ростки.

Проходит день, и другой, и третий.

Дни сменяются ночами, ночи — днями.

На седьмой день вышел Вяйнемейнен в поле. Видит — высоко поднялись налитые шестигранные колосья.

Шумит, колышется хлеб, а посреди золотого поля, словно сторож, стоит березка.

Прилетела кукушка, села на ветку березы и закуковала. Обрадовался старый, мудрый Вяйнемейнен весенней птице и говорит ей такие слова:

— Ты кукуй, моя кукушка,

Пой, серебряная птица,
Птица с грудью оловянной,

Птица с грудью серебристой,
С золотою грудкой птица!
Пой мне утром, пой мне ночью,
На рассвете, на закате,
Ты кукуй в часы полудня,
Чтобы рощи украшались,
Чтобы нивы золотились,
Чтобы взморье богатело
И весь край был полон хлеба!

Йоукахайнен вызывает Вяйнемейнена на состязание

Много было у Вяйнемейнена друзей в солнечной Калевале.

Каждая веточка в лесу встречала его приветом, каждая былинка в поле ему кланялась, каждая песчинка на дороге, каждая дождевая капля вела с ним разговор.

Всё было открыто его мудрым глазам — и незаметный рост деревьев, и течение подземных вод.

Все было понятно его слуху — и говор морских волн, и язык лесных птиц.

В зеленых дубравах, в лесных чащах, на золотых полянах пел старый, мудрый Вяйнемейнен о минувших временах, о начале всех начал.

Он пел, чтобы весельем начиналось утро, чтобы ясным был долгий день и радостным тихий вечер. Его песни повторяли и деревья в лесу, и цветы на лугах, их распевали веселые птицы, их разносил по земле вольный ветер.

Дошли песни Вяйнемейнена до страны тьмы и холода — до сумрачной Похьёлы, туманной Сариолы.

А в Похьёле жил Йоукахайнен, хвастливый и буйный парень.

Вбил себе в голову молодой сын Похьёлы, что он самый первый во всем свете певец.

Гневом и завистью загорелось его сердце, когда услышал он о чудесных напевах Вяйнемейнена.

«Верно, не знают в этой Калевале моих песен, — думает Йоукахайнен. — Поеду-ка я, покажу там свое умение, посрамлю прославленного песнопевца!»

Мать ему говорит:

— Лучше бы не ездил ты в Калевалу — пропадешь там!

Отец ему говорит:

— На беду едешь ты в Калевалу! Потом сам пожалеешь!

Но не слушает Йоукахайнен ни мать, ни отца!

— Не пугайте, не учите, — говорит. — Хоть и много вы знаете, а я знаю еще больше.

Выбрал он самого лучшего коня, запряг в золотые сани, взял кнут, разукрашенный жемчугом, и отправился в путь.

Резво бежит его конь — из ноздрей у него пламя пышет, из-под копыт летят искры.

Настегивает Йоукахайнен своего скакуна и поет хвастливую песню:

— Если захочу поспорить
И с певцами состязаться,
Так спою, что кто был первым,
Тот певцом последним станет.
В камень я его обую,
Каменной покрою шапкой,
На руки ему надену
Каменные рукавицы!

Скачет Йоукахайнен день, мчится другой. И только на закате третьего дня увидел он землю Калевалы.

Еще быстрее погнал Йоукахайнен коня, не терпит ему поскорее увидеть старого, мудрого Вяйнемейнена.

А в это время по той же дороге, по тому же пути ехал сам старый, мудрый Вяйнемейнен.

Вот уже совсем сблизились их сани, не разойтись им на узкой тропинке. Но не захотел молодой Йоукахайнен остановиться. Стегнул он коня и с ходу наскочил на встречные сани.

От удара дыбом встали оглобли, зацепились полозья за полозья, гужи переплелись с гужами, сбились на сторону хомуты.

Смотрят друг на друга седоки и молчат. А из расколотых дуг влага сочится, пар к небу поднимается.

Наконец сказал старый, мудрый Вяйнемейнен:

— Что же скачешь ты, не разбирая дороги? Откуда родом ты, безрассудный? Как зовут тебя, дерзкого?

— Йоукахайнен я, родом из славной Похьёлы. А ты, несчастный, кто такой?

— Ничем не прославлено мое имя, а зовут меня Вяйнемейнен, — отвечает песнопевец. — Но ты хоть и знатен, а все таки помоложе меня. Уступи же мне дорогу, сын славной Похьёлы.

Не сдвинулся с места Йоукахайнен.

— Что хвалишься ты своей старостью! — говорит он в ответ. — Тому дорога, кто умом, а не годами старше. Давай-ка, старый Вяйнемейнен, померимся сначала силою наших песен, покажем друг другу свою мудрость.

Отвечает ему Вяйнемейнен:

— Певец я безыскусный, весь свой век прожил среди родных полей и лесов, слушал только кукованье кукушки, видел только деревья и травы. Но пусть будет так, как ты хочешь... Начинай же, молодой Йоукахайнен. Открой мне свою мудрость.

Не заставил себя долго просить сын Похьёлы.

— Ну, слушай меня, старый Вяйнемейнен. Только боюсь, что не вместить твоей бедной голове того, что я знаю. А знаю я много! Знаю, что щука мечет икру, а синица несет яйца. Знаю, что по снегу ездят на санях, а по воде плавают на лодках. И еще знаю, что дрозд — певчая птица, что гадюка — ползучая змея, а ерш — речная рыба. Знаю, что кипятком можно обжечься, а на морозе — замерзнуть. Вот как много я всего знаю!

Усмехнулся Вяйнемейнен.

— Может, еще что-нибудь припомнишь? — спрашивает. — Или уже всю свою глупость показал?

— Нет, кое-что еще помню, — говорит Йоукахайнен хвастливо:

— Помню древность я седую,
Помню, как я создал землю
И над нею поднял горы...
Я вспахал равнину моря,
Я вскопал морские глубины,
Я воздвигнул свод небесный
И пустил по небу солнце,
А под ним повесил месяц,
А кругом рассыпал звезды...

Не стерпел тут старый, мудрый Вяйнемейнен. Грознее грома загремел его голос:

— Замолчи, жалкий хвостун! Видно, последний рассудок ты потерял, несчастный!

А Йоукахайнен ему в ответ:

— Коли я потерял рассудок, так мой меч поможет мне вернуть его. Чем скалить зубы, выходи-ка, старый Вяйнемейнен, помериться со мной мечами!

— Нет, — говорит Вяйнемейнен, — с таким жалким лгуном, как ты, не буду я мериться мечами.

От гнева весь задрожал Йоукахайнен. Рот у него перекосялся, косматая голова затряслась.

— Боишься меч вынуть? — закричал Йоукахайнен. — Ну так все равно от меня не уйдешь!

Я тебя своею песней
Превращу в свиное рыло,
В грязный хлев тебя заброшу,
Утоплю тебя в навозе!
Я тебя...

Но не дал ему кончить Вяйнемейнен.

— Довольно я тебя слушал, — говорит он Йоукахайнену. — Теперь, ты слушай меня!

И вот запел вещий песнопевец:

— Всколыхнитесь, моря глуби,
Горы медные, дрожите,
Скалы твердые, обрушьте,
Рассыпайтесь в пыль, утесы!

И моря забурлили, зашатались высокие горы, дрогнула земля.

Поет Вяйнемейнен — и все свершается по его слову. Позолоченные сани Йоукахайнена превратились в прибрежный тальник, резвый конь стал каменной скалой, пестрые рукавицы — болотными кувшинками.

Была у Йоукахайнена шапка — и нет ее, а вместо шапки черная туча повисла над землей. Вот и кафтан Йоукахайнена поплыл в вышине легким облаком. И блестящий пояс его рассыпался в небе яркими звездами.

Поет Вяйнемейнен — и меч глупого Йоукахайнена молнией вырвался из ножен. Раскрашенный лук его разноцветной радугой перекинулся над морем. Острые стрелы разлетелись во все стороны ястребами.

Поет Вяйнемейнен — и каждое слово вещего песнопевца камнем ложится на плечи безрассудного Йоукахайнена. Уже по колено провалился он в болото, по пояс увяз в трясине...

Страх охватил Йоукахайнена.

— О мудрый, добрый Вяйнемейнен! — взмолился он. — Что тебе в моей гибели? Пощади меня, и я дам тебе за это богатый выкуп!

— Что же ты дашь мне, если я сниму с тебя заклятья, если возьму назад

колдовские слова? — спрашивает Вяйнемейнен.

— Есть у меня два славных лука, — говорит Йоукахайнен, — один бьет верно, другой целит метко. Бери себе любой!

Покачал головой Вяйнемейнен.

— Глупый ты, глупый! На что мне твои два лука? У меня дома их столько, что на стенах места для них не осталось, гвоздей не хватает, чтобы вешать их. И уж таких луков, как у меня, ни у кого нет: прикажу — сами в лес полетят, сами зверя мне настреляют.

И снова запел старый, мудрый Вяйнемейнен.

А глупый Йоукахайнен еще глубже ушел в зыбкую топь.

— О мудрый Вяйнемейнен, — снова просит он, — не губи меня! Есть у меня два легких челнока — один на воде не тонет, другой ко дну не идет. Возьми себе любой, выбирай какой понравится.

— Не нужны мне твои челноки, — отвечает ему Вяйнемейнен. — У меня их столько, что на берегу для них места не найти. И уж челноков лучше моих нигде во всем свете нет: одни по ветру идут — ветер обгоняют, другие против ветра бегут — птиц позади оставляют.

Опять запел Вяйнемейнен — и по самую шею провалился в болото Йоукахайнен.

Чуть не плачет жалкий хвостун.

— Ну, хочешь, — говорит он, — дам тебе шапку серебра, лисью шкуру золота? Об одном только прошу — сними заклятья, отведи колдовские слова!

— Нет, не нужно мне твоего серебра, — говорит Вяйнемейнен, — и золота твоего мне не нужно. Сколько у солнца золотых лучей — столько и у меня золота. Пока серебристый месяц сияет над землей — и у меня не переведется серебро.

И запел снова.

Вот уже до самого подбородка затянула Йоукахайнена трясина.

— Пощади меня, мудрый Вяйнемейнен! — снова взмолился он. — Избавь от несчастья, спаси от злой гибели, и я отдам тебе весь хлеб с моих полей.

— Не нужен мне чужой хлеб, — отвечает ему Вяйнемейнен. — Чужой хлеб горек, а у меня своего вдоволь. Куда ни гляну — там поле колосится, куда ни

повернусь — там золотые скирды рядами стоят.

И опять запел.

Совсем плохо пришлось Йоукахайнену — по самые уши завяз он в болоте, с бородкой ушел в трясину. Рот ему мхом забило, в зубах кустарник застрял.

Едва слышным голосом просит он Вяйнемейнена:

— О вещий песнопевец, не губи меня, оставь мне жизнь! Хочешь я отдам тебе в жены свою родную сестру, любимую дочь моей матери? Будет она мести твое жилище, будет печь для тебя медовые лепешки и ткать тебе золотое платье. Будет она тебе помощницей в доме, опорой в старости.

— Вот это хорошо ты сказал! — воскликнул Вяйнемейнен. — Давно я хочу взять себе жену, скучно мне одному в пустом доме. Уйду — никто мне вслед не махнет рукой. Вернусь — никто не скажет мне «Здравствуй!»

Я один, как чайка в море,
Как скала среди пучины,
Как сосна на голом склоне...

Да, хорошо ты сказал. От такого слова на сердце весело становится...

И снова запел Вяйнемейнен. Спел одну песню, другую, третью, и опять запекает, и снова поет.

И вот — словно ветер разогнал темные тучи — разлетелись колдовские слова, рассеялись грозные заклятья.

Вытащил молодой Йоукахайнен из болота бороду, вытянул из трясины шею, расправил плечи, ногами стал на твердую землю.

Смотрит — там, где висилась скала, снова стоит его конь. Семицветная радуга легла у его ног стальным луком.

Прибрежный тальник обернулся санями. Камыш стал опять простым кнутом, болотные кувшинки — старыми пестрыми рукавицами, и кафтан на нем прежний, и шапка — прежняя.

Не раздумывая долго, вскочил Йоукахайнен в сани и погнал своего коня прочь от этого злого места.

И Вяйнемейнен тоже повернул своего коня. Спешит он домой, чтобы собраться в

дальний путь, в неведомую сумрачную Похъёлу — туда, где живет его красавица невеста.

Невеста Вяйнемейнена быстрой рыбкой уплывает в море

С шумом-громом подъехал йоукахайнен к своему дому. Разогнался так, что сани об овин разбил, оглобли о ворота расколол.

Шапка у Йоукахайнена сбилась на сторону, зубы стиснуты, губы от злости побелели.

Говорит ему мать:

— Что ты, как безумный, едешь? Зачем сани поломал? Чем оглобли перед тобой провинились?

Тут заплакал Йоукахайнен горькими слезами. Опустил голову и говорит:

— Беда случилась, матушка! Несчастье пришло к нашему порогу. Чуть не погубил меня жалкий старик своими песнями. Его слова даже камни слушаются! Только потому и остался я в живых, что обещал отдать ему в жены дорогую мою сестрицу, любимую твою дочку Аино.

Отвечает Йоукахайнену мать:

— Нечего тебе печалиться, нечего голову вешать! Давно я мечтаю, чтобы стал Вяйнемейнен моим зятем, мужем любимой моей дочери. Уж кому, как не тебе, знать, что самый мудрый он среди мудрецов, самый первый среди песнопевцев. Он от нас всякую беду отведет, от всякого зла будет нам защитой.

Позвала она дочку свою Аино и говорит ей:

— Дочка моя милая, пойди открой мой свадебный ларец — там найдешь ты семь прекрасных платьев из самой тонкой шерсти. Их ткала дочь Месяца, их шила дочь Солнца. Ты возьми платье из лучших самое лучшее, надень серебряный налобник, укрась руки золотыми кольцами, шею — ожерельем жемчужным. Выйди к нам в праздничном уборе, как цветочек весенний, — жениху на радость, отцу-матери на утеху. Едет к тебе свататься старый, мудрый Вяйнемейнен.

Услышала Аино эту весть, и тяжелая печаль легла ей на сердце. Надела она платье из самой тонкой шерсти, украсила голову серебряным налобником, шею — крупными жемчугами, а потом села на порог родного дома и заплакала.

Чернее смолы ее думы. Чернее угля ее мысли.

Спрашивает ее мать:

— О чем ты, дочка, плачешь? О чем, глупая, льешь слезы? Сватается к тебе самый могучий из всех героев. Будешь ты ходить в дорогих платьях, каждый день будешь есть жирную свинину, заедать белыми пирогами, запивать сладким медом.

Отвечает матери Айно:

— Лучше всегда буду я ходить в простом платье, лучше буду черный хлеб запивать холодной водой, да зато жить под отцовской крышей, под материнским крылышком. Жаль мне и скамейку в родном доме, на которой я сживала, и окошко, у которого пела песни.

Уговаривает мать дочку:

— О пустом ты печалишься! Не одно только окошко, что в отцовском доме. Не одна только скамейка, что под этой крышей. Будешь ты хозяйкой в доме Вьянмейнена, будешь старому опорой, песнопевцу — утешением.

Но не слушает ее Айно.

— Лучше не жить мне на свете, лучше бы совсем не родиться, чем идти замуж за старого! Шагнет он через порог — и споткнется, зачерпнет воду ковшом — всю расплещет.

Выбежала Айно за ворота, идет по холмам и равнинам, по лесам и лугам и прощается с белым светом:

— Никогда больше не видеть мне этих полей и роц! Унесу я свою печаль в темные пучины моря, спрячу свою скорбь в холодных морских волнах!..

Один день идет Айно, и другой, и третий — и пришла наконец к берегу моря.

Сбросила она платье, скинула башмаки, на осиновый сучок повесила чулки, положила на прибрежные камни ожерелье и легкими шагами вошла в воду.

Ступила шаг, другой — и пропала в пучине вод, исчезла в темной глубине волн.

Только голос ее слышен со дна моря:

— Мать, отец, мои родные! Я на дно морей спускаюсь, В глубину пучины темной, В тину, смешанную с илом. Буду вечно в море плавать, На волнах качаться буду,

Буду я сиграм сестрою И подругой быстрым рыбам. Никогда, отец мой милый, Никогда, до самой смерти, Не лови сетями рыбы На просторах вод широких, Где я, бедная, погибла, Молодая, потонула. Мать любимая, родная! Никогда до самой смерти, Собираясь ставить тесто, Не бери воды студеной Там, где дочь твоя погибла, Молодая, потонула. Никогда, мой брат любимый, Никогда до самой смерти Не купай коня ты в море, Здесь, на отмели песчаной! Волны, что у края плещут, — Это кровь твоей сестрицы, У воды растет кустарник — Это косточки погибшей. Меж камней трава пробилась — Это косы бедной Айно.

Услышала мать голос милой дочери и горько заплакала. Бегут слезы из ее глаз, струятся по щекам, дождем падают на грудь. Заливают слезы подол ее платья, тяжелыми каплями стекают на чулки, льются на вышитые башмаки.

Разлились ее слезы по земле тремя ручьями, растеклись тремя реками. Посреди каждой реки высится холм, а на вершине каждого холма растет березка, и на каждой березке сидит золотая кукушка.

Кукуют кукушки в три голоса.

Одна кукует — любовь обещает. Другая кукует — жениха кличет. Третья кукует — радость сулит.

А накуковали кукушки всем беду.

Бедной невесте смерть накуковали. Брошенному жениху печаль накуковали. Осиротевшей матери вечные слезы накуковали.

Прилетела недобрая весть в дом Вяйнемейнена.

Весь день, всю долгую ночь плакал старый, мудрый Вяйнемейнен о своей погибшей невесте.

А когда настал второй день, пошел Вяйнемейнен к берегу моря. Смотрит он с тоской на волны и всё ждет — не выплывет ли та, к которой стремился он всей душой.

Долго ждал Вяйнемейнен. Но не видно Айно среди пенистых волн.

Тогда взял Вяйнемейнен медную удочку — с серебряной леской, с золотой приманкой — и закинул в море.

«Может быть, удочкой выманю ее из глубины морской пучины», — думает Вяйнемейнен.

Целую ночь просидел он у моря. И вот на утренней заре дрогнула серебряная

леска, задрожало медное удилице — и вытащил Вяйнемейнен из морских волн невиданную рыбу.

Смотрит на нее Вяйнемейнен и удивляется. Сиг — не сиг, пеструшка — не пеструшка. И на щуку не похожа, и окунем не назовешь.

«Никогда еще в жизни не попадалась мне такая рыбина!» — думает Вяйнемейнен.

Вынул он из-за пояса нож в серебряной оправе и уже хотел распластать диковинную рыбу, как вдруг выскользнула она из его рук и нырнула в море.

Плещется рыбка около берега — то одним боком повернется, то другим, то хвостом плеснет, то головку из воды поднимет — и говорит такие слова:

— О старый, мудрый Вяйнемейнен! Не для того я поднялась со дна моря, чтобы ты сварил меня в котле, чтобы съел меня на обед, приготовил бы из меня ужин.

Спрашивает ее Вяйнемейнен:

— А зачем же ты поднялась тогда на гребни волн?

Отвечает ему рыбка:

— Для того поднялась я на гребни волн, чтобы стать твоей женою, чтобы украшать твое жилище, печь для тебя медовые лепешки, подносить тебе в кружке пенистое пиво. Я ведь и не окунь и не щука. Как же не узнал ты меня, старый? Я — та, к которой стремился ты всем своим сердцем. Айно зовут меня... Да где уж тебе меня поймать!..

Сказала, хвостиком плеснула — и исчезла в темных волнах.

Зовет Вяйнемейнен рыбку:

— Вернись ко мне! Выплыви из глубины вод!

Но не видно больше в волнах быстрой рыбки.

Поник головой старый, мудрый Вяйнемейнен.

«Верно, совсем лишился я рассудка, — думает он, — и одряхлело мое сердце, если не узнал я ту, к которой стремился всей душой».

Долго думал Вяйнемейнен, как бы выловить ему милую рыбку, как вернуть желанную невесту.

Принес он на берег сети, закинул их далеко в море и тянет через бухты и

заливы, тащит по илистому дну, по гребням волн, через светлые потоки. Много поймал он всякой рыбы — и сигов, и окуней, и щук, и лососей. Только одна рыбка не попала в его сети — та, которую он искал.

Вяйнемейнен едет свататься к красавице Похъёлы

Печальный вернулся Вяйнемейнен в свое одинокое жилище. Нет у него хозяйки в доме, нет опоры в старости. Никто ему воды в кружке не поднесет, никто не испечет для него медовых лепешек. А та, о которой мечтал он, навсегда ушла от него в пучину морских волн.

«Плохое настало для меня время, — думает Вяйнемейнен. — Как теперь буду жить? Как буду один скитаться в этом мире?

Пели некогда кукушки, Куковали мне на радость
Рано утром, на закате, На рассвете, в час полудня.
А теперь замолк их голос И погиб напев чудесный.
Этот голос грусть умчала, Унесло его унынье...

А кукушка словно услышала его невеселые думы, прилетела из чащи и села на березку среди поля.

— Не печалься, Вяйнемейнен, — говорит кукушка. — Не грусти, песнопевец. Когда тебе грустно — и птицы замолкают, и цветы опускают головы. Без твоих песен даже ясное солнце соскучилось, без них и светлый месяц стосковался... Послушай меня, старый, мудрый Вяйнемейнен, — есть еще на свете радость. И жену себе ты тоже найдешь. Разве не знаешь ты, что сама хозяйка Похъёлы выдает замуж свою дочь? Чем она тебе не жена?

— Спасибо, добрая кукушка! — говорит Вяйнемейнен. — Ведь и верно — не последний я среди песнопевцев, не самый слабый из богатырей! Посватаюсь-ка я к красавице Похъёлы!

Выбрал он себе коня и отправился в путь.

Конь под ним гороховой масти, грива у коня — словно спелая рожь, бока — что золотая солома.

Быстро бежит конь по холмам и равнинам, не замочив копыт, скачет соломеннобокий по морским волнам.

И не знает старый, мудрый Вяйнемейнен, что злой Йоукахайнен задумал его

погубить.

Черная злоба жжет огнем сердце Йоукахайнена.

«Пусть в мире погибнет радость, пусть навсегда замолкнут песни — все равно я убью его, — думает Йоукахайнен. — Метким луком поражу старого в самое сердце, острым копьем ударю между лопатками и снова буду первым среди песнопевцев».

Принялся он мастерить себе новый лук. Славный лук получился у Йоукахайнена. По одному склону дуги конь бежит, на другом склоне медвежонок спит, а у зарубки дремлет зайчик.

Где же взять тетиву для такого лука?

Из крепких жил быстрого оленя сделал Йоукахайнен тетиву.

Где теперь найти стрелы, чтобы насмерть разили они врага?

Из железа выковал Йоукахайнен стрелы, из смолистых веток выточил наконечники. Потом закалил железо на жарком огне, смочил дерево ядовитой змеиной кровью и трижды оперил каждую стрелу перышками касатки, крылышками воробья.

Вот и лук и стрелы готовы.

Днем и ночью, на рассвете и в час полудня поджидает Йоукахайнен старого, мудрого Вяйнемейнена. Стережет его под окошком, выслеживает из-за ограды, высматривает в поле.

За спиной у Йоукахайнена колчан, в руках — тугой лук.

А Вяйнемейнена всё нет и нет.

Отошел Йоукахайнен подальше от дома. На краю огненного мыса ждет он недруга, подстерегает его у кипящего водопада.

До самого берега моря дошел Йоукахайнен, посмотрел на север, поглядел на запад, повернулся лицом к солнцу и видит — чернеет что-то на далеком мысу.

«Не туча ли это надвигается, не облако ли это утреннее?» — думает Йоукахайнен.

Нет, это не туча дождевая и не утреннее облако — это старый, мудрый Вяйнемейнен едет на коне в Похьёлу.

От радости забилося сердце Йоукахайнена, от злобы застучало громче прежнего.

Выхватил он из колчана стрелу, натянул медно-золотой лук и говорит:

— Ты лети, березы ветка, Натянись, оленья жила! Если я нацелю низко, Пусть стрела летит повыше, Если высоко нацелю, Ниже пусть она несется!

Полетела стрела. В самое небо воткнулась и затерялась среди пестрых облаков.

Вторую стрелу взял Йоукахайнен.

Над самой землей полетела стрела и ударилась в песчаный холм — да так, что землю чуть насквозь не пробила.

Тогда выхватил Йоукахайнен из колчана третью стрелу. Со звоном и свистом полетела стрела. Но и на этот раз не задела она Вяйнемейнена. А коня его ранила насмерть.

Пронзил ядовитый наконечник резвого коня, через правый бок у левой лопатки вышло железное острие.

Споткнулся конь, подкосились у него ноги, и вместе с Вяйнемейненом упал он на синие гребни волн.

Тут поднялась буря, налетели ветры — с востока и с запада, с севера и с юга, подхватили ветры старого, мудрого Вяйнемейнена и понесли в открытое море, на широкий морской простор.

А Йоукахайнен смотрит с берега, и злое сердце его радуется.

Вскинул он лук за спину, идет домой и громко похваляется:

— Вяйнемейнена сразил я, Одолел я песнопевца. Пусть он по волнам несется, Бороздит пучину моря! О могучий Вяйнемейнен! Ты шесть лет по морю плавай, На волнах шесть лет качайся, Восемь лет носись по водам, По открытому простору! Шесть ты лет сосною плавай, Ты семь лет носись, как елка, Восемь лет, как пень, качайся На равнине вод широких, На хребте морской пучины! Ты живым не возвратишься, Никогда ты не вернешься В рощи Вяйнелы любимой, На просторы Калевалы! Не увидишь, Вяйнемейнен, Золотого света солнца, И луны тебе не видеть Серебристого сиянья!

Хозяйка Похьелы обещает выдать свою дочь за того, кто выкует Сампо

Восемь дней и восемь ночей бросали волны старого, мудрого Вяйнемейнена с гребня на гребень. Как сосновую ветку, кидало его из стороны в сторону, словно еловый сучок, кружило по морским дорогам.

Куда ни взглянет Вяйнемейнен — перед ним только синее море, поднимет голову — над ним только синее небо.

Из последних сил держится Вяйнемейнен за пенистые гребни. А помощи ждать неоткуда. Со всех сторон подстерегает его гибель. Если не потонет — погибнет с голоду, если не погибнет с голоду — потонет.

«Горе мне, — думает Вяйнемейнен, — горе мне, сыну несчастья! Зачем оставил я свою землю? Зачем покинул родную страну? Не поставишь дом на морских волнах, не укрепишь стены ветром».

Летел над морем орел — не сказать, что из самых больших, но и не из самых маленьких: одним крылом задевает волны, другим крылом задевает тучи, хвостом море бороздит, клювом в берег упирается.

Посмотрел орел направо, поглядел налево и увидел в волнах Вяйнемейнена.

— Что ищешь ты в море, старый, мудрый Вяйнемейнен? — спрашивает орел. — Почему качаешься на синих волнах?

Отвечает ему Вяйнемейнен:

— Вот послушай, что со мной случилось. Задумал я взять жену в свой дом и поехал свататься к красавице Похьёлы. Да на беду подкосились ноги у моего коня и потонул он в морской пучине. А я на волны упал. Уже восемь долгих дней качаюсь я на хребте синего моря. Из последних сил держусь за пенистые гребни. Все руки себе сбил, ногти обломал. Видно, пришел мне, сыну несчастья, конец!

— Не печалься, — говорит ему орел. — Садись ко мне на спину, и я понесу тебя куда хочешь. Я ведь помню тот день, помню то доброе время, когда оставил ты на полях Калевалы березу, чтобы отдышали на ней перелетные птицы, чтобы и я, небесный орел, мог посидеть на ее ветках. Пришел теперь мой черед отплатить тебе добром за добро.

Спустился орел еще ниже и подставил Вяйнемейнену свое могучее крыло.

Взобрался Вяйнемейнен к орлу на спину, и полетели они дорогой весенних ветров в сумрачную Похьёлу, в суровую Сариолу.

Немного прошло времени, и достигли они туманных берегов чужой земли. Тут оставил орел Вяйнемейнена, а сам опять взвился в небо, могучими крыльями зашумел в вышине.

Холодно, темно в Похьёле. Даже воздух и тот застыл на морозе. По снежным полям скачут здесь снежные зайцы, в снежных реках купаются снежные утки, над застывшими водопадами пролетают ледяные лебеди.

До самого сердца пробрал Вяйнемейнена холод. Немилой показалась ему чужая земля, и пошел он искать дорогу в родные места — туда, где он родился, где слушал в тенистых рощах кукушку и на цветущих полянах Осмо складывал веселые песни.

Долго он шел. Нигде ни дороги, ни тропинки.

Совсем опечалился Вяйнемейнен. Чернее угля, темнее смолы стали его думы. Сел он на прибрежный камень и горько заплакал.

Рано утром вышла из дому молодая работница, что прислуживала самой хозяйке Похьёлы, злой старухе Лоухи.

Поспорила она с солнцем, кто раньше встанет.

И вот еще петухи не пропели, еще солнце не открыло своих глаз, а она уже взялась за работу. Остригла пять овец, сняла шерсть с шести ягнят, наткала сукна, вымыла столы, чистым веником подмела пол, а потом собрала сор на медную лопатку и вынесла во двор.

И вдруг слышит — плачет кто-то вдалеке.

Бросилась она в дом и говорит старухе Лоухи:

— Слушай, хозяйка, кто-то стонет и плачет на берегу. Может, это малые дети слезы льют? Или женщины причитают?

Вышла старая Лоухи, хозяйка Похьёлы, на крыльцо, послушала одним ухом, послушала другим и говорит:

— Так не плачут дети. И женщины так не причитают. Это плачет сильный муж, могучий герой. Беги скорее, веди его ко мне в дом!

Побежала служанка на берег моря.

В густом ивняке нашла она Вяйнемейнена и привела в дом старухи Лоухи.

Весь он избит злыми волнами. Борода у него растрепалась, волосы повисли ключьями. Сотни ран у него на теле. Тысячу ударов обрушил на него ветер.

Спрашивает его хозяйка Похъёлы:

— Скажи мне, бедный старик, кто ты такой, откуда родом?

Отвечает ей Вяйнемейнен:

— Был я певцом в родных долинах Калевалы, в зеленых дубравах Вяйнелы. На радость людям пел я свои песни, чтобы весельем начиналось их утро, чтобы светлым был долгий день и ясным — вечер. Но теперь постигло меня горе, и я сам не знаю, кто я такой.

— Какое же горе постигло тебя, Вяйнемейнен? — спрашивает старая Лоухи. — Поведай мне, какое несчастье случилось с тобой?

— Коли хочешь знать — слушай, — отвечает ей Вяйнемейнен. — Вот уже сколько дней не могу я найти дороги в родные места. Потому я и плачу, что по чужой земле ступают мои ноги, через чужие ворота вошел я на чужой двор, перешагнул через чужой порог, открыл чужую дверь. Не радуется меня на чужбине и береза, больно ранит мое сердце ольха. Здесь все деревья — мои враги, каждая ветка бьет меня по лицу. Только ветер, что примчался с далекой моей родины, — мой товарищ. Только солнце, что светит над любимой Калевалой, — мой друг на этой чужой земле.

— Напрасно ты горюешь, Вяйнемейнен, — говорит ему старуха Лоухи. — Оставайся лучше здесь. Будет у тебя вдоволь и семги и свинины. Забудешь ты о своей Калевале, заживешь в нашем краю, не зная забот.

Отвечает ей Вяйнемейнен:

— Нет радости тому, кто покинул родину. Не знать ему счастья на чужбине.

Нам сладка в краю родимом И вода, что из-под лаптя. На чужбине мёд нам горек
В раззолоченном сосуде.

— А что ты мне дашь, если я помогу тебе вернуться домой? — спрашивает злая Лоухи, хозяйка вечно мрачной Похъёлы.

— Выбирай, что тебе больше по душе, — говорит Вяйнемейнен. — Хочешь — дам шапку серебра, хочешь — мешок золота, а хочешь — лесные птицы будут петь для тебя свои песни.

— О старый, мудрый Вяйнемейнен, — говорит хозяйка Похъёлы, — ошибся ты на этот раз. На что мне серебро и золото? На что мне песни? Золото — только молодым забава, серебро — только коням украшение, а песни — одним лишь детям утеха. Скажи-ка мне лучше, сможешь ли ты выковать Сампо? Сможешь ли из пера лебедки, из клочка овечьей шерсти, из молока нетельной коровы да из ячменного зерна сделать мне чудесную мельницу, чтобы молола она когда надо муку, когда надо — соль, когда надо — деньги? Если скуешь мне Сампо, если украсишь пеструю крышку, я дам тебе в жены мою дочь и покажу тебе дорогу в родной дом. Снова будешь ты слушать пенье птиц в зеленых чашах Калевалы, кукованье кукушки в цветущих рощах Вяйнелы. А не выкуешь мне Сампо — не видать тебе больше родных мест!

Говорит ей Вяйнемейнен:

— Нет, не могу я выковать Сампо, не могу украсить пеструю крышку. Но если поможешь мне вернуться на родину, я пришлю тебе кователя Илмаринена. Самый искусный он во всем свете мастер. Ведь это он выковал небо, он выковал крышу воздуха — да так, что нигде ни одной зазубринки не видно и даже следов от клещей нигде не осталось. Илмаринен тебе и Сампо выкует.

Отвечает ему хозяйка Похъёлы, злая старуха Лоухи:

— Хорошо, поверю твоему слову. Покажу тебе дорогу на родину. Только уж дочери моей, моего весеннего цветочка, моей веселой птички, тебе не видать. За того отдам я ее замуж, кто выкует мне Сампо.

Вывела старая Лоухи из конюшни резвого коня, запрягла его в сани и говорит Вяйнемейнену:

— Слушай, что скажу тебе, — пока не доедешь до дому, не поднимай головы, не гляди на небо, а не то беда случится.

Взмахнул Вяйнемейнен кнутом и понеслись сани по дороге.

Из туманной Похьёлы, из суровой Сариолы домой, в родные края, едет старый, мудрый Вяйнемейнен.

Вяйнемейнен делает для красавицы Похьёлы лодку и ранит себя топором

Спешит, торопится старый, мудрый Вяйнемейнен в родную Калевалу.

Звенит дорога под копытами коня, скрипят быстрые полозья, трещит на морозе сухая дуга.

И вдруг слышит Вяйнемейнен — что-то зажужжало у него над головой. Забыл он, о чем говорила ему старуха Лоухи, и поднял голову.

Смотрит вверх — и глаз отвести не может. На небесной радуге, на семицветной дуге сидит красавица Похьёлы и прядет пряжу. Слово птица, летает в ее легких руках серебряный челнок, без конца тянется золотая нитка в ее проворных пальцах.

Остановил Вяйнемейнен коня и говорит красавице:

— Не скучно тебе, украшение земли и неба, сидеть здесь одной? Сойди лучше вниз, садись в мои сани, и повезу я тебя к себе на родину. Будешь ты в моем доме хозяйкой, будешь печь медовый хлеб и варить пенистое пиво, будешь петь у окна звонкие песни, веселиться на полях Калевалы.

А красавица творит ему в ответ:

— Спрашивала я у веселого дрозда, спрашивала у сизокрылой синицы, как лучше мне прожить на свете: у отца ли с матерью — любимой дочкой или у мужа — послушной женой? И ответил мне веселый дрозд, просвистела сизокрылая синица: «Тепло греет солнце, а родительская любовь еще теплее. Промерзает на морозе железо, а жене в мужнином доме еще холоднее. При отце с матерью девушка — точно ягодка в поле, а жена при муже — точно собака на привязи».

— Пустые это песни, глупые это слова, — отвечает ей Вяйнемейнен. — У девушки ум, что у малого ребенка. Только жен чтут и уважают герои. Садись-ка в мои сани, красавица. Не худший я из женихов, не последний из богатырей.

Отвечает ему красавица Похъёлы:

— Не знаю я, чем ты славен, не слыхала я о твоих подвигах. Вот если разрежешь волос тупым ножом, тогда назову тебя героем, тогда стану твоей женой.

Недолго думая, вырвал старый Вяйнемейнен волосок из своей бороды, достал нож и тупой стороной разрезал волос надвое.

А красавица ему говорит:

— До тех пор не сяду я к тебе в сани, пока не вырежешь мне изо льда спицы, да так, чтобы ни одна крошка льда не обломилась.

Всё сделал Вяйнемейнен, как хотела красавица. Острым лезвием вырезал он изо льда тонкие спицы. И уж такие гладкие, будто выточены из кости! И ни одного кусочка льда не упало, пока вырезывал их Вяйнемейнен.

А красавица опять говорит:

— Разрезать волос даже ребенок сумеет. И спицы сделать тоже нехитрое дело. Только за того выйду я замуж, кто сколотит мне из обломков веретенца лодку. Только того назову героем, кто спустит лодку на воду, не дотронувшись до нее рукой, не толкнув коленом, не сдвинув плечом.

— Ну, лодку построить — это дело как раз по мне, — отвечает Вяйнемейнен.

Взял он кусочки сломанного веретенца и на каменной горе принялся вытесывать доски.

Работает он день, трудится другой, и ни разу не изменил ему глаз, не дрогнула рука.

На третий день услышал злой Хийси стук топора.

Разгневался Хийси, что кто-то потревожил его, и решил проучить дерзкого.

Вот взмахнул Вяйнемейнен топором, хочет по дереву ударить, а Хийси схватился за топориче и прямо на скалу направил лезвие.

Отскочил топор от крепкого камня и с размаху рассек бедному Вяйнемейнену колено.

Бурным ручьем хлынула кровь из глубокой раны.

— Глупый, неразумный топор! — говорит Вяйнемейнен. — Зачем же ты меня поранил? Верно, показалось тебе, что ты рубишь дикие сосны, или, может быть,

подумал ты, что воюешь с косматой елью, или померещилось тебе, что валяешь крепкие березы, когда ударил ты меня по колену, острым лезвием перебил мне жилы?

Прикладывает он к ране и травы, и лишайники, и болотные мхи — нет, не унимается грозный поток. С шумом сбегает непокорная кровь на землю, заливают цветы на полянах, растекается прудами на лугах.

Не знает вещей песнопевец таких слов, что крепкой повязкой ложатся на рану, словно на замок запирают буйную кровь.

С трудом запряг Вяйнемейнен коня, сел в сани и отправился искать того, кто своей мудростью излечил бы его от недуга.

Немного времени прошло и подъехал он к деревне. В три стороны расходится здесь дорога.

Взмахнул Вяйнемейнен кнутом и направил коня по нижней дороге. У первого дома остановился и говорит такие слова:

— Нет ли кого-нибудь в этом доме, кто исцелил бы героя, кто остановил бы реку крови?

Отозвался с печки малый ребенок:

— Нету здесь такого. Спроси в другом доме, может, там тебе помогут.

Поехал Вяйнемейнен средней дорогой. Остановился у среднего дома и говорит под окошком такие слова:

— Нет ли кого-нибудь в этом доме, кто исцелил бы мои раны, кто бы успокоил боль в моем теле?

Отвечает ему с печки старая старуха:

— Нету здесь такого. Поезжай дальше, может, в другом доме тебе помогут.

Погнал Вяйнемейнен коня по верхней дороге. Подъехал к крыльцу последнего дома и спрашивает:

— Нет ли кого-нибудь в этом доме, кто остановил бы поток крови, кто укротил бы злое железо?

Проворчал с лежанки седобородый старик:

— Мудрым словом и водопады останавливают и бурные реки умирят. Входи-

ка в дом, герой, может, я и помогу тебе.

С трудом выбрался Вяйнемейнен из саней и вошел в дом.

А седобородый старик позвал своего малого сына и велел ему поставить перед Вяйнемейненом золотую чашу, чтобы стекала в нее благородная кровь героя. Но не вмещается кровь Вяйнемейнена в золотой чаше. Семи больших лодок и то было мало, восьми глубоких бочек и тех не хватило.

Смотрит старик, как льется кровь из богатырского колена, и говорит:

— Есть управа на злое железо! Знаю я его коварный нрав! Знаю слова, что укротят его!

— Злое, жалкое железо, Сталь с могуществом ужасным! Ты ведь не было великим —Ни великим, ни ничтожным —Встарь, когда еще неизвестно Ты в груди горы таилось, На уступах скал высоких, На хребте болот лежало. Ты комком земли валялось, Ты лежало пылью ржавой, И тогда тебя, железо, И олень и лось топтали, И тебя давили волки, Лапою медведь царапал. Ты ведь не было великим —Ни великим, ни ничтожным —В час, когда, в горниле плавясь, Ты шипело и кипело В страшном огненном пространстве И клялось ужасной клятвой Перед горном, наковальней, Перед молотом кузнечным, Перед жарким дном горнила, Перед кузницею дымной, Где работал Илмаринен, Что не будешь резать брата, Сына матери не тронешь. Ты теперь великим стало, Злобным сделалось, железо, И нарушило присягу, Как собака, съело клятву, Ты теперь источник бедствий, Ты начало дел ужасных —Заставляешь кровь струиться И бежать из раны с шумом. Кровь, довольно изливаться! Ты не бей струей горячей, Перестань на лоб мне брызгать, Обливать мне грудь потоком. Успокойся, стой недвижно, Как река стоит в запруде, Как во мху стоит осока, Как скала — среди водопада! Если ж надо непременно, Чтобы вечно ты струилась, —Ну, так двигайся по мышцам, Пробегай по жилам быстро, Но рекой не лейся в землю И не смешивайся с пылью! Обитать должна ты в сердце, В легких погреб свой устроить, —Возвратись туда скорее, >Поспеси домой обратно!

Говорит старик, и с каждым словом все тише, все ленивее течет кровь из раны Вяйнемейнена.

И вот остановился буйный поток.

Тогда опять позвал седобородый старик сына и велел ему из самых нежных трав, из цветов тысячелистника, из сладких медовых капель сварить целебную

мазь.

Нарвал мальчик трав и цветов, собрал с листьев дуба медовые капли, а потом развел огонь и бросил всё в кипящий котел.

Девять ясных весенних дней, девять светлых весенних ночей варил он чудесное снадобье.

Наконец, на десятую ночь, снял кипящий котел с огня и думает:

«На чем бы попробовать это снадобье? На чем бы испытать его силу?»

Огляделся он по сторонам и видит — стоит на краю поляны старая осина.

Давно уже сломал ее ветер, к самой земле склонилась она засохшей вершиной.

Плеснул на нее сын старика отваром из своего котла, и сразу ожила осина, зазеленели сухие ее ветки.

Стал он смазывать целебным снадобьем растрескавшиеся горы, разбитые скалы — и срослись обломки камня, сошлись глубокие расселины.

Тогда поставил он котел перед седобородым стариком и говорит:

— Такая сила здесь, что камни и те срастаются, мертвое дерево и то оживает.

Приложил старик чудесный отвар к больному колену Вяйнемейнена, и сразу затянулась рана. Крепко сошлись ее края — так крепко, что даже царапины на коже не осталось.

Сильным, здоровым стал Вяйнемейнен. Свободно сгибает он колено.

Всю боль выгнал седобородый старик из Вяйнемейнена и запер ее в каменной горе. Пусть мучаются там каменные глыбы!

А старый, мудрый Вяйнемейнен поклонился седобородому старику и говорит:

— Ты защитил меня от злого железа, избавил от жестокой боли. Да прославится твоя мудрость и сила!

Потом вывел он своего коня, уселся в сани и взмахнул жемчужным кнутом.

Илмаринен выковывает чудесную мельницу

Сампо

Весело едет Вяйнемейнен.

Несутся сани по болотам и полям, мчатся по холмам и равнинам.

Прошел день, кончился другой. Наконец, на третий день увидел Вяйнемейнен родную землю.

Вспомнил он, как грозил ему гибелью Йоукахайнен и засмеялся:

— Пустой хвастун! Он говорил, что не вернусь я живым к себе домой, что никогда, пока в небе сияет месяц и светит ясное солнце, не увижу я моей Калевалы. Так пусть же волк растерзает того, кто сказал эти слова!

С веселыми песнями едет Вяйнемейнен по родной земле.

Возле кузницы Илмаринена остановил Вяйнемейнен быстрого коня.

Спрашивает Илмаринен песнопевца:

— Где был ты, старый, мудрый Вяйнемейнен? Расскажи, откуда приехал, где пропадал так долго?

Отвечает ему Вяйнемейнен:

— Был я в стране мрака и холода, в сумрачной Похъёле, в туманной Сариоле. И никогда бы мне оттуда не вернуться, никогда бы не видеть родных полей, если бы не пообещал я хозяйке Похъёлы, что ты выкуешь для нее чудесную мельницу Сампо. Не простая это мельница: мелет она когда надо — муку, когда надо — соль, когда надо — деньги. А за то, что выкуешь ты Сампо, отдаст хозяйка Похъёлы тебе в жены свою меньшую дочь. Много видел я на своем веку чудес, но такой красавицы не видел никогда. Из глаз ее льется лунный свет, на груди сияет солнце, на спине мерцают звезды. Захочешь — и будет она твоей женой.

— О старый, мудрый Вяйнемейнен! — говорит кузнец Илмаринен. — Разве ты желаешь мне зла? Никогда, пока сияет месяц и светит солнце, пока живу я на свете, не пойду я в туманную Похъёлу, в сумрачную Сариолу. Там гибель стережет сильных, там смерть ожидает храбрых.

Не знает старый, мудрый Вяйнемейнен, что и делать. Ведь на слово поверила ему старая Лоухи, хозяйка вечно мрачной Похъёлы! А слово крепче ремня связывает.

«Видно, придется мне на хитрость пойти, — думает Вяйнемейнен, — раз не хочет Илмаринен выручить меня из беды».

— Послушай, друг Илмаринен! — говорит он кователю. — Видел я еще другое

чудо. Там, где кончается цветущая Калевала, растет на краю поляны золотая ель. На золотых ветках ее лежит семизвездная Медведица, а на золотой вершине висит ясный месяц.

— Нет, ни за что я не поверю, что есть на свете такое чудо, — отвечает ему Илмаринен.

— Так пойдем со мной, — говорит Вяйнемейнен, — тогда сам увидишь своими глазами.

Пошли они вместе — впереди Вяйнемейнен, за ним Илмаринен.

На поляне, там, где кончается земля Калевалы, остановился старый, мудрый Вяйнемейнен и тихонько запел.

Поет он — и вырастает, поднимается к самому небу золотая елка.

На золотой ее вершине сидит ясный месяц, а на золотых ветках улеглась семизвездная Медведица.

Смотрит Илмаринен на это чудо и не верит своим глазам.

— Если и теперь не веришь, — говорит ему старый, мудрый Вяйнемейнен, — так полезай наверх, сними с золотой вершины ясный месяц, с золотых веток сними семизвездную Медведицу. Не веришь своим глазам, так уж своим-то рукам поверишь!

И уговорил его. Полез Илмаринен на чудесную ель.

Зашелестели, зашептали со всех сторон ветки:

— Недогадлив ты, герой! Слишком ты прост, богатырь! Как ребенок, лезешь на дерево, тянешься за призраком месяца, ловишь отблеск небесных звезд!

Но не слушает Илмаринен, о чем говорит ему ель, всё выше и выше карабкается по стволу.

Подождал Вяйнемейнен, пока Илмаринен взобрался на самую вершину, и опять запел. От его могучего пения всколыхнулся воздух, зашумел над поляной проснувшийся ветер.

А песня Вяйнемейнена звучит все громче и громче:

— Ты носи героя, ветер, На своей ладье воздушной, Быстро мчи его отсюда В Похъёлу, страну тумана, В сумрачную Сариолу!

И сразу сильный вихрь подхватил Илмаринена и понес его над землей — по воздушному полю, по вольной дороге ветров, выше месяца, ниже солнца.

Прямо на двор хозяйки Похъёлы принес его ветер и у самого крыльца опустил на землю, да так тихо, что даже сторожевые псы не услышали.

Вышла хозяйка Похъёлы, злая старуха Лоухи, из дому, увидела незнакомца и удивилась.

— Кто ты такой? — спрашивает она Илмаринена. — Каким именем зовут тебя, герой? Каким подвигом прославился ты, богатырь? Видно, велико твое могущество, если даже мой косматый пес тебя не тронул, если мой вислоухий сторож на тебя не залаял.

Отвечает ей Илмаринен:

— Не для того я сюда пришел, чтобы косматый брехун искусал меня у чужих дверей, у незнакомых ворот.

— А скажи-ка мне, храбрый муж, не знаешь ли ты кователя Илмаринена? — опять спрашивает его старуха Лоухи. — Не слышал ли ты про этого искусного кузнеца Калевалы? Давно у нас в Похъёле ждут его, чтобы выковал он чудесную мельницу.

Отвечает ей Илмаринен:

— Слышал я об этом кузнеце, знаю этого кователя. Я и есть тот самый Илмаринен.

Тут хозяйка Похъёлы, злая старуха Лоухи, побежала скорее в дом и говорит своей дочери:

— Дочь моя меньшая, ты, что всех моих дочерей краше, надень платье, из нарядных самое нарядное, выйди к гостю с румяными щеками, с веселыми глазами, — ведь это сам кователь Илмаринен пожаловал к нам в дом!

Стала красавица Похъёлы наряжаться. Все свои праздничные платья надела — одно лучше другого. На шею жемчуг навесила. Голову налобником украсила.

Вышла она к Илмаринену убранная, разнаряженная, и словно светлее стало в доме.

Глаза у дочери Похъёлы как звезды светятся, щеки алым румянцем горят, в волосах искрятся серебряные подвески, на платье золотой пояс сверкает, на руках медные запястья блестят.

А старая Лоухи уже сажает гостя за стол, досыта кормит, вволю поит, а потом говорит:

— Скажи мне, славный кузнец, скажи, вековечный кователь! Если дам я тебе перышко молодой лебедки, молока нетельной коровы, клочок овечьей шерсти да ячменное зернышко впридачу — выкуешь ли ты мне Сампо, сделаешь ли мне мельницу, да не простую, а чтобы молола она когда надо — муку, когда надо — соль, когда надо — деньги? Хочу я, чтобы день и ночь вертелась пестрая крышка, чтобы муки у меня было сколько вздумаю, соли — сколько пожелаю, денег — сколько захочу. Если выкуешь мне Сампо, ничего для тебя не пожалею — самую любимую дочь выдам за тебя замуж.

— Что ж, выковать Сампо можно, — отвечает ей Илмаринен. — Небесный свод ковать потруднее было, и то без единой зазубринки получился, даже заклепок не видно... Веди же меня, хозяйка, в кузницу. Возьмусь я за работу.

Но нету кузницы у хозяйки Похъёлы, нет ни молота, ни наковальни. Негде Илмаринену выковать Сампо.

— Только слабый отступает перед неудачей, только жалкий бросает задуманное дело, — говорит Илмаринен.

Стал он искать место для кузницы.

Ходит день, ищет другой. Наконец, на третий день, увидел Илмаринен могучий утес.

«Вот здесь будет моя кузница», — думает Илмаринен.

В первый день поставил он мехи.

На второй день поставил наковальню.

На третий день развел огонь и велел хозяйке Похъёлы позвать самых сильных рабов, чтобы день и ночь качали они мехи.

А сам Илмаринен взял перышко лебедки, клочок овечьей шерсти, одно ячменное зернышко, смочил все молоком нетельной коровы и бросил в жаркое пламя.

С рассвета до рассвета раздувают рабы огонь в кузнице. На руках у них вздулись жилы, на пятках каменные мозоли выросли, но ни на шаг не отходят они от мехов.

Прошел первый день.

Склонился над горнилом Илмаринен, смотрит на пылающее дно и видит — поднялся из огня, появился из пламени золотой лук. Лунное сияние идет от чудесного лука, концы его украшены узорным серебром, дуга — пестрой медью. Хороший лук с виду, одно только плохо: всех без разбора бьет он насмерть, каждый день находит себе жертву.

Сломал Илмаринен этот лук и бросил в огонь.

А рабам велел еще сильнее качать мехи, еще жарче раздувать пламя.

На второй день снова наклонился Илмаринен над пылающим дном горнила. Видит — вышла из пламени, поднялась из огня лодка. Борты у нее золотые, корма серебряная, уключины медные. Всем лодкам она лодка, одно только плохо: без приказа ходит она в бой, без разбора топит встречные челноки.

Сломал ее Илмаринен и бросил в огонь.

А рабам снова велел раздувать пламя.

Вот третий день наступает.

Смотрит Илмаринен на дно пылающего горнила и видит — выходит из огня золоторогая корова. На лбу у нее мерцают звезды, между рогами солнце светит. Нигде такой коровы не найдешь. Одно только плохо: никого она к себе не подпускает, никому не дает себя доить. Даром пропадает ее молоко.

Зарезал ее Илмаринен и тоже бросил в огонь.

А рабам опять велел что есть силы качать мехи.

Еще один день прошел. Смотрит Илмаринен на пылающее дно горнила и видит — выходит из огня, появляется из пламени плуг. Сам плуг из меди, сошник у него из золота, ручка из серебра. Всем хорош плуг — и забирает глубоко, и борозду тянет ровно, одно только плохо: не пашет плуг свою землю, на чужое поле все время сворачивает.

Сломал Илмаринен негодный плуг и бросил в горнило.

Тут стал он звать себе на помощь ветры, чтобы раздули они в его кузнице настоящий огонь.

Прилетели быстрые ветры. Шумит западный ветер, дует восточный, с воем несется северный, навстречу ему мчится южный.

Три дня и три ночи бушевала буря. Черный столб гари поднялся от кузницы к самому небу. Дым и копоть смешались с облаками.

И вот снова наклонился Илмаринен над пылающим дном горнила. Смотрит славный кователь и видит — поднимается из пламени, появляется из огня чудесное Сампо.

Еще сильнее стал бить молотом Илмаринен. И когда ударил он в последний раз, завертелась пестрая крышка, зашумела чудесная мельница. Что прикажешь, то она и мелет: мука нужна — мешки подставляй, соль нужна — бочки готовь, деньги нужны — считать успевай. Муку мелет хозяину для дома, соль мелет хозяину на продажу, деньги мелет хозяину про запас.

Схватила жадная Лоухи чудесное Сампо и побежала скорей к медной горе.

Там в глубокой пещере, за девятью замками спрятала она мельницу от людских глаз. И проросли от Сампо в глубь земли три длинных корня — один на девять сажен под гору ушел, другой за морской берег зацепился, третий в каменную скалу врос.

Крепче железных цепей держат они Сампо.

А Илмаринен кончил работу и говорит старой Лоухи, хозяйке вечно мрачной Похъёлы:

— Я свое слово сдержал, выковал тебе Сампо. Отдашь ли теперь за меня свою дочь, красавицу Похъёлы, украшение земли и неба?

Вышла тут сама красавица и говорит:

— Для кого же будет на холмах куковать кукушка, для кого будут в лесу петь птицы, если брошу я родной дом? Улетит тогда из нашего леса кукушка и навсегда замолкнут песни над этими холмами.

Опустил голову Илмаринен, не знает, что ответить.

А злая старуха Лоухи, хозяйка Похъёлы, рада поскорее спровадить жениха.

Усадила она его в лодку с медными уключинами, еды-питья в дорогу дала. А потом кликнула северный ветер и велела ему посильнее дуть в корму, чтобы быстро скользила лодка по синим волнам.

Два дня и две ночи качался Илмаринен на хребте прозрачного моря. А на третий день снова ступил он на землю своей родной Калевалы.

В Похъёлу приезжает новый жених веселый Лемминкайнен

Задумал веселый Лемминкайнен поехать в далекую Похъёлу, суровую Сариолу и говорит своей матери:

— Снаряжай меня, матушка, в путь, поеду я в ту сумрачную страну свататься к красавице Похъёлы. Уговаривает его старая мать:

— Не сватайся, милый сынок, к злой дочери Похъёлы! Не по зубам выбрал ты себе орешек. Солнце сватало за нее своего сына — не пошла она. Месяц сватал своего сына — и ему был отказ. А над тобой и подалее посмеется злая красавица. Тебе и похвалиться перед ней нечем: ни богатства у тебя, ни знатности.

— А я сам себе похвала, — отвечает веселый Лемминкайнен. — Да и за богатством тоже дело не станет. Разве мало у меня коров? На поляне пасется Куманичка, на пригорке — Земляничка, на болоте — Клюква. Их ни кормить, ни поить не надо. Где еще такое стадо сыщешь?.. Готовь же мне, матушка, кафтан и рукавицы, я еду в Похъёлу пить сладкое пиво, отведать свадебного меда.

— Не ходи, мой сыночек, — снова уговаривает его мать. — Есть у нас дома и пиво и мед. Пей себе сколько хочешь — хоть с раннего утра до поздней ночи, только не ходи в ту сумрачную страну. Там за каждым деревом прячется беда, там гибель ждет храброго воина. Околдуют, зачаруют тебя злые мужи Похъёлы, закопают в горящие угли, засыпят жаркой золой, закидают раскаленными камнями. Быстрее стрел, острее ножа ранят героя их заклятья. Не одолеть тебе их своей силой, не победить своей мудростью. Себе на горе пойдешь ты в Похъёлу!

Но не слушает старой матери веселый Лемминкайнен.

— Пусть все выйдут против меня — никого не боюсь. Много ли топор отколет

от камня? Столько же и злые мужи Похьёлы нанесут мне ран. Много ли ветер сдует с голой скалы? А злые заклятья и того со мной не сделают. Многих ли возьмет смерть из пустого жилища? Вот так же и до меня ей не добраться. Есть у меня заклятья против злых заклятий, знаю я слова против недобрых слов. Прежде чем ударит меня злое слово, заколдую я всех чародеев, шумящим водопадом сброшу их с высоких гор, по рукам и ногам свяжу их крепким сном. И на том месте, где свалит их дремота, вырастет сорная трава. Неси же, матушка, мой стальной пояс, неси скорее мой добрый меч. Я еду в страну мрака и холода, в сумрачную Похьёлу, в туманную Сариолу.

Стал веселый Лемминкайнен снаряжаться в путь.

Надел железную рубашку, опоясался стальным поясом, сбоку привесил меч в кожаных ножнах.

Потом пригладил щеткой волосы и говорит матери:

— Береги, матушка, эту щетку. Если случится со мной беда, брызнет из нее кровь.

Тяжело вздохнула старая мать и говорит милому сыну:

— Ты не знаешь мыслей старой, Сердца матери печальной! Горько, горько я заплачу, Как умрешь ты, мой сыночек. Я залью избу слезами, На крыльцо потоки хлынут, Я на улице заплачу И согнусь от слез в сарае. Снег от слез обледенеет, Лед землю талой станет, Порастет земля травой, А трава от слез засохнет... Чтоб от глаз чужих укрыться, Чтобы слез никто не видел, В бане тихо я поплачу, Так что лавки все и доски Поплывут в потоках слезных...

Но не слушает Лемминкайнен слов старой матери.

Запряг он своего рыжегривого коня, уселся в сани и стегнул коня кнутом.

Быстро бежит конь, скрипят золотые полозья, звенит серебряная дорога.

В чужую неведомую страну едет веселый Лемминкайнен.

Едет он день, едет другой и, наконец, на третий день, увидел Лемминкайнен сумрачное селение Похьёлы.

Пустил он коня по нижней улице, остановился у первого дома и спрашивает:

— Не найдется ли кого в избушке, кто помог бы усталому путнику снять хомут с коня?

Отвечает ему с порога малый ребенок:

— Нет тебе здесь помощников. Поезжай-ка отсюда прочь.

Стегнул Лемминкайнен коня и поехал дальше.

На средней улице, под навесом среднего дома, опять остановился и спрашивает:

— Не найдется ли кого в этом доме, кто помог бы путнику распрячь коня?

Отвечает ему с печи старая старуха:

— Как же, только и ждут тебя! Уж верно, не один найдется охотник, а целых сто, чтобы выпроводить тебя отсюда прежде, чем сядет солнце, раньше, чем настанет вечер!

— Вот как! — говорит веселый Лемминкайнен. — Приказал бы я своему мечу ответить тебе, да не хочу с тобой связываться.

Повернул он своего коня и поехал по верхней улице. Остановился у последнего дома, лошадь под навесом привязал, а сам вошел во двор. Тихо вошел, так что и собака не услышала.

Подкрался Лемминкайнен к окошку и заглянул в дом. Видит — народу полна изба. У стен сидят певцы-чародеи, под окнами — знахари, у дверей — прорицатели, на печке — заклинатели. А посередине избы сидит сама хозяйка Похъёлы, злая старуха Лоухи. И все поют колдовские песни.

Никто не видел, как отворилась дверь, никто не слышал, как скрипнули петли, а только Лемминкайнен уже стоит в избе и говорит:

— Не тратит мудрый много слов. Не тянется без конца хорошая песня.

Всполошились колдуны и чародеи. А хозяйка Похъёлы, злая старуха Лоухи, вскочила с места и говорит:

— Ты кто такой? Откуда взялся? Зачем пришел? Да еще так тихо, что мой пес тебя не услышал! Для того ли я кормлю старого брехуна мясом, для того ли пою его свежей кровью, чтобы подпускал он к дому чужих людей?

Отвечает ей веселый Лемминкайнен:

— Не так-то я прост, чтобы лаяли на меня собаки. Не так уж я слаб, чтобы

разорвали меня на части злые псы. Есть у меня надежная защита от всякой напасти. Достались мне в наследство дедовская мудрость, отцовские песни. С ними я нигде не пропаду. Другьям они на радость, врагам — на погибель, а меня эти песни на всех дорогах выручат.

И вот запел Лемминкайнен. Огонь вырывается из его уст, пламя струится из его глаз. Слушают его мужи Похъёлы и не смеют вымолвить слова, не могут проронить звука. Словно песком забил им Лемминкайнен рты.

Что хочет, то и делает веселый Лемминкайнен со злыми мужами Похъёлы. Раскидал он их во все стороны, камнями сбросил на дно мертвых озер, неподвижными утесами поставил среди бурных пучин водопада.

Заколдовал веселый Лемминкайнен и мужей со стрелами, и богатырей с мечами, и стариков, и юношей, и тех, кто достиг середины жизни. Только одного косматого, злого старика обошли его заклятья.

Удивился старик, что не тронул его Лемминкайнен, и спрашивает:

— Скажи мне, герой, почему пощадил ты меня?

А веселый Лемминкайнен ему отвечает:

— Потому пощадил я тебя, что самый последний ты из людей. Оставайся таким, как есть, — хуже наказания для тебя не придумать.

Смолчал старик, ничего не сказал в ответ, но поклялся себе страшной клятвой отомстить обидчику.

Лемминкайнен ловит чудесного лося

Расправился веселый Лемминкайнен со всеми чародеями и заклинателями и говорит старой Лоухи:

— Я пришел, хозяйка, свататься к твоей дочке. Не отдашь ли за меня ту, что всех прекраснее, ту, что всех стройнее?

Отвечает ему старуха Лоухи, хозяйка вечно мрачной Похъёлы:

— Никогда не отдам я свою дочь — ни ту, что хуже других, ни ту, что лучше других, — за пустого человека, за никчемного мужа. Если хочешь взять в жены мою дочку, этот весенний цветочек, покажи мне свою удаль и отвагу, поймай сначала быстроногого лося, что пасется на дальних полянах. Самому Хийси служит этот лось. Вот поймаешь его, тогда и приходи свататься.

Недолго думая собрался веселый Лемминкайнен в путь. Положил в колчан стрелы, натянул тетиву. Все у него есть для охоты, только лыж не хватает.

Пошел Лемминкайнен к лыжному мастеру Люуликки и просит его:

— Сделай мне лыжи — из лучших лучшие. Я иду на дальние поляны, чтобы поймать быстрого лося.

Покачал головой Люуликки:

— Не ходи, веселый Лемминкайнен, на поляны Хийси. Будешь ты гоняться за лосем, а достанется тебе гнилой пень.

Смеется веселый Лемминкайнен:

— Ты только сделай мне лыжи покрепче да выстрогай их поглаже, а уж я этого лося поймаю.

Принялся Люуликки за работу, взялся мастер за дело. Ночь работал — правая лыжа готова. День работал — левая лыжа готова. Выстрогал он палки, выточил кольца. Хорошие лыжи сделал Люуликки, да и цена им хорошая: за каждую палку берет он гладкую шкурку выдры, за каждое кольцо спрашивает пушистую лису.

Смастерил Люуликки лыжи, смазал их салом, натер жиром и говорит:

— Есть ли на свете такой герой, которому по ногам придется славные лыжи?

— Есть такой на свете, — отвечает ему Лемминкайнен.

И привязал лыжи к ногам.

Левой ногой двинул — как змея по болоту скользнула левая лыжа. Правой ногой двинул — будто ладья по реке понеслась правая лыжа.

Мчится Лемминкайнен по снежным полям и громко поет веселую песню:

— Не найдется в мире целом, Под небесным этим сводом, Под листвой зеленой леса, Зверя с быстрыми ногами, Чтоб ушел от молодого Лемминкайнена на лыжах, Чтоб не сделался добычей Сына Калевалы славной!

Далеко по горам и равнинам разносится его песня.

Услыхал злой Хийси, как поет Лемминкайнен, и усмехнулся:

— Что ж, пусть побегает сын Калевы, пусть на морозе согреется!

И выпустил ему навстречу своего лося. Голову ему сделал из гнилого пня, крепкие рога — из веток ивы. Вместо ног у лося — прибрежный тростник, вместо спины — еловая жердь, кожа у него — из сосновой коры, жилы — из сухой травы.

Побежал лось по полям и лесам Похъёлы.

А вдогонку за ним мчится веселый Лемминкайнен. Из-под лыж его брызжут искры, палки в руках так и дымятся.

Быстро бежит на лыжах Лемминкайнен, а тонконогий лось еще быстрее скачет.

И вдруг слышит Лемминкайнен — далеко, на окраине Похъёлы, в самом дальнем селении, заливаются лаем собаки, плачут дети, причитают старики.

Повернул веселый Лемминкайнен лыжи, двинул правой ногой, двинул левой ногой — и вот он уже в другом конце Похъёлы.

— Что за беда случилась тут? — спрашивает веселый Лемминкайнен. — Почему лают ваши собаки? Почему плачут дети? О чем убиваются старики?

— Потому лают наши собаки, — отвечают ему жители селения, — потому плачут дети, потому горюют старики, что пробежал здесь быстроногий лось Хийси. А где ни пробежит он — всюду беда: то опрокинет кадушку с водой, то перевернет котел с похлебкой.

Услышал это веселый Лемминкайнен и говорит:

— Не придет больше к вам беда. Мойте, хозяйки, глубокие котлы. Малых детей посылайте за щепками. Пусть старики разведут жаркий огонь, чтобы мог я сварить этого лося.

Уперся он посильнее палками в снег и помчался по следу зверя.

Один шаг сделал — и не видно веселого Лемминкайнена, другой шаг сделал — не слышно его голоса, а третьим шагом настиг Лемминкайнен быстроногую лося. С разбегу прямо на спину к нему вскочил.

Загнал Лемминкайнен лося за дубовый плетень, привязал к кленовому колу, спутал ноги березовыми прутьями.

А лось выломал кленовый кол, повалил дубовый плетень, разорвал березовые пути и вихрем помчался по полям и болотам, по горам и равнинам.

Ярость охватила веселого Лемминкайнена, ринулся он вдогонку за лосем. И только сделал шаг — лопнул ремень у него на пятке, сломалась правая палка, провалилась в глубокую яму левая лыжа.

Пока выбирался Лемминкайнен из ямы, быстроногий лось уже далеко ускакал. Где там его поймать!

Понурил голову веселый Лемминкайнен.

«Не лучше ли назад вернуться?» — думает.

Но нельзя охотнику вернуться без добычи, трудна дорога с пустыми руками.

Одна осталась у Лемминкайнена надежда — может быть, хозяева леса помогут ему поймать быстроногую зверя.

Идет Лемминкайнен по дремучей чаще, по топким болотам и говорит такие слова:

— Вот вхожу я в лес дремучий, Я иду в дубравы Хийси По следам красавца лося. Вам поклон, холмы и горы, Вам, леса прекрасных елей, Вам осиновыя рощи, Всем поклон, кто к вам приветлив Дед лесов седобородый, Тапио, хозяин леса! Пропусти героя в чащу, Дай пройти через болота, Чтобы мне поймать добычу, Получить свою награду! Сын хозяина дубравы, Нюрикки в багряной шапке! Сделай метки по дороге, По горам засечки сделай, Чтобы шел охотник прямо, Чтобы путь нашел он верный, За добычею гонясь, За наградой долгих странствий! Леса добрая хозяйка, Приносящая отраду, Миммеркки в одежде синей И в чулках с прошивкой красной! Не жалея своих сокровищ, Разбросай свои богатства: Золото рассыпь по елям, Серебро — по веткам сосен, Расстели платок широкий По болотным вязким топям На пути того, кто ищет,— На дороге зверолова! Тууликки, лесная дева! Отломи в долине хлыстик И хлещи по бедрам зверя, За ухо тащи к дороге, За рога веди к тропинке. Преградит ли путь валежник,— Ты отбрось его в сторонку! На плетень в пути наткнешься,— Опрокинь его на землю! Если ж речка попадетса,— Мостик шелковый ты сделай Из пунцового платочка И гони ко мне добычу Через пену водопада! Ты гони ее скорее! Скучно так бродить по лесу, Если бродишь понапрасну. Так печален долгий вечер, Если нет ловцу добычи!

И хозяйева леса услышали голос Лемминкайнена.

Сам седобородый Тапио, и сын его Нюрикки, и хозяйка лесов Мимеркки, и лесная дева Тууликки — все вышли из своего жилища, чтобы помочь охотнику.

Погнали они быстроногого лося из дремучей чащи прямо на Лемминкайнена.

Остановится лось — они его березовым прутом хлещут. Свернет в сторону — за рога на тропинку его ведут. Деревья преградят ему дорогу — Тапио их, как щепки, разбрасает. Высокий плетень перед ним поднимется — Мимеркки плетень наземь повалит. Быстрая река преградит путь — Тууликки с берега на берег мост перекинет.

Одна только дорога открыта лосю — туда, где на лесной полянке ждет его удалой охотник, веселый Лемминкайнен.

И вот закачались деревья, затрещали сучья — выбежал на поляну лось.

Ловко накинул веселый Лемминкайнен ему на шею аркан и повел к старухе Лоухи.

Лемминкайнен гибнет в темных водах Маналы

Привел веселый охотник, удалой Лемминкайнен, чудесного лося к злой старухе Лоухи и говорит:

— Я свое слово сдержал, хозяйка. Отдашь ли теперь мне в жены свою дочку — ту, что всех красивее, всех стройнее?

А злая, хитрая старуха Лоухи, хозяйка Похъёлы, отвечает ему:

— Нет, еще не заслужил ты ее. Вот если поймашь длинногривого коня, что пасется на дальних полянах Хийси, тогда отдам за тебя свою любимую дочку, мой весенний цветочек.

Взял веселый Лемминкайнен золотую уздечку, серебряный недоуздок и пошел искать длинногривого коня.

Ищет день, ищет другой — нет нигде коня, и следа его не найти.

На третий день поднялся Лемминкайнен на высокий холм, посмотрел на запад, посмотрел на восток, повернулся к солнцу и видит — на золотом песке, возле серебряных сосен резвится длинногривый конь, скачет белолобый скакун. Тряхнет конь головой — пламя к самому небу поднимается. Копытом ударит —

каменные горы раскалываются. Не подойдешь к нему!

Стал Лемминкайнен просить Укко, властелина неба:

— О великий Укко! Ты повелеваешь грозowymi тучами, тебя слушаются быстрые облака. Пошли на землю железный град, пусть побьет длинногривому бока, упадет золотобокому на голову, укротит неукротимого.

Услышал Укко его слова. Распахнулся небесный свод, раздвинулась крыша неба, и железный град посыпался коню на спину, длинногривому на голову.

Присмирел конь Хийси.

А веселый Лемминкайнен подошел к нему и стал уговаривать:

— Добрый конь, нагни золотую голову, наклони серебряный лоб. Я тебе худого не сделаю. Не буду я тебя обижать, не буду стегать ремнем, а надену на тебя золотую уздечку с серебряными кольцами и на шелковом поводке поведу тебя к хозяйке Похъёлы.

Послушался Лемминкайнена длинногривый конь, нагнул золотую свою голову, склонил перед героем серебряный лоб.

А веселый Лемминкайнен взнуздal непокорного коня и вскочил к нему на спину. Веткой ивы его нахлестывает и гонит через высокие горы, через снеговые хребты.

Ехал он день, скакал другой.

К концу третьего дня остановился Лемминкайнен у двора хозяйки Похъёлы, у дома старухи Лоухи и говорит:

— Держи, хозяйка, длинногривого скакуна. Получай то, что просила. Теперь-то отдашь мне в жены свою любимую дочь?

А хитрая Лоухи, злая хозяйка Похъёлы, опять говорит ему:

— Не заслужил ты еще моей дочери. Сначала спустись в жилище мертвых и застрели там лебедя, что плавает в черных водах Туонелы, в бурных пучинах Маналы. Застрелишь — тогда и разговаривать будем.

И на этот раз не стал спорить веселый Лемминкайнен. Захотелось удалому охотнику самому посмотреть на диковинного лебедя.

Закинул он за спину лук, привесил сбоку колчан с острыми стрелами и отправился в страну смерти, в жилище мертвых.

А злой, косматый старик давно уже сидит на берегу мрачной пучины и ждет не дождется, когда пройдет здесь беспечный сын Калевалы.

И вот видит старик — идет быстрыми шагами бесстрашный охотник, веселый Лемминкайнен.

Подпустил старик его поближе, а потом выхватил из черных волн Туонелы змею и, словно копье, метнул ее прямо в грудь Лемминкайнену. От боли потемнел веселый Лемминкайнен.

Стал он звать на помощь родную матушку:

— Мать, не ты ль меня растила? Ты узнать, родная, можешь, Где теперь твой сын несчастный! Ты приди сюда скорее, Пospеши ко мне на помощь, Чтоб избавить от несчастья, Чтоб спасти меня от смерти!

Но далеко его матушка. Не слышит она, как зовет ее сын, не знает, какая беда его настигла.

А злой, косматый старик разрубил веселого Лемминкайнена, удалого охотника, на восемь кусков и бросил в черную пучину Туонелы, в жилище мертвых — Маналу.

Бросил и говорит:

— Вечно там лежи, охотник, С крепким луком и колчаном, Бей там птиц во тьме подземной, Лебедей стреляй во мраке!

Мать Лемминкайнена идет искать своего сына

День проходит за днем. Ждет не дождется старая мать своего милого сына.

«Где-то сейчас мой Лемминкайнен? — думает она. — Что-то теперь с моим сыночком? Может, на спину гор взбирается? Или, может, качается на хребте морских волн? Или в жестоком сраженье бьется насмерть с врагом?..»

Берет она в руки щетку, оставленную сыном, смотрит на нее вечером, смотрит днем, смотрит среди ночи. Нет, не проступает на щетине кровь — жив и здоров

ее милый сын. Вот однажды, на утренней заре, взглянула мать на щетку и видит — показались на жестких волосках красные капельки, сочится из щетки алая кровь.

Горько заплакала старая мать:

— Горе матери несчастной! Как мне быть и что мне делать? Вижу, милый мой сыночек До плохого часа дожил! Знаю — с мальчиком несчастье, Юного беда настигла,— Показалась кровь в щетине, Каплет, красная, из щетки.

Недолго собиралась старая мать — подхватила рукой подол и выбежала из дому.

Одна у нее забота — поскорее найти милого сына, поскорее выручить из беды родное дитя.

Не помеха ей ни высокие горы, ни топкие болота. Не разбирая дороги, бежит старая. И перед ней опускаются каменные горы, высыхают под ее ногами зыбучие топи.

Наконец дошла старая мать до страны мрака и холода, до сумрачной Похъёлы.

Подходит она к дому старухи Лоухи, стучится в дверь и говорит:

— Скажи мне, хозяйка Похъёлы, куда ты послала моего сына, что сделала с молодым Лемминкайненом?

Отвечает ей злая Лоухи:

— Не знаю я, где твой сын. Я ему и сани дала и коня самого лучшего для него не пожалела. Может, его волк съел или медведь задавил?

— Лжешь ты! — говорит ей мать Лемминкайнена. — Не тронет нашего рода волк, не прикоснется к моему сыну медведь. Мой сын волка убивает одним пальцем, медведя валит одной рукой. Если не скажешь мне правды, сломаю я твой амбар, разрушу твой дом.

А хозяйка Похъёлы опять говорит ей:

— Не знаю я, где твой сын. Я его на дорогу и накормила, и напоила, и лодку ему дала. Может, лодка на порогах разбилась? Может, потонул в бурной пучине твой сын?

— Нет, неправда это! — говорит мать. — Мой Лемминкайнен и на щепочке переплывет пороги, со дна морского и то вынырнет. Говори, что ты сделала с

моим сыном, а то не жить тебе на свете — близко ходит твоя смерть!

Испугалась старуха Лоухи, хозяйка Похъёлы, и говорит:

— Хорошо, скажу тебе истинную правду. Посылала я твоего сына за быстроногим лосем — привел он лося. Посылала я его за огненногривым конем — привел он коня. В третий раз послала я его за лебедем, что плавает в черных водах Туонелы, и не вернулся он больше. А почему не вернулся — о том не знаю и не ведаю. Это уж истинная правда. Другой нет.

И снова пошла старая мать по белу свету. Всюду ищет она своего бедного сына. Точно волк, бродит она по болотам, словно медведь, пробирается по лесным чащам, выдрой переплывает реки, зайцем перебегает поля.

Камни дорогу ей преграждают — она их разбрасывает.

Деревья перед ней стеной встают — она их наземь валит.

Гиблые болота ее затягивают — она хвостом их засыпает.

Семь дней ищет мать пропавшего сына, семь дней не находит веселого Лемминкайнена.

На восьмой день вышла старая на ровную дорогу.

Низко поклонилась она дороге и спрашивает:

— Скажи мне, добрая дорога, не встречала ли ты моего сыночка, не видела ли ты мое золотое яблочко, мой серебристый прутик?

Отвечает ей дорога:

— Много у меня забот, о твоём ли сыне мне думать! И без того трудно мне приходится: то кони бьют меня копытами, то люди топчут меня ногами.

Спрашивает бедная мать у месяца:

— Скажи мне, ясный месяц, не видел ли ты моего сыночка, не видел ли ты мое золотое яблочко, мой серебристый прутик?

Отвечает ей месяц:

— Где же мне за твоим сыном углядеть! И без того много у меня дела: целую ночь один-одинешенек хожу я по небу, чтобы на земле светло было.

Спрашивает старушка у солнца:

— Солнце ясное, ты всё на свете видишь — не знаешь ли, где мой милый сыночек, где мое золотое яблочко, где мой серебристый прутик?

И ответило ей солнце:

— Нет больше его на свете. Увела его в свое жилище смерть, поглотила твоего сыночка темная пучина Маналы.

Горько заплакала старая мать.

Пошла она к кузнецу Илмаринену и просит его:

— О кователь Илмаринен! Ты и вчера ковал и завтра будешь ковать. Выкуй мне грабли с медной рукояткой, с железными зубьями. Да чтобы зубья были длиной в сто сажен, а рукоятка — с целую версту.

Выковал ей Илмаринен, вековечный кователь, грабли, какие она хотела, и пошла старая к берегам черной Туонелы.

Остановилась она над темной пучиной и просит солнце:

— Солнце ясное! Ты всем на земле поровну светишь. Посвети-ка мне разок посветлее, да ещё разок потеплее, а в третий раз совсем жарко. Усыпи злое племя Маналы, отними силу у богатырей Туонелы.

Послушалось ее солнце. Сошло оно с неба и село на вершину березы, опустилось на ветку ольхи. Разок посветило посветлее, и еще разок — потеплее, а в третий раз — совсем жарко.

Густой пар поднялся от воды, и всё подземное племя Маналы — юноши с мечами, взрослые мужи с копьями, старики с дубинками — все заснули крепким сном.

Усыпило их солнце и снова вернулось к себе на небо, на прежнее насиженное местечко.

А старая мать пошла по берегу Туонелы и медными граблями с железными зубьями стала водить по дну бурного потока.

Провела один раз, провела другой раз — ничего не зацепили грабли.

Тогда ступила она в черную пучину, по самый пояс вошла в бурный поток. Ходит она по течению, ходит против течения. И вдруг отяжелела медная рукоятка — из глубины темных вод подняла мать рубашку сына.

Камнем легла печаль на сердце матери. Но дальше идет она среди волн пенистого потока.

Провела она граблями по левому берегу — нашла чулки веселого Лемминкайнена.

Провела граблями по правому берегу — пояс милого сына отыскала.

Снова погрузила грабли в стремнину темных вод — и повисла на них шапка веселого Лемминкайнена.

Водит она граблями вдоль потока и поперек потока — и поднимает железными зубьями тяжелый сноп. Нет, не сноп это! Это тело ее милого сына, удалого охотника, веселого Лемминкайнена. Только нет в нем больше жизни, нет дыхания на его устах.

Склонилась над ним старая мать, и горькие слезы полились из ее глаз.

Стала она прикладывать косточку к косточке, связывать жилку с жилкой, чтобы вновь побежала по ним шумная кровь.

Услыхал ворон, как плачет старая мать над телом сына, и закаркал:

— Кто погиб, тот жить не будет! Брось его в поток холодный — Пусть он там тюленем станет, Пусть в кита он обратится.

Но не слушает ворона мать Лемминкайнена.

Крепко-накрепко перевязала она раны на теле своего милого сына. Как живой лежит он перед нею, только глаз не может открыть, только не может вымолвить слова.

Смотрит на него мать и думает:

«Где мне взять для сына меду? Где найти медовых капель, Чтоб ему помазать раны, Чтоб срослись покрепче кости, Чтоб он мог промолвить слово, Чтоб уста открыл для песен?»

Летела мимо пчелка. Увидела ее бедная мать и просит:

— Ты, лесных цветов хозяйка, Собери мне, пчелка, меду По цветам

благоуханным! Принеси мне сот медовых Из головок трав душистых, Чтоб могла унять я муки, Утолить страданья сына!

Полетела быстрая пчелка на зеленые луга, собрала сок благовонных цветов и с веселым жужжанием прилетела обратно. На крылышках у нее сладкий мед, душистые восковые соты.

Смазала старушка раны своего бедного сына золотистым медом, но по-прежнему не может он шевельнуться, все так же закрыты его очи и безмолвны уста.

Снова стала просить бедная мать:

— Пчелка, быстрая летунья, Ты лети в края другие, За моря, на остров дальний, На медовые поляны! Там найди ты мед волшебный — Он все раны заживляет. Принеси хотя бы ковшик Чудодейственного меда, Чтобы сын мой исцелился, Чтоб опять вернулся к жизни!

И снова упорхнула легкая пчелка. Один день летит, и другой, и третий, в камышах не отдыхает, на цветы не садится. Девять морей уже пролетела, к десятому спешит.

Там, на медовом острове, собрала пчелка чудесное снадобье и скорее полетела назад — в лапках держит шесть полных ковшей, на спинке несет семь полных кувшинов.

Смазала старушка раны своего сына целебным соком из всех шести ковшей, из всех семи кувшинов. Но не открывает он глаз. Не шевельнуть ему ни рукой, ни ногой.

И опять говорит старая мать пчелке:

— В третий раз лети ты, пчелка, Ты лети в просторы неба! На лету коснешься солнца, У луны виски заденешь, У Медведицы — лопатку И хребет — у Семизвездья. В золотых котлах небесных И в серебряных кувшинах Там хранится мед душистый, Сладкого найдешь ты вдоволь. Обмакни в медок ты крылья, Принеси на спинке соты, Утоли мученья сына, Прекрати его страданья!

Поднялась легкая пчелка и полетела на быстрых крыльях.

В первый день над самым домом луны пролетела.

На второй день задела крылышками край солнца.

На третий день коснулась спины семизвездной Медведицы.

Потом поднялась еще немного и видит — в серебряных кувшинах, в золотых котлах варится небесный мед, душистый целебный сок.

Проворно набрала пчелка полные соты чудесного меда и полетела вниз.

И вот в третий раз принялась старушка врачевать раны бедного своего сына. Каждый рубец смазывает живительным медом, каждую поломанную косточку, каждую царапину.

Хлопочет она над сыном и приговаривает:

— Пробудись от сна, сыночек, Поскорее сбрось дремоту Здесь, в жилище темном смерти, Где несчастье ждет героя!

И вот наконец вздохнул полной грудью молодой Лемминкайнен.

Открыл глаза и говорит:

— Ну и долго же я спал!

— И спал бы еще дольше, — говорит ему мать, — никогда бы не очнулся от сна, если б не нашла я тебя в пучине темных вод. Послушайся же хоть теперь моих слов, милый сын! Уйдем поскорее от этого места, где ждет тебя гибель, где гонится за тобою смерть.

— Как же я уйду отсюда, матушка! — отвечает ей Лемминкайнен. — Пока не поймаю я лебедя в черном потоке Туонелы, в темной пучине Маналы, не выдаст за меня злая старуха свою прекрасную дочь.

— Сыночек мой дорогой, — говорит ему мать, — на беду себе задумал ты это сватовство! Пусть с миром плавает черный лебедь в темных потоках Туонелы, в бурной пучине Маналы! А ты возвращайся в свой родимый край, в свой отчий дом, к родной своей матери.

До самого сердца Лемминкайнена дошли эти слова.

— Дорогая моя матушка, — говорит он, — ты меня дважды родила, с тобой я и пойду. Пусть обернется твоя скорбь вороным конем, из твоей печали и горя

сплету я уздечку, из твоих забот сделаю быстрые сани — и умчимся мы с тобою подальше от этих злых мест, где гибель подстерегает смелого, где смерть ждет храброго.

Так вернулся Лемминкайнен со старой своей матерью в родные края, под крышу отцовского дома.

Вяйнемейнен делает себе лодку

Скучно было Вяйнемейнену одному в его пустом доме.

Некому о нем позаботиться. Нет у него хозяйки. Нет опоры в старости.

«Попытаю я еще раз счастья, — думает старый, мудрый Вяйнемейнен. — Посватаюсь снова к красавице Похъёлы».

Стал он мастерить себе лодку, чтобы плыть в ту далекую сумрачную страну.

Только где же найти дерево, чтобы крепкая получилась лодка, чтобы не затонула быстрая ладья, не перевернулся бы дощатый челн?

Не успел старый, мудрый Вяйнемейнен подумать, а на помощь ему уже идет маленький Сампса Пеллервойнен, чудесный сеятель, сын полей и лугов.

Взял Сампса золотой топор с медной ручкой и отправился в путь.

Идет он к востоку. Одну гору прошел, другую, третью — нет нигде хорошего дерева.

И вдруг увидел Сампса осину вышиной в три сажени.

Ударил Сампса по стволу топором и говорит:

— Скажи мне, осина, будешь ли ты служить мудрому песнопевцу? Будешь ли ему доброй лодкой?

Задрожала осина всеми своими листьями и отвечает:

— Сам посуди, какая же выйдет из меня лодка! Давно уже нету во мне прежней силы. Самое сердце мое подточил червяк, объел мои листья, обглодал корни.

Пошел дальше маленький Сампса, теперь на север держит он путь.

Возле дороги увидел Сампса Пеллервойнен сосну вышиной в шесть сажен, толщиной в шесть обхватов. Постучал по стволу топором и говорит:

— Скажи мне, сосна, будешь ли ты хорошей лодкой для Вяйнемейнена? Будешь ли прямо стоять на воде? Будешь ли слушаться весел и руля?

Зашумела сосна всеми своими ветками:

— Нет, не выйдет из меня доброй лодки. Слишком уж я стара, только на то и гожусь, чтобы вороны вили на моих ветках гнезда.

Дальше пошел маленький Сампса.

Идет он в южную сторону и видит — стоит могучий дуб, вышиной в сто сажен.

Спрашивает он у дуба:

— Скажи, отец деревьев, сослужишь ли ты службу Вяйнемейнену? Или, может быть, пустой у тебя ствол? Может быть, подточил тебя червяк? Или стар ты и немощен?

Отвечает ему дуб:

— Нет, крепкий у меня ствол и не подточил мои корни червяк. Трижды в это лето солнце прогревало меня до самого сердца. На моей вершине сидел светлый месяц. На моих ветвях отдыхали птицы. В моей листве куковала кукушка. Довольно еще у меня силы, чтобы сослужить добрую службу.

Тут снял Сампса Пеллервойнен с плеча топор и ударил по дубу — раз, и другой, и третий. Острым лезвием подсек он крепкий ствол, свалил наземь могучее дерево. Потом срезал вершину, обрубил ветки и принялся из крепкого ствола вытесывать доски.

Наготовил Сампса целую гору досок и позвал Вяйнемейнена.

Теперь взялся за работу старый, мудрый песнопевец.

Без топора и гвоздей — вещим своим словом, могучей песней строит Вяйнемейнен лодку.

Одну песню спел — и уже готово крепкое дно. Спел другую — и поднялись высокие борта. Спел третью — и стали на место медные уключины.

Но еще три слова нужны Вяйнемейнену: одно — чтобы укрепить руль, другое — чтобы поднять мачту, третье — чтобы заделать корму.

Думает старый, мудрый Вяйнемейнен:

«Может быть, ласточка эти слова знает? Может, их помнит лебедь? Или слышала

утка?»

Подстрелил он целое стадо лебедей, уложил целый караван уток, подбил стаю ласточек — но даже полслова не нашел.

«Может, летний олень держит в голове эти заветные слова? — думает Вьянмейнен. — Может, у белки на языке они лежат?»

Переловил Вьянмейнен целый табун оленей, без счету настрелял белок — много узнал новых слов, а тех, что нужны ему, не нашел.

Не знают этих слов живущие на земле.

Тогда решил Вьянмейнен пойти в подземную страну Маналу, в жилище мертвых Туонелу. Может быть, там найдет он три заветных слова?

Долго шел старый, мудрый Вьянмейнен. Семь дней пробирался через заросли кустарника. Еще семь дней пробивался через колючий можжевельник. И еще семь дней брел дремучим лесом, пока наконец не дошел до берегов Маналы, до темной пучины Туонелы.

Видит Вьянмейнен — поднимается над пучиной черных вод остров, а на берегу острова стоит девушка и полощет белье.

Просит ее старый, мудрый Вьянмейнен:

— Дочь Маналы, дитя Туонелы, дай мне лодку, чтобы мог я переплыть на твою сторону.

А дочь Маналы говорит ему:

— Скажи сначала, зачем пришел ты сюда, живой и здоровый, не погубленный болезнью, не похищенный смертью?

— Я не сам пришел, — говорит ей Вьянмейнен. — Меня привел сюда Туони.

— Пустое ты болтаешь, — отвечает ему девушка. — Если бы позвал тебя Туони, были бы на тебе шапка и рукавицы, как у всякого, кого снаряжают в жилище мертвых. Скажи-ка мне правду: зачем ты пришел сюда?

Отвечает ей старый, мудрый Вьянмейнен:

— Ну, коли хочешь знать правду, слушай: привело меня в Туонелу железо, пригнала острая сталь.

— Вот и опять видно, что ты пустой болтун, — говорит ему дочь Туонелы. —

Если бы привело тебя железо, если бы пригнала острая сталь, было бы в крови твое платье, струилась бы из твоих ран красная кровь. Скажи мне правду, Вяйнемейнен, зачем пришел ты сюда?

Отвечает ей старый, мудрый Вяйнемейнен:

— Так и быть, скажу тебе все начистоту: прибили меня к вашему берегу морские волны.

— Нет, неправда! — говорит ему дочь Маналы. — Если бы прибили тебя к нашему берегу волны, было бы мокрым твое платье. Скажи-ка лучше без обмана: зачем пришел ты сюда?

— Хорошо, скажу без обмана, — говорит старый, мудрый Вяйнемейнен. — Не своей волей я пришел — привел меня сюда злой огонь.

— Вот опять слышу я речи лгуна! — отвечает ему дочь Маналы. — Если бы привел тебя огонь, опалены были бы твои кудри, обгорела бы твоя борода. О старый, мудрый Вяйнемейнен, опять ты хитришь. Скажи мне: зачем ты пришел сюда, не похищенный болезнью, не убитый смертью, никем не загубленный?

Тогда сказал ей Вяйнемейнен такие слова:

— Вижу я, что мне тебя не обмануть. Так слушай же, теперь скажу тебе истинную правду. Задумал я сделать себе лодку. Построил я ее песней, сделал заклинанием, но не хватает мне трех слов, чтобы поставить мой челнок на воду. Вот и решил я спуститься в жилище мертвых, поискать здесь эти заветные слова.

Рассердилась дочь Маналы:

— Глупый ты, неразумный человек! Кто же по своей воле спускается в жилище мертвых? Ступай-ка скорее прочь, возвращайся, пока не поздно, к себе домой. Многие приходят сюда — никто не возвращается назад.

Не испугался ее слов старый, мудрый Вяйнемейнен и говорит:

— Только слабые женщины да малые дети знают страх. Дай же мне лодку, дочь Маналы, чтобы мог я переправиться на твой берег.

Видит девушка, что не уговорить ей Вяйнемейнена, и перевезла его в своей лодке на остров.

Сама хозяйка Туонелы вышла к нему навстречу.

Подносит она Вяйнемейнену кружку с пивом. За обе ручки держит большую

кружку, чтобы не выплеснулось из нее ни одной капли.

— Выпей, песнопевец! — говорит.

Взял Вяйнемейнен кружку, да прежде, чем выпить, посмотрел на дно. А там чего только нет! Лягушата прыгают, ползают змеи, копошатся черви.

Выплеснул Вяйнемейнен отраву и говорит хозяйке Туонелы:

— Не для того я живой спустился в страну мертвых, чтобы пить ваше пиво. Кто пьет его — тот пьянеет, кто пьянеет — тот гибнет.

Удивилась хозяйка Туонелы и спрашивает:

— Зачем же пришел ты сюда, Вяйнемейнен, раньше, чем тебя позвал Мана, прежде, чем вспомнил о тебе Туони?

Отвечает ей Вяйнемейнен:

— Я пришел за тремя вещими словами, чтобы достроить недостроенную лодку, чтобы скрепить нескрепленные доски.

— Не нужны тебе больше эти слова, — говорит ему хозяйка Туонелы. — Никогда уже не плыть тебе в этой лодке. Не увидишь ты родного дома, не ступишь больше на родную землю. Тому, кто пришел в страну мертвых, не вернуться к живым.

И только сказала — тяжелый сон сковал Вяйнемейнена.

А хозяйка позвала одного из сынов Маналы и велела ему сторожить пришельца.

Тысячу медных сетей принес сын Маналы и расставил их вдоль и поперек потока, перегородил пучину мертвых вод.

Руки у сына Маналы — как железные клещи, вместо пальцев у него острые железные крючья. Зацепил он своими крючьями сети, крепко держит их в руках.

Пусть-ка попробует теперь выбраться старый, мудрый Вяйнемейнен!

Долго лежал Вяйнемейнен, погруженный в тяжелую дремоту. Наконец очнулся он, огляделся — нигде ни входа, ни выхода.

«Нет, не хочу я погибать в этом темном жилище Маналы», — думает Вяйнемейнен.

Прикинулся он змеей, прополз, как червяк, под железной сетью, маленькой рыбкой скользнул в воде и поплыл к берегу.

Ранним утром стал сын Туонелы осматривать сети. Поднял цепкие свои пальцы, вытащил сети и видит — мечутся в сетях сто форелей, тысяча окуней бьются в железных петлях, только нет в сетях старого, мудрого Вяйнемейнена.

А Вяйнемейнен выбрался из черного потока Маналы, из бурной пучины Туонелы и скорее пошел прочь от этого злого места.

Не знает старый, мудрый Вяйнемейнен, где теперь искать ему вещие слова, чтобы достроить лодку.

Встретился ему на дороге пастух.

Спрашивает его Вяйнемейнен:

— Может, ты знаешь, где найти мне три заветных слова, чтобы достроить мою лодку?

— Уж, наверно, старый Випунен знает их, — отвечает ему пастух. — В утробе у него найдешь ты сотни песен, тысячи слов. Правда, не легкая дорога перед тобой лежит, но и не самая трудная, — засыпана она железными иглами, утыкана мечами и секирами.

И вот отправился Вяйнемейнен в путь. Первый день шагал он по колючим железным иглам. Второй день, спотыкаясь, шел по острым булатным мечам. Третий день, шатаясь, брел по наточенным секирам.

И наконец привела его дорога к старому Випунену.

Видно, давно уже спал Випунен. Всем своим могучим телом врос он в землю.

На плечах у него качается осина, на висках — береза, в бороде раскинула ветви ива, на усах шелестит листьями ольха. На лбу у Випунена поднялись могучие ели, между зубами шумят столетние сосны.

Выхватил Вяйнемейнен из кожаных ножен железный меч и принялся расчищать вход в утробу великана.

Одним ударом срубил осину, другим — повалил березу, снес ели со лба песнопевца, выкорчевал из его бороды иву.

Потом, словно тяжелые ворота, раздвинул челюсти великана, заложил между ними железный шест и вошел под своды костлявых скул.

Тут проснулся Випунен, приподнял веки, повел глазами. Хочет он закрыть рот — и не может: крепко стоит у него между зубами железная подпорка.

Тогда еще шире разинул рот Випунен и вместе с железным шестом проглотил старого, мудрого Вяйнемейнена.

Проглотил и говорит сам себе:

— Приходилось мне есть и козу с копытами, и корову с рогами, и кабана с клыками, но такого жесткого кусочка никогда еще не случалось отведать!

Зевнул разок, другой и снова задремал.

А старый, мудрый Вяйнемейнен сидит у него в утробе и думает, как бы ему разбудить Випунена, как бы согнать с него вековой сон.

Подумал, поразмыслил и принялся устраивать в животе великана кузницу. Из рукавов рубашки сделал мехи, из шубы — поддувало. Наковальней ему служит колено, молотом — крепкий кулак.

День и ночь работает в своей кузнице Вяйнемейнен. Такой шум и грохот поднял, что опять проснулся великан. Жжет его изнутри огонь — сил нету терпеть!

— Эй, ты! — закричал Випунен. — Откуда принесло тебя, изверг? Кто подослал тебя, мучитель? Выходи, собака, из моего чрева, а не то плохо тебе придется! Все мое войско выйдет против тебя. И колючий можжевельник, и стоглавые сосны, и островерхие ели — сотни мужей с мечами, тысячи героев с копьями придут, чтобы вышвырнуть тебя, чудовище!

А Вяйнемейнен словно и не слышит — бьет себе молотом по наковальне да качает мехи.

Все сильнее разгорается огонь. К самому горлу могучего старца поднимается жар от раскаленного железа, прямо на язык ему падают горячие угли.

Не вытерпел Випунен, закричал страшным голосом:

— Ты, не знающий матери, ты, собака без хозяина, уходи, пока не поздно! Говорю тебе, уходи прежде, чем взойдет солнце, раньше, чем пропоет петух! А не то кину я тебя в медвежью берлогу, загоню в топкие болота, потоплю в пенистом водопаде. Острыми когтями орла разорву тебя на части, клювом ястреба растерзаю на куски! Беги, несчастный, пока не поздно! Уноси голову,

пока жив!

Отвечает ему из глубины утробы старый, мудрый Вяйнемейнен:

— Никуда я отсюда не уйду, мне и здесь хорошо живется. Вместо хлеба я ем твою печень, приправляю ее твоим жиром, варю на огне твои легкие. Скоро перенесу я кузницу в самое твое сердце и буду бить там своим молотом до тех пор, пока не услышу заветных слов. Не должны исчезнуть вещие слова, не должны потеряться песни, что хранишь ты в своей памяти.

Что делать? Пришлось Випунену отпереть ларец песнопений, выпустить на волю древние заклятья.

И вот запел он песни седой старины. Он пел о том, как зажглось на небе солнце, как загорелись звезды, как в первый раз проплыл по небу месяц.

Слова, как птицы, слетали с его уст, как резвые кони, рвались из его груди.

Никогда не слышал Вяйнемейнен песен лучше тех, что пел Випунен.

Тайны всякого мастерства, начало всякого знания открыл ему могучий старец.

И когда наконец опустошил Випунен свой ларец песнопений, сказал Вяйнемейнен из глубины его утробы:

— О Випунен, открой пошире рот, выпусти меня отсюда! Пора мне возвращаться в родные края.

— Что же, иди, — сказал ему Випунен. — Ты, я вижу, хитер, старый Вяйнемейнен. Ловко ты забрался ко мне в нутро! Хорошо, что теперь уходишь!

И славный песнопевец Випунен широко зевнул.

Проворной белкой, быстрой куницей выскользнул на волю старый Вяйнемейнен.

Немного времени прошло, и вернулся он домой, к своей недостроенной лодке.

Тремя словами, точно тремя ударами, достроил Вяйнемейнен свой челн: укрепил руль, поднял мачту, заделал корму.

И вот готова лодка. Выкрасил ее Вяйнемейнен красной краской, натянул синий парус, украсил нос серебром, отделал корму золотом и на рассвете прекрасного дня отправился в путь.

В суровую Похьёлу, в туманную Сариолу плывет по морскому простору старый, мудрый Вяйнемейнен.

Плывет и песней подгоняет ветер, торопит быстрые волны:

— Ветры, вы мой челн гоните, Вы качайте, волны, лодку, Чтоб не брать мне в руки вёсел, Чтоб не пенить ими воду На спине широкой моря, На его просторе синем!

Илмаринен вместе с Вяйнемейненом едут в Похьелу свататься к дочери Лоухи

Рано утром, прежде чем встало солнце, поднялась красавица Анникки — Илмаринена сестрица — и вышла на туманный бережок постирать белье. Выколотила его на катках, потом чисто-начисто выполоסקала и села отдохнуть. Посмотрела на небо, взглянула на море — вверху солнце блестит, внизу волны сверкают. Посмотрела назад, посмотрела вперед и видит — чернеет что-то в устье реки, синее что-то на морских волнах.

«Может, это стадо крикливых гусей? — думает Анникки. — Или это стая сизокрылых уток? Если так, летите своим путем по небесным просторным дорогам!»

Но не поднимаются утки, не взлетают крикливые гуси.

«Может, это рыба стая? — думает Анникки. — Может, это лососьи спины? Если так, спрячьтесь под воду, уходите скорее в глубь потоков!»

Но не уходит под воду рыба стая, не прячутся лососи в глубине морских вод.

«Может, это еловая ветка? Или это подводный камень выглянул со дна моря? Если камень это, — пусть покроют его синие волны. Если ветка, — пусть унесут ее пенистые гребни».

Но не прячется под водой камень, не уносят волны еловую ветку.

Это плывет вдоль берега дощатый челн. Борты у него красные, парус синий, нос украшен серебром, корма — золотом.

— Уж не брата ли это корабль, — говорит красотка Анникки, — уж не отцовский ли это челн? Тогда скорее плыви к родной земле, стань кормой к чужому берегу, носом повернись к нашей пристани. Если же чужой это корабль, пусть кормой повернется к нашей пристани, носом станет к своему берегу.

Но не отцовский это челн и не чужой это корабль.

Подплывает к пристани на туманном берегу, на мгlistом мысу лодка
Вяйнемейнена.

Спрашивает его Анникки:

— Куда ты, друг моря, торопишься? Куда, украшение Калевалы, твой путь
лежит?

Отвечает ей с лодки Вяйнемейнен:

— Еду я на рыбную ловлю, хочу закинуть невод в глубине камышовых зарослей,
там, где мечут икру лосося.

Говорит ему Анникки:

— Вот сразу и видно, что это неправда. Разве сейчас рыба мечет икру? Да и где
твои рыболовные снасти? Видела я, как выезжал на лов мой отец. В лодке у
него лежали невода, на скамьях — багры, у руля — длинные шесты. А у тебя
ничего нет. Скажи мне, Вяйнемейнен, правду: куда ты едешь, какое дело
задумал?

Отвечает ей Вяйнемейнен:

— На охоту я выехал. Хочу гусей настрелять, пестрокрылых уток набить.

Опять не верит ему Анникки:

— Видно, смеешься ты надо мной, песнопевец! Видела я, как снаряжался на
охоту мой отец. За спиной у него был лук, на поводке — собаки. Скажи мне
правду, Вяйнемейнен: куда ты путь держишь?

Отвечает ей Вяйнемейнен:

— Держу я путь туда, где шумит сражение, где идет битва, где потоками
струится богатырская кровь.

— Нет, неправду ты говоришь, — отвечает ему Анникки. — Видела я, как мой
отец уходил на великую битву, туда, где по колена в крови бьются храбрые
мужи. Сто богатырей садились на весла, по бортам висели острые луки, на
скамьях лежали кованые мечи. Скажи мне правду, Вяйнемейнен: куда ты
собрался? А не скажешь — пусть буря сядет в твою лодку, пусть ветер правит
твоим рулем.

— Ну хорошо, скажу тебе правду, — говорит ей Вяйнемейнен. — Еду я в суровую Похьёлу, в сумрачную Сариолу, чтобы взять себе в жены красавицу Севера.

Не стала больше слушать его Анникки.

Подхватила она с деревянных катков белье и побежала скорее домой.

А брат ее Илмаринен, вековечный кователь, стоит себе возле жаркого горнила и бьет молотом по наковальне. С головы до пят весь он черный, как сажа, на волосах у него копоть в три пальца, на плечах — целые горы угольной пыли.

— Братец-кузнец, — говорит ему Анникки, — бросай свою работу! Скорей выкуй мне новый челночок, выкуй новые кольца, и еще три пары сережек, и еще шесть красивых подпоясков в награду за вести, что я тебе принесла.

Говорит ей Илмаринен:

— Хорошо, выкую я тебе челночок и кольца, выкую сережки и подпояски. Но если настоящие вести ты принесла — все переломаю и в огонь брошу.

Тут говорит ему сестра Анникки:

— Ну так слушай, братец, что я тебе скажу. Ты вот с утра до ночи молотом стучишь. Летом куешь подковы, зимой куешь полозья, весной — дугу с колокольчиком. Все хочешь за своей невестой ехать. А тот, кто похитрее тебя, уже едет за твоей невестой. Выйди-ка на берег да погляди, чья лодка на волнах качается. Старый, мудрый Вяйнемейнен плывет в туманную Похьёлу, в сумрачную Сариолу, чтобы свататься к той, которую ты выбрал, для которой ты и Сампо выковал!

Опечалился кователь Илмаринен. Уронил из правой руки молот, уронил из левой руки клещи и говорит:

— Сестрица моя Анникки, я выкую тебе новый челночок и кольца, выкую серьги и подпояски — только истопи мне скорей жаркую баню, собери золы, навари щелоку, чтобы смыл я с тела осеннюю копоть, счистил с себя зимнюю гарь.

Истопила ему Анникки баню, воду из родника принесла, ветки для веника в лесу наломала. Льет воду на горячие камни, льет воду на душистый веник, и медовый пар поднимается в бане.

Вымылся Илмаринен, вошел в избу — а его и не узнать! Шея, как яйцо, белая. Волосы, как лен, светлые. Глаза, словно снег, чистые. Щеки ярким румянцем горят.

Самое лучшее, что было в сундуке, надел Илмаринен. Рубашка на нем тонкого льняного полотна, поверх рубашки голубая куртка, поверх куртки кафтан суконный, да не простой кафтан, а с каймою в четыре цвета. А поверх кафтана новая шуба еще надета — на ней тысяча петель, сотня украшений.

Дала ему Анникки пояс, шитый золотом, — тот, что мать отцу к свадьбе вышивала. Вынесла ему Анникки пестрые рукавицы, — те, что мать вязала. Надела на его золотые кудри шапку, — ту, что отец к своей свадьбе покупал.

Вышел Илмаринен на крыльцо убранный, разукрашенный, а там уже стоит его буланный жеребец, запряженный в расписные сани. Под дугой звенят шесть веселых птичек, семь звонких колокольчиков. Сани медвежьей шкурой покрыты, полость из тюленьего меха сделана.

Взял Илмаринен в одну руку вожжи, в другую кнут, стегнул коня и говорит:

— Ну, беги ты, белолобый, Мчись ты, конь с льняною гривой! Пусть вожжам удача будет, Пусть несутся сани к счастью!

Бежит быстрый конь по песчаному берегу, скачет по высоким холмам. Из-под его копыт песок в глаза брызжет, морская пена в лицо плещет.

Один день, и другой, и третий гонит Илмаринен своего коня и наконец увидел он в волнах лодку Вяйнемейнена.

Окликнул Илмаринен его с берега:

— О старый, мудрый Вяйнемейнен! По одной дороге мы едем, одна у нас на сердце забота. Давай же сговоримся так: кого выберет красавица Похъёлы — тот и будет ее мужем.

— Хорошо ты сказал, — отвечает ему Вяйнемейнен. — И если тебя выберет красавица Похъёлы, не затаю я в своей душе ни вражды, ни злобы.

Поехали они дальше. Оба едут в одну сторону. Каждый едет своим путем.

Шумят волны под быстрой лодкой Вяйнемейнена. Трясется земля под копытами резвого коня Илмаринена.

Красавица Похъёлы выбирает себе жениха

Не знает хозяйка Похъёлы, что к ней в дом едут женихи.

Только дворовый пес чует непрошенных гостей — лает, рычит, бьет хвостом, рвется с привязи.

Говорит хозяин Похъёлы:

— Дочка, пойдика, посмотри, чего это вислоухий лает, на кого это серый бросается.

— У меня и без того дела много, — отвечает ему дочка, — надо и хлев убрать, и за стадом приглядеть, и жернова вертеть, и муку сеять. Где мне еще смотреть за собакой!

А пес не унимается — лает громче прежнего.

Снова говорит хозяин Похъёлы:

— Пойди, старуха, посмотри, чего это лает битый, чего там скулит серый?

Отвечает ему старуха:

— Не до того мне! Я и с обедом еще не управилась, и тесто еще не замешано, и хлеб не поставлен.

Рассердился хозяин Похъёлы:

— Всегда у баб найдется отговорка, всегда у них есть работа — то у печки погреться, то в постели поваляться. Пойди-ка ты, сынок, взгляни, на кого это собака лает? Не станет серый зря брехать, не будет мохнатый ворчать на сосны.

Отвечает ему сын:

— Есть у меня дела поважнее — мне и топор наточить надо, и пень расколоть, и дров наготовить, и печь растопить.

Совсем рассердился хозяин Похъёлы и сам пошел посмотреть: отчего это лает верный пес, на кого рычит серый?

А пес то мордой к морю повернется, то на вершины холмов глядит, то — туда, то — сюда.

Посмотрел на море хозяин Похъёлы. Видит — не зря лает верный пес.

Подплывает к Похъёле красная лодка. На ветру синие паруса выгибаются, серебряный нос волны режет.

Взглянул хозяин на вершины холмов. Видит — не напрасно воеет вислоухий. Мчатся к дому разукрашенные сани. Сбруя на коне медная, уздечка серебряная, а на дуге поют-звенят шесть веселых птичек, семь серебряных колокольчиков.

Вернулся хозяин Похъёлы в дом и говорит:

— Чужие спешат к нашему дому. Как узнать, с миром они идут или с войной?

— Сейчас узнаем, — отвечает старуха.

Достала она связку рябины, бросила красу деревьев в огонь и говорит:

— Если с войной идут — потечет из рябины кровь, если с миром идут — потечет вода.

Смотрят в огонь мать и дочь — нет, не льется кровь и не бежит вода, а течет из рябины густой струей сладкий мед.

— Это женихи едут к нам в дом, — говорит хозяйка Похъёлы. — От них никуда не укроешься. Коня от чужих глаз можно спрятать, а красавицу дочку, как ни прячь, женихи все равно найдут — хоть из камня построй дом, хоть посреди моря его ставь.

Вышли мать с дочкой на крыльцо.

Посмотрела старая Лоухи на того, кто веслом гребет, поглядела на того, кто коня погоняет, и говорит своей дочке:

— Скажи, дочка, кому хочешь ты быть женой, кому будешь верной подругой в жизни? Тот, кто в лодке плывет, — это старый Вяйнемейнен. Немало у него сокровищ! Мудрое слово, могучая песня — вот его богатства. А тот, кто в санях едет, — кователь Илмаринен. И он не последний из бедняков! Дым да копоть — вот всё, что он нажил. Ты налей меду тому, кого выберешь себе в мужа, поднеси кружку старому Вяйнемейнену.

Отвечает ей дочь:

— Не пойду я за старого Вяйнемейнена. Выберу я мужа покрасивее, пойду за молодого Илмаринена. Ведь это он выковал нам Сампо. Ему ты меня и обещала.

— Глупый ягненок! — говорит ей мать. — Что за радость быть женой кузнеца! Будет у тебя одна забота — стирать его черные рубашки да смывать с него сажу.

А дочка свое твердит:

— Не пойду я за Вяйнемейнена! Скучно будет мне с ним, старым.

Немного времени прошло, и причалил к пристани Вяйнемейнен. Поставил свой красный челн на железные катки и пошел прямо к дому хозяйки Похъёлы.

Остановился у двери и, не переступая порога, говорит:

— Скажи, красавица, хочешь ли быть моей женой, хочешь ли делить со мной радость и горе?

Отвечает ему дочь Похъёлы:

— А ты сделал мне лодку из обломков моего веретенца? Сделал челнок из кусочков моей катушки?

— Я другую лодку тебе сделал, — отвечает ей Вяйнемейнен, — получше той, что ты просила. Не боится она ни дождя, ни ветра. Как пузырек, всплывает на бурных волнах, как цветочек, качается на морской глади. Крепко стоит на земле дом, а моя лодка держится на волнах еще крепче.

Отвечает ему дочь Похъёлы:

— Не хочу я качаться на волнах. Не хочу, чтобы мой дом в море плавал. Нет, не буду я тебе, старику, верной подругой. Женой старого быть — только беду с ним делить.

Опечалился Вяйнемейнен. Опустил голову и молча побрел к своей разукрашенной лодке.

«Горе мне! — думает Вяйнемейнен. — Прошло мое время. Видно, поздно я задумал привести жену в свой дом. Не пристала седина жениху. Сватовство к лицу только молодым».

А кователь Илмаринен уже подъезжает к дому хозяйки Похъёлы.

Не раздумывая, переступил Илмаринен через порог, не мешкая, вошел в избу.

Налила красавица Похъёлы полную кружку меду и подает славному герою.

Но не прикоснулся Илмаринен к сладкому питью.

— Нет, не притронусь я к этому меду, — говорит славный кователь, молодой Илмаринен, — если не пойдет за меня та, которую люблю я всем сердцем.

А старуха Лоухи, хозяйка Похъёлы, уже придумала, как отделаться от жениха.

Говорит она Илмаринену:

— Сначала заслужить надо мою дочку, мой весенний цветочек, украшение земли и неба. Вот если ты вспашешь змеиное поле, тогда наденет она для тебя башмачки, станет твоей женой.

— Короткая же у тебя память! — отвечает Илмаринен хозяйке Похъёлы. — Другие слова были у тебя на языке, когда ковал я тебе Сампо.

А красавица Похъёлы, дочка старой, злой Лоухи, отвела своего жениха в сторону и говорит:

— Послушай меня, Илмаринен! Я научу тебя, как вспахать змеиную землю. Сделай плуг из серебра и золота, обуь железные башмаки, надень стальную рубашку — и ни одна змея тебя не тронет.

Всё сделал кователь Илмаринен, как велела ему дочь Похъёлы, и вышел в поле.

Врезался он золотым сошником в землю, взбороздил серебряным плугом змеиную пашню.

С шипеньем и свистом поднялись из-под плуга ползучие гады, вытянули свои длинные шеи, разинули ядовитые пасти, со всех сторон тянутся к Илмаринену.

Но без страха идет по змеиному полю Илмаринен и разгоняет змей:

— Уходите вы с дороги, Уползайте с поля, злые, Ускользайте в чащу леса, В заросли травы болотной. Если ж вы сюда вернетесь, Головы снесет вам Укко, Разобьет стальной стрелой, Размозжит дождем железным.

Вспахал Илмаринен все поле, прогнал змей и говорит старухе Лоухи:

— Ну, хозяйка, я все сделал, что ты велела. Отдашь ли теперь за меня свою дочку, доверишь ли мне свой любимый цветочек?

Отвечает ему хозяйка Похъёлы:

— Нет, не заслужил ты еще своей невесты. Вот когда поймаешь на полянах Туонелы медведя, когда приведешь из дремучих лесов Маналы седого волка,

тогда отдам тебе в жены свою любимую дочь.

Услышала красавица Похъёлы, куда мать посылает ее жениха, и говорит Илмаринену:

— Я научу тебя, как поймать волка, как привести медведя. На каменной плите, посреди морских волн, выкуй уздечку из стали, в пене трех порогов выкуй железный ремень, и тогда поймаешь ты и медведя Туонелы, и седого волка Маналы.

Так и сделал Илмаринен: выковал стальную уздечку, выковал железный ремень — и отправился в дремучие леса Маналы, на темные поляны Туонелы.

Не услышал седой волк, не почуял медведь, как тихими шагами подкрался к ним Илмаринен. Железным ремнем связал Илмаринен медведю пасть, накинул на волка стальную уздечку и, точно телят, повел страшных зверей к хозяйке Похъёлы.

Привязал их во дворе под навесом и говорит:

— Ну, старуха, теперь я заслужил твою дочь!

А хозяйка Похъёлы, злая старуха Лоухи, опять говорит ему:

— Нет, погоди еще. Только тогда я отдам тебе эту ласковую уточку, тогда доверю тебе свою милую птичку, когда поймаешь ты без сетей и без невода жирную щуку, что живет в темных водах Маналы, в глубоких потоках Туонелы.

Опечалился Илмаринен.

А красавица Похъёлы опять утешает его.

— О кователь Илмаринен, — говорит она жениху, — рано ты повесил голову. Выкуй на огне железного орла, и он выловит тебе в черных потоках Туонелы, в глубоких водах Маналы жирную щуку.

Послушался Илмаринен ее совета.

Выковал он огненного орла, лапы ему сделал железные, когти стальные, крылья медные. Не сказать, чтобы из самых больших был этот орел, но и не из самых маленьких: клюв у него в сто сажень, язык — длиною в шесть копий, каждый коготь — что острая коса.

Сел Илмаринен орлу на спину и говорит ему:

— Ты лети, орел могучий, Ты лети, куда велю я, Излови большую щуку, Рыбу жирную достань мне!

И только сказал — взмахнул орел крыльями и полетел. Одним крылом срезает гребни волн, другим крылом задевает края облаков, когтями поднимает песок со дна бурного потока, клювом задевает утесы на берегу.

Немного времени прошло, и опустился орел у края темной пучины вод.

Ходит кователь Илмаринен по берегу, ищет в пенистом потоке жирную щуку, а огненная птица кружит над ним в небе — стережет своего хозяина.

И вот выплыла щука из волн, высунулась речная собака из воды. Язык у нее — с топориче, зубы что грабли, на спине семь лодок поместится.

Разинула щука пасть, хочет проглотить героя.

Но не дремлет огненный орел. Приметил он с высоты жирную щуку и камнем упал ей на спину. Когтистой лапой сгреб речную собаку, треплет ее, по волнам волочит.

А жирная щука, речная собака, тоже не дремлет, — извернулась она и зажала своими зубами-граблями орлиную лапу.

Тянет щука орла на дно.

Тащит орел щуку из воды.

Долго они бились. Стал слабеть орел. Из последних сил взмахнул он могучими крыльями и вырвал свою лапу из щучьей пасти.

Покружил орел над темной пучиной и снова кинулся на жирную щуку. Один коготь в спину ей вонзил, другим когтем за каменный утес зацепился.

Тащит орел щуку из воды.

Тянет щука орла на дно.

Но опять не одолел орел жирную щуку. На боках у нее клочьями висит мясо, спина железными когтями исполосована, а все-таки ушла речная собака от орла, вырвалась из его цепких лап.

Тогда в третий раз налетел на щуку огненный орел.

Крылья его пламенем горят, из глаз искры сыплются. Все свои когти вонзил

орел в щучью спину.

От рыбьей чешуи посветлели черные воды Маналы.

От орлиных перьев потемнел кругом светлый воздух.

Бьется речная собака в железных орлиных лапах, а вырваться не может.

С добычей в когтях поднялся орел над черными потоками Маналы.

Видит — стоит недалеко ветвистый дуб. Опустился на него орел. Захотелось железной птице отведать мяса речной собаки. Разорвал он щуку когтями, разрубил на куски острым клювом и съел всю до последней косточки. Одна только голова осталась.

Говорит орлу Илмаринен:

— Плохой ты мне помощник! Сам всю рыбу склевал. Что же я теперь понесу хозяйке Похъёлы?

Тут сбросил ему железный орел щучью голову и взвился ввысь. От каждого взмаха тяжелых железных крыльев стонет небесный свод, прогибается крыша неба, раскалываются облака.

А Илмаринен поднял щучью голову и понес ее хозяйке Похъёлы.

— Получай, хозяйка, — говорит. — Все я сделал, что ты велела. Велела вспахать змеиное поле — я вспахал. Велела поймать в дремучих лесах Маналы волка и медведя — я поймал. Велела выловить жирную щуку в черных пучинах Туонелы — я выловил. Отдашь ли теперь за меня, свою дочку, свой нежный цветочек, свою любимую ягодку?

Нечего ответить старухе. Вздохнула она и говорит:

— Что ж, бери свою невесту, Сердцем выбранную деву. Отдаю тебе я птичку, Эту уточку родную. Пусть она герою будет Милой спутницею в жизни, Долгих дней его подругой, Птичкой его любимой.

Хозяйка Похъёлы готовит свадебный пир

Богатый пир готовит старая Лоухи, хозяйка вечно мрачной Похъёлы.

Пусть увидит жених, что из знатного дома, из славного рода берет он жену.

Много гостей будет на свадебном пиру. Чтобы всех накормить, надо целого быка зажарить.

Выбрала старуха Лоухи быка не большого и не маленького: рога у него без малого сто сажень, касатка с одного его рога на другой весь день летит, ласочка вокруг его шеи семь дней бежит, белка от головы до хвоста целый месяц скачет.

Тысяча храбрецов вели этого быка в Похьёлу.

Привели — и не знают, что с ним делать. Никто не берется его зарезать — ни старики, ни юноши, ни те, кто достиг середины жизни.

Пасется себе бык на поляне и щиплет траву — мордой земли касается, спиной тучи задевает.

А если кто подойдет к нему, он только глянет черным глазом — и уже со всех ног бежит смельчак, в кусты прячется, на дерево залезает.

Кто же зарежет свадебного быка? Где найдется такой герой?

Ищут его и в лесах прекрасной Карелии, и на просторных полях Суоми, и в суровом краю шведов, и в ласковой земле русских, ищут и нигде не находят.

И вдруг вышел из прозрачных волн, поднялся на синий хребет моря старый муж, сильный богатырь.

Кулак у него железный, на голове вместо шапки — скала, на ногах — каменные утесы.

Без страха подошел великан к быку и одним ударом воткнул нож в бычью шею.

Как подкошенный повалился бык на землю.

Бык большой, а всего только и получилось, что сто ушатов мяса, сто сажень колбасы, шесть бочек жиру да семь лодок крови. Много ли это для веселой свадьбы, для богатого пира!

Да и какой же это пир, если нет на столе пива!

Стала хозяйка Похьёлы готовить веселый напиток.

Чтобы пиво сварить, вода нужна.

Выкатила хозяйка Похьёлы котел — не большой и не маленький — и велела своим работницам носить воду.

Родники иссякли и колодец опустел, пока доверху наполнили этот котел.

Воды много, да из одной воды пива ведь не сваришь!

Насыпала хозяйка Похъёлы в воду ячменных зерен, бросила в котел головки хмеля. Пусть веселым будет напиток, пусть пенится славное пиво!

Для того, чтобы пиво сварить, жаркий огонь нужен.

Принялась хозяйка Похъёлы рубить деревья. Столько дров наготовила, что леса поредели. А костер сложила такой, что до самого неба поднялся черный дым.

Потом поставила котел на огонь и закрыла крышкой — пусть кипит, пусть варится добрый напиток.

Три дня и три ночи прошло, но не бродит пиво, не пенится молодое.

«Что бы еще в котел прибавить?» — думает старая Лоухи.

Увидела она на полу щепку, потерла ее в ладонях — и вдруг выбежала на середину избы пушистая белка.

Говорит ей хозяйка Похъёлы:

— Веселая белка, лесная шалунья, беги скорее в зеленую чащу, принеси мне еловые шишки, собери сосновые иглы.

Побежала белка в лес. Набрала полные лапки еловых шишек, целую охапку сосновых игл и принесла хозяйке Похъёлы.

Бросила старуха Лоухи шишки и душистые сосновые иглы в свадебное питье, но не бродит молодое пиво, не пенится золотистое.

Опять хлопчет у котла хозяйка Похъёлы, то одно подбавит, то другое.

И вдруг видит — лежит на полу лучинка. Подняла ее старуха Лоухи, потерла в руках — и выбежала на середину избы желтая куница.

Говорит ей хозяйка Похъёлы:

— Золотая куница, проворный зверек, беги скорее в медвежью берлогу, принеси мне пены из медвежьей пасти.

Пробралась куница в медвежью берлогу, сняла лапками с медвежьей пасти пушистую пену и принесла старухе.

Бросила старуха эту пену в котел с пивом, но по-прежнему не бродит напиток

мужей.

Опять думает старуха:

«Что же еще в котел прибавить? Что еще сделать, чтобы пенилось золотое пиво, чтобы искрилось веселое?»

Видит старая Лоухи — лежит на полу стручок. Подняла она его с пола, потерла в ладонях — и вылетела из стручка пчелка.

Говорит ей старуха Лоухи:

— Пчелка, золотая птичка, лети скорее на зеленые луга, принеси мне соку медовых трав, принеси меду душистых цветов.

Быстро полетела пчелка. Собрала в золотых цветочных чашечках душистый мед, обмакнула крылышки в сладкий цветочный сок и возвратилась назад.

И вот бросила хозяйка Похъёлы в котел каплю меда. Забродило, заиграло молодое пиво. До самых краев поднялась легкая пена, золотой струей выплеснулась из котла веселая брага.

Стали разливать пиво в дубовые бочки. Бочки железными обручами опоясали, медными втулками заткнули и спрятали в землю, в глубокий погреб, — пусть стоят до свадебного пира!

Немного времени прошло — и зашумело, зашипело в бочках молодое пиво:

— Не хочу стоять в темном погребе! Нет мне здесь ни почета, ни славы. Мое место за веселым столом. Хочу гулять я по кружкам, чтобы гости хвалили меня и пели бы в мою честь песни!

Стали хозяева искать певца, чтобы прославил он песнями молодое пиво. Принесли в погреб лосося, принесли щуку. Но не дело лосося распевать песни, да и щука не мастерица петь.

А пиво сердится, шумит:

— Коли не найдете искусного певца, разорву я все обручи на бочках, вышибу крепкое дно!

Испугалась хозяйка Похъёлы. Кликнула она свою работницу и говорит ей:

— Иди скорее, зови гостей на добрый пир, на веселую свадьбу. Весь народ Похъёлы зови — всех бедных и нищих, всех слепых и немощных. Хромых вези на конях, калек вези в санях. Зови всех сынов Калевалы. А раньше всех — старого,

мудрого Вяйнемейнена. Без его песен не будет на пиру веселья! Только смотри не зови удалого Лемминкайнена — нет для него места за свадебным столом!

Спрашивает хозяйку работница:

— Почему же не звать молодого Лемминкайнена?

Отвечает ей хозяйка Похъёлы:

— Потому его не зови, что затеет он на веселом пиру драку, всех стариков на смех поднимет, девушек насмерть запугает.

И вот пошла работница по шести дорогам, по восьми тропинкам звать народ на свадебный пир.

Все дома обходит, всех встречных зовёт, только не позвала она удалого охотника, молодого Лемминкайнена.

Встреча жениха

День и ночь идет стряпня в доме старой Лоухи.

Шипит на сковородах мясо, варится в котлах рыба, в печи румянятся пироги.

И вдруг слышит хозяйка Похъёлы небывалый шум на берегу. Может, это буря валит деревья? Или, может, это море бьется о берег? Или обрушились скалы?

Вышла она на крыльцо, посмотрела на запад, посмотрела на север, взглянула на солнце. Нет, не море это шумит и не деревья валяются на землю. Это мчатся по берегу сани, скрипят быстрые полозья, хлопают в воздухе кнуты.

«О горе! — думает хозяйка Похъёлы. — Видно, это сильное войско идет на нас, чтобы разорить нашу страну!»

Но не вражье войско идет на туманную Похъёлу. Это жених едет за своей невестой, едут гости на свадебный пир.

Как черемуха в лесу, как статный дуб в роще, как ясный месяц в звездном небе, так и жених приметен в толпе славных мужей. И конь у него самый лучший: черный, как ворон, резвый, как жаворонок, быстрый, как голодный волк.

С шумом въехали сани на хозяйский двор.

— Эй, вы! — зовет рабов хозяйка Похъёлы. — Распрягайте-ка скорее коней, а коня моего зятя прежде всех. Возьмите коня моего зятя за шелковый повод, отведите вороного на мягкий выгон, напоите его родниковой водой, накормите

пшеницей из резных яслей, дайте отборного ячменя в медном корыте. А потом привяжите коня моего зятя к золотым кольцам, моржовой щеткой расчешите его пышную гриву, накройте резвого скакуна серебряным узорным покрывалом, золотой попоной с медными подвесками.

Стали гости входить в дом.

Только жених не торопится переступить через хозяйский порог.

Говорит старая Лоухи юношам Похъёлы:

— Эй, молодые герои, ведите скорее моего зятя в дом! Поднимите повыше притолоку, чтобы он шапкой ее не задел. Опустите пониже порог, чтобы он каблуком его не зацепил. Подальше отодвиньте косяк, чтобы зять плечом его не сдвинул. Снимите двери с петель, чтобы не мешали они моему зятю войти в дом.

Подняли сыны Похъёлы низкую притолоку, опустили высокий порог, раздвинули пошире косяки, сняли с петель двери, и вошел жених в дом невесты.

Поклонился всем и говорит:

— Пусть не оставит здоровье тех, кто живет под этой славной кровлей!

Отвечает ему хозяйка Похъёлы:

— И тебя, посетившего нашу маленькую избушку, этот еловый домик, это бедное сосновое гнездышко, пусть никогда не оставит здоровье.

А потом позвала девочку-работницу и говорит ей:

— Принеси-ка мне огня в кусочке бересты, на конце сосновой щепки — хочу я посмотреть, какие у жениха глаза: синие, карие или, как лен, светлые?

Пошла работница за огнем. Шумит, трещит береста, дымится сосновая щепка — ничего в густом дыму не разглядеть.

Снова посылает хозяйка Похъёлы работницу:

— Принеси мне огня на белой восковой свечке!

Блестит, сияет огонек, а хозяйка Похъёлы смотрит жениху в глаза и говорит:

— Теперь я знаю, какие очи у моего зятя: они светлые, как морская пена, они глубокие, как дно моря, они ясные, как весенний цветок.

Усадила хозяйка Похъёлы жениха на почетном месте, так, чтобы все его видели.

Потчует она дорогих гостей, а зятя прежде других. И пирог ему первому

подносит. И семги самый лучший кусок кладет. И пиво верхом наливает.

Веселит добрый напиток гостей, а жениха больше всех.

На славу удался пир! Одно только плохо — не слышно за столом песен.

Тогда поднял старый, мудрый Вяйнемейнен свою кружку с золотым пивом и говорит такие слова:

— Пиво, доблестный напиток, Да не пьют тебя в молчанье! Дай мужам охоту к песне, Золотым устам — к напеву! Нет ли юноши меж вами, Нет ли здесь в народе мужа, Кто богат искусством пенья, Кто сложил бы вместе руки И потом бы начал песню, Нас порадовал напевом, Чтобы день наш был веселым, Чтобы вечер был прославлен?

Но не отзывается никто на его слова.

Удивилась хозяйка Похъёлы:

— Может, плохое я сварила пиво? Может, налила в кружки горького питья? Что же не находится за столом запевалы? Не будет петь скамейка, если молча сидят на ней гости. Не заведет песню и окно, если умолк у окошка хозяин. Не зальются звонкой песней половицы, если увяли песни на устах героев. Кто же первый запоеет на славном пиру?

Но опять не отозвался никто из мужей.

— Ну, если так, — говорит Вяйнемейнен, — если не вызывается никто, тогда я буду петь один. Спую, как умею, о том, что знаю.

И вот запел старый, мудрый Вяйнемейнен. Зазвучала веселая песня, загремело могучее слово.

Много песен было в памяти Вяйнемейнена — больше, чем камней в горах, больше, чем цветов на полях.

И всякий, кто слушал его песни, дивился их великой силе.

Поет Вяйнемейнен — и на бесплодной земле поднимаются золотые хлеба, прибрежный песок становится отборным зерном, морские волны — сладким медом.

Все может сделать Вяйнемейнен своей могучей песней — и теплый хлеб из мертвого камня, и крепкую соль из мягких снежных сугробов.

На радость всем пирующим были его песни — и старикам, и молодым, и тем, кто достиг середины жизни.

Кончил Вяйнемейнен, поклонился хозяевам и гостям и говорит такие слова:

— Пусть течет рекою пиво, Пусть медовое прольется В этом сумрачном жилище, В этих избах Сариолы, Чтобы днем здесь мирно пели, Вечерами распевали, Пока в доме жив хозяин И пока жива хозяйка. Пусть их труд найдет награду, Пусть полны амбары будут, Стол всегда заставлен снедью, Сети полнятся добычей! И на будущее лето Пусть никто не пожалеет, Что он был на этом пире, Что сидел здесь на пирушке.

Невеста покидает родной дом

Отшумел веселый пир в суровой Похьёле, в сумрачной Сариоле. Пришло время снаряжать невесту в путь. Пора ей расставаться с родным домом.

Уже и коня вывел жених, а невеста все еще не готова: одна коса заплетена, другая не заплетена, одна нога обута в башмачок, другая не обута, на одну руку надета рукавичка, на другую не надета.

Наконец вывела старуха Лоухи, хозяйка Похьёлы, свою милую дочку и говорит такие слова:

— Выйди, проданная дева, Птичка купленная, выйди! Уж кусает конь поводья, Ожидают сани деву. Вот ты, ягодка, уходишь, Ты уходишь, цветик нежный, Ты уйдешь, платочек пестрый, В дом чужой войдешь, девица, Из родной семьи в чужую. Вот уходишь ты из дому,— Забери с собой, что хочешь, Но оставь в родимом доме Сны, что ночью ты видала, Речи матери любимой И кадушку с маслом свежим. Пенье брось на край скамейки, К окнам — радостные песни, Брось метле свое веселье, Смех — к оборкам одеяла, Шалость брось к печной скамейке Иль отдай подруге детства — Пусть несет ее в кустарник, В рощу пусть ее забросит!

Причитает старуха Лоухи над дочкой, будто на гибель провожает ее, точно в огонь бросает милое свое дитя, словно медведю в пасть кидает свой нежный цветочек, волку на растерзание отдает свою любимую птичку.

Всеми злыми словами хулит она дом зятя: и очаг-то у него покрыт сажей, и в кувшине-то у него не вода, а болотная грязь, и мать у него злодейка, и сестры

его злые насмешницы — их речи, словно мороз, леденят, как рыбы кости, колют.

— Там сами двери будут тебя толкать, там и окна будут на тебя коситься, там каждая ступенька будет тебя с ног сбивать! Не слышать тебе в доме мужа ласкового слова, не знать веселья-радости, не есть досыта!

Слушает красавица Похъёлы свою мать и горько плачет. Уже полные пригоршни слез наплакала. А старуха Лоухи стоит над ней и приговаривает:

— Плачь, проданный цветочек! Еще не так наплачешься в чужой недоброй стороне, в мужнином доме! Плачь сильнее, моя брусничка! Будешь ты вспоминать родной дом, так тебе и слез не хватит!

Тут в голос заплакала красавица Похъёлы.

Озерами растекаются ее слезы по полу, шумными реками текут через порог.

Плачет она и говорит такие слова:

— Мать, отец, мои родные! Ухожу с тоской на сердце Из жилища дорогого, Из отеческого дома, Со двора, где подрастала, Ухожу я с горькой думой, Ухожу полна заботы, Точно к осени в объятья, Как на тонкий лед весенний: Нет следов на льду весеннем, Нет следов в болотной топи. У меня, у бедной, думы, У меня, печальной, мысли — Точно край у темной тучи, Точно тьма ненастной ночи. Так ли думала, гадала? Я ждала иного в жизни. Я хотела быть кукушкой, По холмам хотела кликать В годы юности цветущей, В эти годы молодые. Не лечу теперь кукушкой, Чтобы кликать над холмами,— Точно уточка, далеко Я плыву в волнах холодных, В ледяной воде я дрогну. Может кто-нибудь подумать, Кто-нибудь сказать мне может: «Нет у девушки-невесты Ни заботы, ни печали». Люди добрые, молчите, Милые, не говорите! У меня заботы больше, Чем камней у водопада, Чем на топком месте ветел, Вереску в лесу сосновом. Их не сдвинула бы лошадь, Чтоб дуга не покачнулась И хомут не затрещал бы — Столько у меня печали, Столько у меня заботы!

Уже и пива прощальный ковш выпит, уже и сани пестрые стоят у ворот — передком на улицу смотрят, боком на конюшню глядят, спинкой к дому повернулись, — а невеста все плачет не наплачется.

Стала она прощаться с отцом-матерью, с братьями-сестрами, со всем своим высоким родом.

И дощатой крыше от нее поклон, и рябине у плетня поклон, и сосновой калитке поклон, и ягодам в поле поклон, и каждой травинке поклон, и каждому ручейку

поклон...

Наконец усадил Илмаринен свою молодую жену в сани, взмахнул жемчужным кнутом, и помчались они по берегу синего залива, по хребту песчаной горы.

А вслед им несется заунывная песня:

— Птица черная летела, Из-за облака спустилась, Нашу уточку схватила, Наш цветочек утащила, Наше яблочко уносит, Нашу ягодку увозит!

Но быстрее песни бежит белолобый конь. Из-под копыт его летят камни, скрипят железные полозья, а на гнутой дуге поют-заливаются синие птички, веселые колокольчики.

Бежит конь один день, мчится другой, скачет третий.

Вот уже третий день к концу идет, и дороге скоро конец.

На закате солнца увидел Илмаринен веселый дым над крышей родного дома.

Молодая жена входит в дом кователя

Илмаринена

Как юноши ждут весеннего солнца, как дети ждут ягод на поляне, как вода ждет смоленной лодки, — так и добрая хозяйка Локка, мать Илмаринена, ждет сына с его молодой женой.

Все глаза проглядела, бедная.

Утром смотрит она из окошка — не въезжают ли на двор знакомые сани? Днем выходит на дорогу, ждет — не покажется ли из лесу резвый конь? Вечером слушает у калитки — не скрипят ли вдали быстрые полозья?

А с ней вместе ждет кователя Илмаринена вся деревня.

Возле избы малые дети топчутся, руки-ноги себе поморозили, — а славный кователь все не едет.

У ворот старики сидят, смотрят на дорогу. Засиделись так, что колени разогнуть не могут, — а Илмаринена и не слышно и не видно.

Юноши к самому берегу ходят его встречать, уж и подошвы на башмаках стоптали, — а Илмаринена нет как нет.

И вот однажды, на рассвете прекрасного дня, слышит добрая Локка — зашумело в лесу, застучали быстрые копыта и подъехал к воротам кователь Илмаринен.

А рядом с ним в санях сидит его молодая жена.

Смотрит свекровь на невестку — и не налюбуется. Хороша она, что спелая брусничка, как душистая земляничка, точно кукушечка на ветке, будто синичка на рябине.

Глаза у нее словно звездочки в небе, нежный рот — как челночок выточенный, руки у нее белоснежные, шея — лебединая.

Может, это месяц светит? Нет, это блеснули застежки на плечах красавицы.

Может, это солнце сияет? Нет, это сверкнуло ожерелье на ее шее.

Может, это парус трепещет? Нет, это ее шелковый платок развевается по ветру.

— Привет тебе, милый сын, в родной стороне! — говорит добрая Локка. — Входи, родная кровинка, под отцовскую крышу, веди в свой дом красавицу кукушку, ту, что восемь лет ждал, пять долгих зим сватал.

Ступил сын на родную землю, поклонился матери, поклонился всей деревне, а красавица Похъёлы все сидит в санях — ждет, чтобы ее на руках по двору пронесли.

Говорит ей добрая Локка:

— И ты, веточка черемухи, выходи из саней. Не жди, золотой цветочек, покатебя возьмут на руки. Только малого ребенка на руках носят, только гордый нехочет сам шага сделать. Ты пройди, уточка, по двору своей свекрови, переступи, молодая курочка, через порог мужниного дома. Еще прошлым летом знали половицы этого дома, что будут ходить по ним твои ноги. Еще в минувшую зиму знала эта крыша, что будешь ты жить под нею. И окна эти ждали, когда ты поглядишь в них. И колышки на стенах уже наклонились, чтобы повесила ты на них свои платья. Эти двери сами отворялись, чтобы ты в дом вошла. Дверная ручка сама опускалась, по твоей руке скучая. В сарае корова мычит — молодую хозяйку подзывает. Жеребенок в конюшне ржет — сена из твоих рук просит. В закутке ягненок жалобно блеет — тебя зовет. Весь наш двор без тебя тоскует. Вся наша улица плачет, что ты по ней не гуляешь.

И вот вошли хозяева и гости в дом.

Никогда под этой прославленной крышей не бывало столько добрых людей! Сидят гости в белых одеждах, и кажется, будто это лес, убранный инеем. Как утренняя зорька, сияют серебряные уборы, как звезды в небе, искрятся золотые украшения.

И никогда за этим славным столом не было такого богатого пира. Десятью своими легкими пальцами напекла добрая хозяйка Локка пирогов и хлебов, наварила пива, нажарила свинины, наготовила рыбы. Острые ножи иступились, столько лососей она разделала. Стальные лезвия погнулись, столько сигов она начистила.

А уж пиво и мед за столом без конца лились, чтобы могли гости смочить себе губы, чтобы весельем зашумел добрый пир!

Кто же споет на этом пиру песню?

Только кукушка умеет куковать, только певец может петь. А кому же начинать песню, как не старому, мудрому Вяйнемейнену?

Славит он и молодую жену, и старую мать, и гостей славит, и сватов славит, а прежде всего — доброго хозяина, вековечного кузнеца Илмаринена:

— Все того сначала славят, Кто построил дом в болоте, Кто принес стволы еловых, Кто принес высоких сосен, Мох набрал в болотных топях И с березы снял бересту — Чтобы встал здесь дом просторный, Превосходное строенье. В бурю, в шуме непогоды Оставлял хозяин часто На утесе рукавицы, На ветвях деревьев шапку И терял чулки в болоте. Часто добрый наш хозяин Поднимался

ранним утром, Промывал глаза росой И причесывался веткой — Чтобы встал здесь дом просторный, Превосходное строенье. Славься дом и с ним хозяин, Славьтесь горница и сени, Славься двор со всем народом, С долгожданными гостями. Славься солнце! Славься месяц! Славьтесь свадебные гости, Золотые други-братья, Старики, мужи и дети!

Разгневанный Лемминкайнен отправляется в Похьелу, чтобы отомстить старухе Лоухи

А веселый Лемминкайнен живет себе и ничего не знает о свадьбе в Похьёле.

Вышел он как-то поутру пахать поле и видит — заволокло дымом край неба.

«Уж не огонь ли это войны, уж не дым ли это сражения?» — думает Лемминкайнен.

Посмотрел он одним глазом, взглянул другим и говорит сам себе:

«Нет, если бы война разгорелась, побольше был бы дым. Если бы пастухи жгли костры, поменьше был бы огонь. Знаю я, что это такое, — это варят в Похьёле пиво».

Прошел Лемминкайнен одну борозду и вдруг слышит стучат по берегу быстрые копыта.

Понял тут Лемминкайнен: это празднуют в Похьёле веселую свадьбу.

Опустил он голову. Упали на его лоб черные кудри. От гнева побелели его щеки.

Бросил Лемминкайнен недопаханное поле и пошел домой.

— Милая моя старушка, — говорит он матери, — готовь мне скорее еду, топи мне скорее баню.

Поел он, попил, смыл грязь со своего тела и говорит матери:

— Милая моя старушка, дорогая матушка, достань мне самую красивую рубашку, дай мне самый лучший кафтан.

Спрашивает его старая мать:

— Куда собрался ты, сынок? На охоту за рысью снаряжаешься, или лося идешь выслеживать, или хочешь настрелять белок?

— Родная моя матушка, — отвечает ей веселый Лемминкайнен, — не пойду я за рысью, не буду я охотиться на лося, не хочу бить пушистых белок. Я иду в Похъёлу, на веселую свадьбу, на шумный пир. Дай мне скорее рубашку получше, дай кафтан покрасивее, чтобы мог я погулять на той свадьбе, чтобы не последним из героев был я на том пиру.

Уговаривает старая мать сына:

— Не ходи, милый сыночек, в страну мрака и холода, не ходи на тот великий пир. Ведь тебя туда и не звали.

Но не слушает ее веселый Лемминкайнен:

— Только глупый ждет, пока его позовут. Смелый сам идет куда вздумает.

— Не ходи, мой сыночек, в Похъёлу, — снова просит его мать. — Там и солнце не светит и луна не сияет. Там на всех дорогах ждет тебя гибель, за каждым углом притаилась там смерть.

— Только слабый боится смерти, — отвечает ей Лемминкайнен, — только робкому повсюду мерещится гибель. Лучше скажи мне, матушка, что ждет меня в пути, какая беда грозит мне в дороге?

Говорит сыну старая мать:

— Три смерти ждут тебя в пути. В первый день увидишь ты огненную реку. Посреди горячей пучины пылает там жарким пламенем гора, на горе сверкает огненный утес, на утесе сидит огненный орел. По ночам точит он свой клюв, ясным днем точит свои когти, чтобы схватить того, кто близко пройдет, кто мимо проедет. И тебе, безрассудному, не миновать этой участи.

— Нет, не умирают так герои, — отвечает ей Лемминкайнен. — Только для глупой бабы такая смерть. Ты скажи мне, матушка, какая еще гибель ждет меня?

Говорит ему старая мать:

— На второй день пути увидишь ты огненный ров. Доверху завален он раскаленными камнями. Сотни смелых юношей с мечами, тысячи храбрых мужей с копьями полегли там мертвыми, а через ров никто не перешел. И тебе не пройти.

— Нет, не умирает так смелый, не кончает так свои дни храбрый, — отвечает Лемминкайнен. — Скажи мне, матушка, какая еще смерть мне грозит?

— Стережет тебя третья смерть у самых ворот Похъёлы, у входа в сумрачную Сариолу. Ходит там во мраке медведь, бродит в темноте волк. Уже сожрали они тысячу героев с мечами, разорвали на части сто богатырей с луками. Растерзают они и тебя, беззащитного!

Смеется над ее словами удалой Лемминкайнен:

— Не умирает так даже самый робкий из мужей, даже самый последний из героев. Мне ли, укротившему коня на полянах Хийси, бояться медвежьей пасти! Мне ли погибнуть от волчьих зубов!

— Да ты послушай меня! Ведь это еще не все, что грозит тебе, сыночек, — говорит Лемминкайнену старая мать. — Три смерти стерегут тебя в дороге, а четвертая поджидает в самой Похъёле. Увидишь ты двор, огороженный высоким частоколом. Вместо кольев понатыканы там острые копья, и на каждое копьё насажен человеческий череп. Только один кол стоит пустой — твоей головы дожидается. И не прутьями заплетен тот частокол, а ядовитыми змеями. И связаны жерди не ветками, а гадюками. У самых ворот лежит там змея, всех змей страшнее. У нее сто глаз, тысяча языков. Уже открыла она свою страшную пасть, чтобы проглотить тебя, несчастного.

— Нет, не для героя эта смерть, — говорит Лемминкайнен. — Голыми руками разбросаю я змей, босыми ногами растопчу гадюк.

— Бедный мой сыночек! — говорит ему мать. — Видно, уже позабыл ты, как лежал в глубине темных вод Маналы, как шумели над тобой черные потоки Туонелы. И лежать бы тебе на дне бурной пучины до нынешнего дня, если бы не твоя бедная мать! Хоть теперь послушайся моих слов, не ходи к темным избам Похъёлы.

— Только глупцы знают страх, — отвечает ей Лемминкайнен. — Герои страха не ведают. Всех злых мужей Похъёлы вызову я на открытый бой, с каждым померюсь острым мечом! Дай же мне, любимая матушка, стальной пояс, принеси мне, милая старушка, острый отцовский меч. Долго лежал он в темноте, давно стосковался без дела.

Надел веселый Лемминкайнен стальной пояс, к поясу повесил отцовский меч, взял в руку отцовское копьё, за спину вскинул отцовский лук.

Уже и сани стоят у ворот, пора Лемминкайнену в путь. Да вот беда — одна нога

идет через порог, другая не идет, одна рука хочет за вожжи взяться, другая не хочет.

Но не дрогнуло сердце Лемминкайнена.

Уселся он в сани, а старая мать на прощанье говорит ему:

— Сыночек мой единственный, ты, моей старости опора! Пусть будет что будет! Ступай куда хочешь, пируй с кем знаешь, только запомни мои слова: поднесут тебе чашу с пивом, а ты не спеши его пить, сначала попробуй.

Выехал сын за околицу, а старая мать догнала его опять и наставляет:

— Сыночек мой единственный, ты, моей старости утеха! Как приедешь на пирушку, вспомни мои слова: садись на полсиденья, становись на полполовицы — тогда никто тебя не одолеет ни обманом, ни хитростью.

Снова взмахнул Лемминкайнен жемчужным кнутом, и рванулся вперед его резвый конь.

В далекую Похъёлу, в сумрачную Сариолу едет веселый Лемминкайнен.

И вот, когда день уже клонился к вечеру, вдруг заржал, зафыркал краснобокий конь и стал — всеми четырьмя копытами уперся в землю.

Смотрит Лемминкайнен — сбываются слова старой матери. Преградила ему путь огненная река. Посреди реки гора пылает, на горе ярким пламенем горит утес, а на вершине утеса сидит огненный орел. Из клюва у него вырывается огонь, перья жаром пышут.

Увидел орел Лемминкайнена и говорит:

— Ты куда едешь, герой, куда путь держишь?

Отвечает ему веселый Лемминкайнен:

— Еду я в Похъёлу, на веселую свадьбу. Отойди-ка, орел, в сторону, дай путнику проехать, уступи отважному Лемминкайнену дорогу.

Отвечает ему огненный орел:

— Как же не уступить путнику дорогу! А уж смелому Лемминкайнену и подавно! Пусть пройдет он через мой клюв, проедет через мою глотку — прямо ко мне в утробу. Веселый будет там пир званому гостю, долгий отдых будет усталому путнику.

Не знает Лемминкайнен, что делать, как от беды избавиться.

Посмотрел Лемминкайнен направо, поглядел налево, взглянул вперед, повернулся назад и видит — лежат на снегу черные перышки. Подобрал их веселый Лемминкайнен, сбил в комочек, потер между ладонями — и мигом вылетела у него из-под рук стая черных глухарей. Швырнул их Лемминкайнен орлу прямо в разинутый клюв, кинул в его огненное горло, бросил на его раскаленный язык, а сам дальше поехал.

Ночь ехал, день ехал — и вдруг опять заржал испуганный конь, снова стал среди дороги.

Приподнялся Лемминкайнен в санях и видит — правду сказала ему старая мать: перед ним в обе стороны тянется широкий ров. Доверху завален он раскаленными камнями, до краев засыпан горящими каменными глыбами. И нигде ни прохода, ни проезда.

Как тут быть удалому Лемминкайнену?

Набрал он полную пригоршню снега и бросил в огненный ров.

Даже зашипеть не успел снег, а огонь еще выше поднялся.

Бросает Лемминкайнен комья снега на раскаленные камни и говорит такие слова:

— Защити, могучий Укко, Помоги, властитель неба! Ты пошли с востока тучи, Пригони ты их с заката. Пусть ударятся краями, Пусть рассыплют снег пушистый, Пусть ковер постелют снежный — Толщиною в три сажени, Вышиной с копье героя — На горящие каменья, На пылающие глыбы.

Услыхал его могучий Укко и послал ему на помощь снежные тучи. Тяжелыми хлопьями повалил снег на горящие камни, на раскаленные глыбы.

Немного времени прошло, и на том месте, где был огненный ров, растеклось широкое озеро, забушевали пенистые волны.

А Лемминкайнен вылепил из снега крепкий мост и переехал на другой берег.

Так на второй день пути спасся веселый Лемминкайнен от второй смерти.

И опять мчится по дороге его конь, хлопает в воздухе жемчужный кнут, скрипят по снегу быстрые полозья.

Уже к самым воротам Похьёлы подкатили сани, и вдруг опять остановился конь.

Видит Лемминкайнен — вышла к нему навстречу третья смерть: ждет его на дороге волк, подстерегает у входа в Похьёлу медведь.

Огляделся веселый Лемминкайнен по сторонам — нигде ни камня, ни дубинки. Только лежит на снегу клочок овечьей шерсти — верно, остался он от волчьего обеда или от медвежьего ужина.

Поднял Лемминкайнен эту шерсть, потер в ладонях — и разбежалось у него из-под рук целое стадо ягнят.

Бросился волк за лакомой добычей. И медведь от него не отстает.

А веселый Лемминкайнен стегнул своего коня и без помехи миновал ворота Похьёлы.

А впереди новая беда сторожит его: стоит посреди дороги двор, обнесенный железным частоколом. Высоко летают птицы, да не перелететь птицам через этот частокол. И не ветками переплетены колья, а змеями. Извивается, шипит изгородь. На всех кольях черепа качаются — только один кол стоит свободный, ждет головы веселого Лемминкайнена.

Но не испугался герой. Выхватил он меч из ножен, рубит железо острым железом.

Пять жердей выломал, семь столбов повалил, всю изгородь разнес, всех змей перебил. Осталась у него на пути одна змея — глядит она сотней глаз, жалит тысячью жал.

Зубы у нее как грабли, глаза что решето, а поднимется она на хвост — головой до вершины самой высокой сосны дотянется. Зашипит змея — горы задрожат, свистнет — земля заколеблется.

Легла змея поперек дороги и раскрыла свою страшную пасть.

Но не дрогнуло сердце удалого Лемминкайнена. Подошел он к змее и говорит такие слова, молвит такие речи:

— Ты, змея, червяк подземный, Ты, что ползаешь в колосьях, Извиваешься по дерну! Как ты здесь посмела ползать, По дороге извиваться, Разевать свой зев поганый? Зев закрой, главой поникни, Спрячь губительное жало И в клубок свернись, гадюка, Точно стружка от осины! Уползай, змея, в кустарник, Уходи,

гадюка, в вереск, Дай мне, путнику, дорогу, Пропусти скитальца дальше! Если ж ты не покоришься, Если не уйдешь отсюда, Ты распухнешь от болезни, Ты раздуешься от боли, На три части разорвешься! Как досталась жизнь гадюке? Из слюны ты появилась. Из слюны что может выйти? Только дрянь из дряни выйдет, Только скверное — из скверны. Ты, подземная ползунья, Уходи скорей с дороги, Отступи перед героем, Дай мне, путнику, проехать! Мчусь я в Похъёлу на свадьбу, Еду я на пир великий!

Сильнее разящего меча ранили змею гневные слова героя. Закрыла она свою тысячеязыкую пасть, опустила к земле голову и поползла прочь с дороги.

Лемминкайнен вызывает на состязание хозяина Похъёлы

Все смерти миновал веселый Лемминкайнен и наконец целый и невредимый въехал во двор хозяйки Похъёлы. Незванный, непрошенный вошел он в горницу. Ступил шаг — под его ногами сосновый пол покачнулся. Раскрыл рот — и задрожали от его голоса сосновые стены.

— Вот и я! — говорит веселый Лемминкайнен. — Встречайте, хозяева, нового гостя! Пусть здравствует тот, кто и мне скажет: «Здравствуй!»

Но никто не говорит ему: «Здравствуй!» Никто не рад веселому Лемминкайнену.

— Может, некстати я пришел? — спрашивает Лемминкайнен. — Что же не подносят мне хозяева пива, не потчуют гостя золотым медом?

Отвечает ему из угла хозяин Похъёлы:

— Какой ты гость! Гость разве так приходит? У порога он сначала остановится и поклон отвесит. А потом ждет, пока его в дом позвуют.

Тряхнул Лемминкайнен черными кудрями и говорит:

— Что-то не помню я, чтобы кланялся у этого порога мой отец. Всегда было для него место за столом, и для коня его было стойло, и для рукавиц находился гвоздь. Чем же я хуже своего отца?

Сказал так и сел в конце стола, на краю сосновой скамейки.

Затрещала скамейка, зашатался дубовый стол.

Тут говорит ему хозяйка Похъёлы:

— Чтобы тебе вчера приехать — рекой лилась тут брага! Или уж завтра бы приехал — наварила бы я свежего пива. А сегодня оно еще в ячмене. И хлеб еще не выпечен, и мясо еще не зажарено.

От гнева перекоилось лицо Лемминкайнена.

— Вот оно как! Другие слова были у тебя на устах, когда посылала ты меня в темную пучину Маналы. Ну так слушай, злая старуха! Не буду я Лемминкайненом, если не подадут мне в кружке пива, если не поставят передо мной целый котел жареной свинины.

— Хорошо, — говорит хозяйка Похъёлы, — будет по-твоему.

Позвала она свою работницу — ту, что скребет котлы да чистит грязную посуду, — и приказала ей подать гостю еды-питья.

Принесла работница котел с обглоданными костями и кружку с болотной водой. Поставила перед Лемминкайненом и говорит:

— Если ты настоящий герой — одним духом выпьешь пиво, до самого дна осушишь всю кружку.

Но не спешит Лемминкайнен пить веселый напиток. Заглянул он на дно кружки, а там полно всякой нечисти: и змеи, и лягушки, и ящерицы, и черви. Видно, на болоте это пиво варили, из самой трясины зачерпнули кружкой.

Усмехнулся веселый Лемминкайнен.

— Ладно, — говорит, — выпью я это пиво, раз не дают другого.

А сам достал из кармана удильный крючок и забросил его в кружку. Выудил всех ящериц и гадюк, всех лягушек и червей, побросал их на пол, а потом одним духом выпил темный напиток.

Поставил кружку на стол и говорит такие слова:

— Раньше чем скроется солнце, прежде чем взойдет месяц, сброшу я в Туонелу того, кто варил это пиво, в жилище Маналы отправлю того, кто угощал гостя таким питьем.

Рассердился хозяин Похъёлы.

— Да кто ты такой? — говорит. — Откуда ты взялся? Зачем пришел сюда

незванный, непрошенный?

Отвечает ему веселый Лемминкайнен:

— Званный гость хорош, а незванный лучше. Не найдется ли у тебя, хозяин, для незваного гостя еще пива, чтобы утолить жажду героя?

Говорит ему хозяин Похъёлы:

— А вон во дворе лужа — пей из нее сколько хочешь да убирайся отсюда! Исчезни, негодный! Скройся с глаз, жалкая тварь!

Не сдвинулся с места Лемминкайнен.

— Ни один из героев, — говорит, — даже тот, что похуже меня, не потерпит, чтобы его поносили такими словами.

Тогда выхватил хозяин Похъёлы огненный меч и говорит Лемминкайнену:

— Не хочешь терпеть, так давай клинками мериться!

— Хорошо же ты принимаешь гостя! — отвечает веселый Лемминкайнен. — Ну что ж, пусть будет по-твоему. Мой отец никогда не отказывался мериться мечами с обидчиком, а сын не хуже отца.

Выхватил он свой меч и положил рядом с мечом хозяина Похъёлы. На кончик пальца, на полногтя был короче клинок Лемминкайнена.

— Твой меч длиннее, значит, твой удар первый, — говорит веселый Лемминкайнен.

И вот взмахнул мечом хозяин Похъёлы.

В самое сердце дерзкому хочет он вонзить свой клинок, а воткнул в балку. Метит голову гостю рассечь, а разрубил стропила.

Смеется веселый Лемминкайнен.

— Чем же изба перед тобой провинилась, что ты рубишь ее в щепки? Давай-ка выйдем с тобой в поле. На открытом месте, на ровном снегу биться лучше, чем в тесной горнице.

Вышли они на широкий двор, растянули на земле коровью шкуру и стали друг против друга.

— Ну, хозяин, — говорит веселый Лемминкайнен, — взмахни последний разок своим мечом, прежде чем простишься с жизнью, раньше чем снесу я тебе голову.

Еще яростнее напал на него хозяин Похъёлы. Но ловко увертывается веселый Лемминкайнен, ни одной царапины нет на его теле.

— Здорово ты орудуешь мечом, — говорит веселый Лемминкайнен. — А теперь мой черед уменье свое показать. Принимай мой удар, похъёланец!

Один только раз взмахнул мечом Лемминкайнен, и будто колос, снятый серпом, точно тетерка, сраженная стрелой, упала на землю голова хозяина Похъёлы.

Поднял ее Лемминкайнен, насадил на свободный кол в изгороди и говорит:

— Для меня ты этот колышек берег, а вот довелось твоей голове на нем красоваться!

И пошел в избу, чтобы смыть кровь со своих рук.

Разок только зачерпнул воду из кадки, и слышит: со всех концов селения доносится грозный шум — это вышли сильные мужи, храбрые воины, чтобы рассчитаться с веселым Лемминкайненом за кровь хозяина Похъёлы.

Как дым вырывается на улицу, так и Лемминкайнен выбежал из дверей злого дома.

Ищет он своего коня, а коня словно и не бывало — только камень лежит среди поля да ива растет на лужайке.

Куда ни взглянет Лемминкайнен — за каждым углом сторожат его гневные глаза, повсюду преграждает ему дорогу блеск стальных мечей.

Что тут делать удальцу? Как от беды спастись?

Обернулся он быстрым орлом и улетел за облака.

Немного времени прошло, и опустился Лемминкайнен на родную землю.

Подошел он к порогу родного дома. На лицо темной тучей набежала забота, на сердце тяжелым камнем легла печаль.

Только разок взглянула на него мать и спрашивает:

— Ты, самый младший из моих детей, самый сильный из всех моих сыновей, что вернулся ты невеселый? Может, обнесли тебя пивом на свадебном пиру в Похъёле? Так возьми кружку, из которой пил твой отец, наполни ее пивом и

выпей на здоровье.

Отвечает ей Лемминкайнен:

— Если бы обнесли меня пивом, проучил бы я хозяина, чтобы знал он, как встречать гостя.

— Что же ты такой печальный? — снова спрашивает его мать. — Может быть, конь тебя опозорил? Так скорее купи себе другого коня и забудь про свою невзгоду.

— Матушка моя родная! — отвечает ей Лемминкайнен. — Если бы опозорил меня конь, если бы осрамил меня быстроногий скакун, перепортил бы я коней всех наездников, чтобы нечем им было похваляться.

— Так почему ж вернулся ты с таким печальным сердцем? — снова спрашивает его мать. — Может, в дороге какая-нибудь беда с тобой случилась? Может, много ты поел на свадебном пиру? Или выпил лишнее? Или видел ночью дурные сны?

Отвечает ей веселый Лемминкайнен:

— Пусть глупые бабы боятся снов, что снятся им темной ночью! А у меня другие заботы. Положи-ка мне, матушка, в мешок немного муки да щепотку соли и простись с милым своим сыном. Должен он покинуть родную страну, бросить родное свое жилище. В честном бою, в открытом поединке убил я хозяина Похъёлы. И теперь весь народ этой сумрачной страны идет против меня войной. Сотни мужей с мечами, тысячи героев с копьями гонятся за мной по пятам.

Тяжело вздохнула старая мать:

— Разве не говорила я, чтобы не ходил ты в эту сумрачную страну? Жил бы ты в родном доме, под защитой матери, и не знал бы горя, не ведал беды. А теперь куда ты пойдешь, мой сыночек? Где спрячешься от злодеев?

Отвечает ей Лемминкайнен:

— Я и сам не знаю, где мне от них спрятаться. Может, ты научишь меня, как спасти голову?

Говорит ему старая мать:

— Как же мне убережь тебя от беды? Станешь ты березкой в лесу, а дровосек срубит березку и расколется на дрова. Спрячешься ольхой в роще, а люди придут и сожгут эту рощу, чтобы распахать землю. Ягодкой лесной укроешься в

траве — и там настигнет беда: найдут тебя малые ребята и съедят. Поплывешь щукой в синем море — и там догонит несчастье: поймают тебя в сети рыбаки. Серым волком побежишь по лесу — так все равно не спасешься: убьет тебя охотник, подстрелит острыми стрелами.

— Матушка моя родная! — говорит ей Лемминкайнен. — Где меня смерть настигнет, я и сам знаю. Уже у самых глаз стоит беда, к самой бороде подошло несчастье. Ты меня на свет родила, ты от смерти меня избавила, научи теперь, где мне укрыться от стальных мечей!

Говорит ему старая мать:

— Знаю я такую землю. Нет у нее названья, и никогда не шумела там битва, никто не слышал там звона мечей. Там спасешь ты свою бедную голову. Но поклянись мне сейчас страшной клятвой, что никогда больше — ни через шесть лет, ни через десять — не поднимешь ты острого клинка.

— Клянусь тебе страшной клятвой, — говорит ей Лемминкайнен, — что никогда — нив первое лето, ни в шестое, ни в десятое — не возьмусь я без нужды за меч, не затею своей волей войны.

— Ну так слушай меня, сыночек, — говорит Лемминкайнenu мать. — Спусти скорее на воду отцовский челн и плыви в открытое море. Девять морей ты проплывешь и посреди десятого моря увидишь зеленый остров. Живи там один год и другой, а когда кончится третий год, возвращайся снова в родные края, в отцовский дом, к твоей старой матери.

Лемминкайнен спасается на зеленом острове от злых людей Похьелы

И вот собрался веселый Лемминкайнен в далекий путь.

Простился он со своей любимой матушкой. Положил в мешок кадушку с маслом — чтобы на год хватило, припас свинины на два года и покинул родной дом. С катков, обитых медью, спустил он свой челн, натянул парус, взял в руки весло.

Быстро мчится лодка по открытому течению вод, а Лемминкайнен еще подгоняет ее, чтобы быстрее она плыла, чтобы легче скользила:

— Ты плыви, челнок дощатый, Как цветочек, по теченью! Ветер, ты надуй мой парус И гони ладью быстрее! Пусть летит, как птица, лодка, Пусть летит челнок еловый Вдаль, на остров неизвестный, На мысочек без названья.

Раскачали ветры легкую лодку и понесли по синему хребту моря.

Плывет Лемминкайнен день и другой, качается по волнам месяц и два месяца. Девять морей уже переплыл. И вдруг потемнел воздух, зашумела буря. Опрокинули ветры дощатую лодку, и веселый Лемминкайнен упал в морскую пучину. Сильно гребет он руками, ловко правит ногой, дни и ночи плывет по бурным волнам.

Немало времени прошло, и вдруг показалось на краю неба светлое облачко.

Подплыл к нему Лемминкайнен поближе и видит — не облачко это, а песчаный мыс, зеленый остров.

Еще немного проплыл Лемминкайнен и ступил наконец на твердую землю.

Видит — стоит на острове дом, дверь открыта, хозяйка хлеб из печи вынимает, а дочки тесто месят.

Говорит веселый Лемминкайнен:

— Не покормишь ли меня, добрая хозяйка, не поднесешь ли герою кружку пива? Много дней и ночей носили меня по морю волны, голод мучит меня, совсем иссякли мои силы.

Пожалела его добрая хозяйка. Зажарила она свинины, принесла кружку с пивом и подала Лемминкайнену, чтобы насытился голодный, чтобы вернулись силы к усталому.

Поел он, попил, а потом спрашивает:

— Скажи мне, добрая хозяйка, есть ли на этом острове местечко, где бы мог приютиться удалой охотник, веселый Лемминкайнен?

Отвечает ему добрая хозяйка:

— Пусть хоть сто мужей явятся, хоть тысяча — для всех, кто пришел с миром, найдется место на этом острове.

— А найдется ли здесь крыша, под которой мог бы я спать, и стол, за которым мог бы сидеть? — снова спрашивает Лемминкайнен.

— Найдется здесь для тебя жилье, — отвечает ему добрая хозяйка. — Будет у тебя и дом с крышей, и двор со всем хозяйством.

— А скажи мне, добрая хозяйка, — опять спрашивает Лемминкайнен, — есть ли на этом острове место, где мог бы я петь песни моего отца, повторять напевы моих дедов?

— Пой, где хочешь, — отвечает ему хозяйка. — Хорошей песне повсюду место.

Так и остался веселый Лемминкайнен на зеленом острове.

Один год прошел, и другой кончился, а веселый Лемминкайнен живет, не зная ни забот, ни печали.

Запоет он — и мед для него прямо по веткам сосен стекает, пиво из плетня ключом бьет, масло по сухим жердям сочится.

Весь остров ему как родной дом. В каждой деревне ему рады. Куда ни придет Лемминкайнен, там веселье и песни, там смех и пляски.

На радость девушкам обратил он прибрежный песок в жемчуг. Хозяйкам в утеху раскидал на полянах пруды. А в прудах утки плавают — щеки у них золотые, головки серебряные, лапы из красной меди.

В какой дом ни войдет Лемминкайнен с веселой песней, там на столах уже дымятся миски, кружки пенятся пивом, пироги сами из печки выпрыгивают.

Вот и третье лето кончилось.

Стал Лемминкайнен готовиться в дорогу.

Опечалились девушки на острове и говорят ему:

— Оставайся у нас, веселый Лемминкайнен. Разве плохо тебе здесь жилось? Разве плохо петь с нами песни?

Отвечает им веселый Лемминкайнен:

— Есть у меня одно желанье: хочу я снова увидеть отцовский дом, хочу собирать землянику на родных полянах, на своей родной земле сеять хлеб.

Сколотил он себе новую лодку и отправился в путь.

Подгоняют лодку быстрые ветры, несут по морю проворные волны.

Немало времени прошло, и снова ступил Лемминкайнен на родную землю.

Все здесь как было — тот же берег, та же пристань. На пригорках знакомые ели, на холмах — всё те же сосны.

Только нет его избы, в которой жил он со своей любимой матерью.

А на том месте, где она стояла, шумит теперь ветвями белая черемуха.

Там, где был двор, поднялись молодые елочки. Где был колодец, вырос колючий можжевельник.

Заплакал Лемминкайнен.

Льёт горькие слезы и говорит:

— Я играл вот в этой роще, По камням я этим прыгал, По траве я здесь катался, Тут валялся на пригорке. Кто ж унес избу отсюда, Кто сломал родную кровлю? Сожжено мое жилище, Разметали пепел ветры...

Три дня и три ночи плачет веселый Лемминкайнен.

Жаль ему разоренного дома, но еще больше горюет он о милой своей матушке:

— Мать, не ты ль меня кормила И не ты ль растила сына? Умерла моя голубка, Нет родной моей на свете. Стало тело горстью праха, Вётлы выросли меж пальцев, В головах шумят березы, А в ногах терновник острый. Вот мне, глупому, награда, Вот, несчастному, возмездье — Всё за то, что меч я поднял, Что понес мое оружие За черту земли туманной, К избам Похъёлы суровой! Истреблен мой род за это, Мать любимая убита!

Бродит он по заросшему пустырю, где раньше был его дом, и вдруг видит — тянется по траве едва заметный след.

Пошел Лемминкайнен по этому следу.

Через поле вьется тропка, и Лемминкайнен идет через поле.

В лесную чащу ведет след, и Лемминкайнен идет в лес.

И привела его тропинка к маленькой избушке, что стояла у подножия высоких

скал, посреди темного леса.

Вошел Лемминкайнен в избушку, а там сидит его бедная мать.

Обнял ее Лемминкайнен и говорит:

— Матушка моя родная! А я уже думал, что нет больше тебя на свете. Все глаза я выплакал, пока тебя искал, все лицо слезами залил.

Говорит Лемминкайнenu мать:

— Совсем уже рядом была моя смерть. И не видеть бы мне белого света, если бы не укрылась я в этой чаще, не спряталась в этом глухом лесу. Пришли люди Похъёлы в наш край с мечами и копьями, дом обратили в пепел, двор опустошили — все искали тебя, злополучного.

— Не горюй, матушка, — говорит ей Лемминкайнен, — прогони свою печаль. Поставлю я новую избу получше прежней, а со злыми людьми Похъёлы — придет время — рассчитаюсь за твои слёзы.

Илмаринен берет себе в дом пастуха Куллерво

Были у матери два сына — Калерво и Унтамо. Росли они под одной крышей, как два птенца под крылом лебедя, как два цыпленка под крылом наседки.

А выросли — и развела их вражда.

Поставил Калерво в своем затоне сети. И Унтамо свои сети там же поставил. Вот пришло время вынимать улов. Не знал Калерво, что брат закинул сети в его затоне, и унес всю рыбу. Злостью закипело сердце Унтамо. Поднял он руку на брата, дал волю своим кулакам.

В другой раз посеял Калерво овес. А Унтамо взял да и пустил на его поле свою овечку. Поела его овечка овес Калерво, а собака Калерво бросилась на нее и загрызла насмерть.

Тогда поклялся Унтамо страшной клятвой истребить весь род ненавистного брата.

Не туча ли закрыла небо? Не дым ли клубится на дороге? Нет, это Унтамо идет войной на своего брата Калерво.

Самых сильных мужей созвал Унтамо. У кого в руках — топор, у кого — меч, у кого — копье.

Перебили воины Унтамо весь род Калерво от мала до велика, а двор его спалили и сровняли с землей.

Только одного младенца, что качался в колыбели, пощадил Унтамо и взял в свой дом.

Называла мать своего сына ласковым именем — Куллерво. Называл Унтамо своего племянника злым словом — раб.

Качается Куллерво в люльке день, качается другой, а на третий день сбросил он с себя свивальник, разорвал пеленки, сломал люльку.

«Видно, сильным мужем он вырастет, — думает Унтамо. — Сотню рабов мне заменит, один за тысячу поденщиков будет на меня работать».

Прошел месяц, и другой, и третий.

Однажды услышал Унтамо, как говорит Куллерво самому себе:

— Вот вырасту я побольше, наберусь силы и отомщу тогда за родного отца, рассчитаюсь за смерть любимой матери!

Испугался Унтамо.

«Надо скорее отделаться от него! — думает. — Второй Калерво растет в змееныше — как бы весь мой род не погубил!»

И велел он посадить Куллерво в бочку, а бочку бросить в море.

День проходит, другой проходит. На третий день пошел Унтамо на берег и видит — сидит маленький Куллерво на гребне синей волны и медной удочкой с шелковой леской удит рыбу.

Тогда велел Унтамо своим рабам сложить из березовых поленьев, из смолистых веток сосны большой костер и на том костре сжечь Куллерво.

Привезли рабы сто возов березы, сто возов сосны, тысячу саней бересты, свалили в одну кучу и подожгли с четырех сторон. А когда разгорелся костер, бросил Унтамо малого ребенка в самый огонь.

Два дня и две ночи горел костер.

На третий день пришел Унтамо и видит — сидит Куллерво на куче пепла живой и невредимый, пересыпает с руки на руку золу, железной кочергой разбивает угли. И хоть бы один волосок у него на голове сгорел!

«Вот беда! — думает Унтамо. — Никак мне не избавиться от чужого племени».

Велел он повесить Куллерво на ветке дуба.

День проходит, другой проходит. Посылает Унтамо раба посмотреть, не умер ли ненавистный Куллерво.

Вернулся раб и говорит:

— Ничего ему не делается! Сидит на дереве как ни в чем не бывало и железным гвоздем вырезает на коре мужей с мечами да богатырей с копьями.

Не знает Унтамо, что и придумать. Никакая смерть не берет Куллерво!

Тогда решил Унтамо оставить его у себя рабом.

Позвал он Куллерво и говорит ему:

— Если будешь исправным рабом, позволю тебе жить в своем доме. По работе и плату будешь получать — либо пояс узорчатый, либо оплеуху звонкую.

В первый день послал его Унтамо подсечь лес для пашни.

Наточил Куллерво топор и пошел в лес. Под самый корень рубит он старые деревья: покрепче ствол валит с одного удара, потоньше ствол — с пол-удара. А когда надоело ему махать топором, воткнул он топор в дерево и закричал громким голосом:

— Куда мой голос доходит, там пусть и валятся сосны и березы! И пусть никогда на том месте, где трудился сын Калерво, не взойдет ни один стебелек, не поднимется ни один колос!

Пришел Унтамо посмотреть, как работает его новый раб, и видит — перепортил Куллерво все деревья, загубил строевой лес.

«Нет, не будет от него проку, — думает Унтамо. — Надо его к другой работе приставить».

На другой день велел он Куллерво городить изгородь.

Взялся Куллерво за дело. Вместо кольев забивает в землю стволы могучих елей, по углам втыкает стосаженные сосны, вяжет изгородь ветвистой рябиной и

говорит такие слова:

— Кто не может летать птицей, кому не подняться на двух крыльях, тот никогда не проникнет за ограду, что построил Куллерво, сын Калерво.

Пришел Унтамо посмотреть на работу своего раба и видит — никуда не годится плетень. Высится он от земли до самых облаков, и нигде ни входа ни выхода, ни ворот ни калитки.

На третий день послал Унтамо непокорного раба молотить рожь.

Бьет Куллерво цепом и приговаривает:

— Пусть в пыль превратится зерно, что молотит сын Калерво! Пусть трухою станет солома под рукой Куллерво!

Пришел хозяин посмотреть, как молотит его раб, и видит — ничего не осталось от зерна, только пыль по ветру летит.

Совсем разгневался Унтамо:

— Не нужен мне такой работник! Продам я тебя кузнецу, будешь у него махать молотом.

И как сказал, так и сделал.

Хорошую плату взял он за негодного раба.

Два старых котла, три ржавых крюка, пять иступившихся кос, шесть поломанных мотыг дал за Куллерво кователь Илмаринен. И повел купленного раба к себе домой.

Идет Куллерво, и все деревья, все цветы любят, на него глядя. Да и как не любить: волосы у него золотые, чулки на ногах синие, башмаки узорчатые.

Привел его Илмаринен в свой дом и говорит молодой хозяйке:

— Какое дело ему дадим? К какой работе приставим?

Посмотрела на Куллерво красавица Похъёлы и говорит:

— Пошлю я его за моим стадом ходить, коровьи хвосты стеречь, хлев убирать. Как раз для него эта работа!

Так стал проданный раб Куллерво пастухом.

Злая жена Илмаринена запекает в хлеб Куллерво камень

Хорошо жилось красавице Похъёлы в доме ее мужа, кователя Илмаринена. Скамейки в избе мужа длинные, столы широкие, в избе у него просторно, в кладовой тесно.

Жерновов вертеть ей не нужно — вода сама мелет зерно. Посуду в лоханке мыть не велят — морские волны сами посуду чистят.

Выйдет она за ворота — пониже дома луга зеленеют, а на лугах стада пасутся. Повыше дома поля желтеют, и на полях стоят рядами хлебные скирды. А под горой плещутся в реке утки, ходят в глубине вод рыбы стаи.

Всем богат новый дом красавицы — молока пей сколько хочешь, масла ешь сколько нравится.

Свекор ей как родной отец, свекровь — что любящая мать, деверья — словно братья родные, золовка — будто заботливая сестра.

Вспомнит красавица, как брат ей птицу из лесу приносил, а Илмаринен уже на охоту идет.

Вспомнит, как отец лососей для нее ловил, а Илмаринен уже сети закидывает.

Не о чем ей печалиться, не о чем заботиться.

Но злым и жадным было сердце у красавицы Похъёлы. Чужая беда ей — радость, чужое горе — забава.

Хуже, чем бездомной собаке, жилось у нее купленному рабу.

Сама она мягкий пшеничный хлеб ест, пироги печет, маслом их мажет. А для пастуха у нее хлеб из мякины, пироги из соломы, начинка в пирогах из сосновой коры.

Для нее в печке каша румянится. А для него в сенях снятые щи стоят — собака и та не станет их есть.

Захочет хозяйка пить, она себе молока из кувшина нальет. А у пастуха горло пересохнет, так он кусочком бересты из болота воду подбирает.

Только легче голодному насытиться, чем злой хозяйке утолить свою злобу.

Задумала она однажды посмеяться над бедным пастухом. Испекла большой хлеб, сверху пшеничный, снизу овсяный, а в середку положила камень.

Дает хлеб пастуху и говорит:

— Смотри, негодный раб, прежде времени не ешь!

И стала выпускать скотину из загона.

Медленно идут мимо нее коровы, позвякивают медными колокольчиками.

Шерсть у них мягкая, как у овечек, гладкая, как у тюленей, блестящая, как рыба чешуя.

Провожает хозяйка Илмаринена свое стадо и приговаривает:

— В лес коров я выпускаю, Я гоню молочных в поле, Пряморогих, криворогих В лес березовый гоню я И в осиновые чащи,— Чтобы жиру набирались, Чтобы салом запасались На лесных полянах светлых, Посреди просторных рощиц, В золотых лесах сосновых И в дубравах серебристых. Укко, ты властитель неба, Ты укрась травой поляны, Оживи лесные чащи, Мед пошли во все болота! Ты насыть моих рогатых, Накорми медовой пищей, Золотого дай им сена, Трав с метелкой серебристой, Напои питьею медовым Из ключей лесных прозрачных, Из шумящих водопадов, Чтобы мед струился сладкий В пышном вымени коровьем, Чтобы звонкою рекою Молоко всегда бежало, Чтоб оно ручьями било, Чтобы пенилось потоком, Через край лилось кувшина, Никогда не иссякая!

Просит она хозяйку леса Миэликки белым своим передником прикрыть стадо, чтобы не тронул коров злой ветер, не побил небесный дождь и град.

И сына лесов Нюрикки просит, чтобы набросал он мостки через болото, чтобы вывел он ее стадо из топкой трясины.

И красу лесов Отсо, косолапого медведя, просит хозяйка, чтобы не пугал он ее коровок, не душил их медовой лапой, не рвал острыми зубами.

Вышли коровы на пастбище, а за ними с кнутом и котомкой плетется пастух Куллерво.

Идет он в синих чулочках, в узорчатых башмаках и горько жалуется на свою судьбу:

— Плохо бедняку на белом свете! Всё-то он по чужим людям живет, чужое

добро сторожит!

Привел Куллерво стадо в лес, сел на мягкую траву и просит ласковое солнце:

— Хоть ты пригрей меня, небесная печка! Пошли мне немного тепла, а злой кузнечихе не свети вовсе, ей и так хорошо живется!

В полдень, когда короткой стала тень от солнца, согнал Куллерво всё стадо на лужайку, пересчитал коровьи хвосты, а потом развязал свою котомку и вынул хлеб, выпеченный хозяйкой.

«Уж пора, — думает, — и бедняку пообедать, время и бездомному рабу поесть».

Достал он отцовский нож и воткнул в середину хлеба. Мягкая, румяная корка у хлеба, а внутри — твердый камень. Сломался о камень стальной клинок.

Заплакал Куллерво:

— Всего только и было у меня добра, что старый отцовский нож! А теперь и его нет! Это злая кузнечиха, жадная хозяйка, нарочно запекла камень в мой хлеб. Как теперь отомщу ей? Чем отплачу за насмешку?

Вдруг слышит — каркает с дерева старый ворон:

— Не горюй, Куллерво, сын Калерво! Не проливай понапрасну слез. Слушай, что скажу. Я научу тебя, как рассчитаться со злой хозяйкой. Возьми березовую ветку и загони коров в болото, заведи грязноногих в трясины. Пусть разорвут их там волки и медведи! А когда насытятся лесные звери, обернутся медведи коровами, а волки — телятами. Гони тогда свое стадо на хозяйский двор. Разом рассчитаешься со злой бабой! Посмотришь на ее слезы!

Так и сделал пастух Куллерво.

Загнал коров в болото и отдал на съедение лютым зверям.

А когда солнце спустилось на ветки сосен, повел Куллерво к дому стадо медведей, погнал на погибель хозяйке стадо волков.

По дороге учит Куллерво лесных зверей:

— Во двор входите, будто смирные коровы. В хлеву стойте, как ласковые телята. А чуть нагнется хозяйка, чтобы доить вас, — рвите ее острыми когтями, кусайте ее крепкими зубами.

Из коровьей кости, из бычьего рога сделал он пастуший рожок и трижды протрубил с пригорка, чтобы вышла хозяйка Илмаринена встречать стадо.

А кузнечиха ждет не дождется своих коров. Непокойно у нее на сердце — как бы не испортил негодный пастух ее милых коровок!

И вот заиграл наконец пастуший рог.

Выбежала хозяйка за ворота.

— Слава властителю неба! Целы мои коровы, всех привел дрянной пастух!

Сытые идут коровы, бока у них круглые, шерсть гладкая, вымя тугое. А позади стада плетется Куллерво с котомкой за плечами, с пастушьим рогом в руках.

Спрашивает его хозяйка:

— Где ты взял, бездельник, этот рог? Зачем трубил, негодный раб, так громко?

Отвечает ей Куллерво:

— В болоте нашел бездельник этот рог. А трубил негодный раб так громко, чтобы скорее ты вышла доить коров.

Неохота хозяйке утруждать себя работой.

Стала она звать свекровь:

— Мать, поди-ка подои коров! Не управиться мне со всем хозяйством, надо еще тесто замесить.

Не знает Куллерво, что делать, как быть, — ведь ни за что загрызет зверье старуху.

Вот и говорит он кузнечихе:

— Хорошая хозяйка всегда сама коров доит, сама за скотиной присматривает. Что же ты от доброго дела уходишь?

Стыдно стало ленивой кузнечихе. Взяла она подойник и пошла доить коров.

И только нагнулась — сверкнули около нее волчьи глаза, разинул над ней свою пасть страшный медведь.

Испугалась хозяйка, закричала:

— Что наделал ты, дрянной пастух? Как смел ты пригнать в хлев медведей,

впустить во двор волков?

Отвечает ей Куллерво:

— Если бы не запекла ты в мой хлеб камень, не привел бы я волков и медведей. А тебе захотелось над бедным рабом посмеяться! Так пропадай теперь! Не пожалеет тебя негодный раб!

Плачет злая кузнечиха горькими слезами, просит Куллерво:

— Пастух мой милый, спаси меня от волчьих зубов, защити от медвежьих лап! Буду я кормить тебя пшеничным хлебом, буду каждый день поить тебя свежим утренним молоком, подарю тебе рубашку, шитую золотом, дам тебе штаны из тонкого цветного сукна. Целый год будешь ты жить не работая и другой год будешь кормиться даром, — только избавь меня от беды, не дай погибнуть злой смертью!

Отвечает ей пастух Куллерво:

— Не надо мне твоего пшеничного хлеба, и дорогой рубашки от тебя не хочу. Всех на земле ты хуже — тебе место на полянах Маналы, в темных жилищах Туонелы.

Так и растерзали медведи и волки злую кузнечиху.

А бездомный раб, пастух Куллерво, убежал в лес.

Куллерво погибает в неравном бою

Долго скитался Куллерво по темному лесу.

Не разбирая дороги, брел он дремучей чащей, по крутым склонам холмов, через топкие болота.

Весь день он шел, а куда — и сам не знал. Ни дома у него, ни родни. Один он был на свете, — словно чайка среди морских волн, как орел на пустынном утесе.

Наконец упал Куллерво на землю и горько заплакал. Цветам и деревьям жалуется бездомный раб на свою несчастливую жизнь:

— Кто на родину стремится, Кто идет под кров родимый, Мне же темный лес — отчизна, Поле — вот мое жилище, Мой очаг — студеный ветер, Дождик баню заменяет. Что мне с жизнью подарили? Потерял отца я в детстве, Мать в младенчестве утратил, Весь погиб наш род великий. Что мне с жизнью

подарили? Лишь сапожки ледяные Да чулочки снеговые — И на голый лед пустили, По мосткам пустили шатким, По мосткам среди трясины, Чтоб свалился я в болото! Солнце ласточке сияет, Воробью блистает солнце, Всех ласкает золотое, Только мне оно не светит, Никогда меня не греет, Никогда мне нет веселья!

Плачет Куллерво, и с ним вместе плачет вся зеленая лужайка. Склонились к земле молодые травы, поникли ветвями старые деревья.

В ту пору шла лесной чащей старушка.

Видит она — сидит на зеленой кочке юноша, красивый, золотоволосый, в синих чулочках, в красных башмаках. Узнала она в нем сына Калерво, подошла поближе и говорит:

— Не плачь, Куллерво, не горюй, сын Калерво! Может, не пропал ваш славный род и живы еще твои отец с матерью.

От радости громко забилося сердце Куллерво.

— Скажи мне, милая старушка, где искать их, куда идти?

Отвечает ему старая:

— Не ближний это свет! Сначала лесом иди — все прямо и прямо, один день, и другой, и третий. А когда выйдешь из лесу, увидишь ты высокую гору. Обойдешь гору — и речку увидишь. Там за тремя порогами, на краю песчаной косы стоит рыбачья избушка. Слышала я от людей, что укрылись в ней твой отец с матушкой, твои братья с сестрами.

И вот отправился Куллерво в путь. Идет он лесом день, и другой, а когда кончился третий день — тогда и лес кончился. Обошел Куллерво гору, миновал три порога и увидел на песчаном мысу рыбачью хижину.

Постучал Куллерво в окно — никто на его стук не откликнулся.

Позвал он отца с матерью — не вышли они на порог, чтобы обнять сына.

Открыл он дверь, вошел — пусто в избушке, мертво.

Протянул руку к очагу — черные в очаге угли. Нет в доме хозяйки. Умерла его бедная матушка.

Притронулся к печке — холод идет от каменных плит. Нет в доме хозяина. Умер его бедный отец.

Оглядел Куллерво горницу — давно уже не метен пол. Нет в живых его милых сестер.

На пристань пошел — и там пусто. Не стоят у деревянных катков лодки, и сети не сушатся на берегу. Видно, некому больше рыбачить, нет на свете его дорогих братьев.

Посмотрел Куллерво на свой разоренный дом, и чернее угля стали его мысли.

«Нет, не хочу я, как опавший лист, тонуть в болоте, — думает Куллерво. — Не буду я, как гнилые мостки, вязнуть в трясине. Еще не наказан злой Унтамо. Еще не расплатился я с ним за смерть отца, за страдания матери, за гибель своего рода».

Идет Куллерво по лугам и рощам, по лесам и холмам и громко трубит в свой рог:
— Выходи мериться мечами, Унтамо!

Вышел Унтамо на его зов. А с ним вместе сто воинов с мечами, тысяча мужей с копьями.

Один с целым войском сразился Куллерво.

Никто не ушел от его меча. И сам Куллерво упал на землю, пораженный вражьими копьями.

Тогда в последний раз вынул Куллерво свой меч и говорит ему:

— Хорошо ты послужил мне, добрый клинок! Сослужишь ли мне еще одну, последнюю службу? Тысячу ран нанесли мне враги, но не хочу я умирать от злых вражьих рук.

Понял верный клинок, о чем просит его Куллерво, и отвечает:

— Никогда я тебе, хозяин, не изменял. Сослужу тебе и эту последнюю службу.

И вот поставил Куллерво свой стальной меч рукояткой на землю и упал грудью на острый клинок, смело бросился навстречу смерти.

Так кончил свою жизнь бедный раб, так погиб бесстрашный герой Куллерво.

Илмаринен делает себе новую жену из серебра и золота

День и ночь горюет кузнец Илмаринен о своей жене. От горя и тоски весь почернел.

Не горит больше огонь в его кузнице, не стучит молот по наковальне.

Утро занимается — он вздыхает, день приходит — он плачет, ночь спускается — он стонет.

— Горе горькое настигло! Как теперь мне быть, не знаю. Сплю — и горький сон мне снится, А проснусь — не станет легче. Вечерами мне так скучно, Так мне грустно ранним утром! Не приносит ночь покоя, День отрады не приносит. Все равно мне, день ли, ночь ли: Все печалюсь я по милой, Все тоскую по желанной, Все грущу по чернокудрой.

Не ест и не пьет кователь Илмаринен. Два месяца плачет, три месяца горюет.

А когда настал четвертый месяц, задумал Илмаринен сделать себе из золота и серебра новую жену.

Золото достал он со дна моря, серебро нашел в морской пучине, принес в кузницу и велел своим работникам разводиться огонь.

Тридцать возов дров пережгли на уголь работники. Из всех сил качают они мехи. И когда огонь разгорелся, бросил Илмаринен на дно горнила серебро и золото.

Но не плавится серебро, не размягчается золото.

Тогда стал к мехам сам Илмаринен.

Один раз качнул, другой, третий и видит — выходит из огня, бежит по горнице овечка. На одном боку шерсть у нее золотая, на другом серебряная.

Хвалят все овечку, любят серебрянобокой. Но не рад ей кователь Илмаринен.

— Это только волку утеха, — говорит он. — А я хочу, чтобы вышла ко мне из огня моя милая, чтобы из серебра и золота явилась на свет моя любимая жена.

Бросил он овцу в огонь и снова велел работникам качать мехи.

Но не могут они раздуть большой огонь.

Снова взялся за мехи сам кователь Илмаринен. Качнул раз, качнул другой, и сразу взметнулся огонь.

Посмотрел Илмаринен на дно горнила и видит — выбегает из огня жеребенок, машет он золотой гривой, бьет серебряными копытами.

Расхваливают все жеребенка, треплют его по золотой гриве, а Илмаринен опять говорит:

— Это одному только волку на радость. А я жду свою золотую подругу, встречаю серебряную свою жену.

Бросил он жеребенка в горнило, прибавил еще золота, подбросил еще серебра и опять поставил работников к мехам.

Из последних сил раздувают они огонь, а раздуть не могут.

Тогда в третий раз стал к мехам Илмаринен. Загудело жаркое пламя, горячие искры столбом поднялись в небо, черный дым смешался с облаками.

Снова взглянул Илмаринен на дно горнила и видит — выходит из огня, поднимается из пламени долгожданная красавица.

Волосы у нее золотые, лицо серебряное.

Испугались все, увидев такое чудо.

Один только Илмаринен радуется.

Выковал он своей золотой жене руки и ноги, глаза и губы. Как живая стоит она перед ним.

Стал звать ее Илмаринен в дом, но не может она шевельнуть ногой, не сойти златокудрой с места.

Называет он ее ласковыми именами, но не слышит она его слов, не шевелятся в ответ ее серебряные уста.

Заглядывает он ей в глаза, но неподвижным взглядом смотрит на него золотая красавица.

Взял он ее за руки — и ледяной холод пробрал его до самого сердца.

Опечалился Илмаринен:

— Как же буду я жить с женой, у которой нет души, нет голоса?

Тут увидел его старый, мудрый Вяйнемейнен и говорит ему такие слова:

— Послушай меня, друг! Не должен герой склоняться перед золотом, не должен льститься на серебро.

Брось в огонь ты эту куклу, Золотую эту деву,— Пусть ее богатый любит, Пусть к ней сватается знатный! Вы, растущие герои, Дети новых поколений, Будете ли вы с достатком Иль совсем без достоянья,— До тех пор, пока вам светит В небесах высоких солнце И пока сияет месяц, Пуще смерти берегитесь Сватать деву золотую, Брать серебряную в жены,— Блеск у золота холодный, Серебро морозом дышит.

Послушался Илмаринен вещего песнопевца, старого, мудрого Вяйнемейнена и бросил в огонь золотую куклу без сердца и души.

Вяйнемейнен и Илмаринен отправляются в Похьёлу за Сампо

В каменной пещере, в глубине медной горы — так, чтобы ничьи глаза не видели, — спрятала хозяйка Похьёлы чудесное Сампо.

Для нее одной крутится с рассвета до рассвета пестрая крышка.

В кладовых у жадной, злой Лоухи всего полно, а никому не дает она ни горсти муки, ни щепотки соли, ни самой мелкой денежки.

«Нет, не для того выковал Илмаринен чудесную мельницу, чтобы богатела жадная старуха, чтобы ломились ее кладовые», — думает старый, мудрый Вяйнемейнен.

Пошел он к кователю Илмаринену и говорит:

— Послушай, друг, давай-ка снарядим корабль и поедem в мрачную Похьёлу, в туманную Сариолу. Не место для Сампо темная пещера. Пусть всем добрым людям на земле, всем, кто любит солнце, приносит Сампо свои дары!

А кователь Илмаринен говорит ему в ответ:

— Как же отберем мы у злой старухи Сампо? Разве не знаешь ты, что крепкие корни держат его под землей, — один корень в глубь горы ушел, другой за морской берег зацепился, третий в каменную скалу врос.

— А мы разрубим эти корни острыми мечами, — говорит старый, мудрый Вяйнемейнен, — и унесем Сампо из каменной пещеры.

Отвечает ему Илмаринен:

— Твоя правда, старый, мудрый Вяйнемейнен. Только не лучше ли нам поехать берегом? В море может догнать нас ветер, опрокинет нас буря, и придется нам грести не веслами, а руками, править не рулем, а локтем. Нет, пусть смерть тащится по волнам, а мы с тобой поедем берегом!

— Может, и опаснее путь по морю, — говорит старый, мудрый Вяйнемейнен, — зато прямее. Несет лодочку течение, подгоняет ветер, торопят волны. Но не буду я с тобой спорить! Не хочешь ехать морем — поедем сушей. Только сперва выкуй мне, друг Илмаринен, огненный меч да покрепче закали стальной клинок, чтобы не был я беззащитным среди злых людей Похъёлы, чтобы мог я своим мечом отразить удары вражьих мечей.

Стал Илмаринен у горна, бросил в огонь железо, бросил в горящие угли сталь, прибавил горсть золота, подбросил пригоршню серебра и велел работникам качать мехи.

Точно тесто, размякла в огне сталь. Жидким маслом течет горячее железо. Со звоном струится серебряный ручеек. Как волна в море, колыхается золото.

А Илмаринен всё стучит и стучит своим молотом.

Хороший меч выковал он старому, мудрому Вяйнемейнену: на кончике лезвия сияет месяц, посредине светит солнце, а на рукоятке блещут яркие звезды.

Пришел старый, мудрый Вяйнемейнен за мечом, осмотрел его со всех сторон и говорит:

— Спасибо тебе, Илмаринен, вековечный кователь! Таким мечом я каменные горы и те разрежу, расколю на мелкие куски даже медные скалы. Ну, а теперь пора нам в путь собираться.

Привел Вяйнемейнен из лесу двух желтогривых коней, а Илмаринен говорит ему:

— Подожди, старый, мудрый Вяйнемейнен. Надо и мне приготовиться к битве с

врагом.

Снова стал вековечный кователь около горна. С утра до утра стучит молотом по наковальне — и выковал себе железную рубашку. Такая рубашка от всех бед спасет героя. Не пробьет ее ни стрела, ни копье, ни острый меч.

Надел Илмаринен железную рубашку, опоясался стальным поясом, и отправились герои в далекий путь, в страну мрака и холода, в сумрачную Похьёлу.

Едут они по дороге и вдруг слышат — плачет кто-то на берегу, тихо стонет кто-то на пристани.

— Только девушки так плачут, — говорит Вяйнемейнен. — Давай-ка спросим, что за беда там случилась?

Повернули они коней к самому берегу и видят — то не девушка льет слезы, а плачет у мостков лодка, жалобно стонет дощатый челнок.

— Что ты плачешь, дощатый? — спрашивает его Вяйнемейнен. — О чем горюешь? Может, плохо тебя сколотили? Или слишком тяжелы твои уключины?

Отвечает Вяйнемейнену дощатый челн:

— Потому я плачу, потому я горюю, что хочу я выйти на морской простор, хочу, чтобы столкнули меня с этих смолистых катков, чтобы пустили гулять по синим волнам. Чего только мне не пели, пока сколачивали мои бока! Что буду я и героям служить, и в славные походы буду ходить, и возить на своем дне сокровища... Но ни разу еще не качался я на морских волнах!.. Другие лодки хоть и похуже меня, а трижды за лето выходят в море. А я, построенный из сотни самых лучших досок, так и лежу без дела на этих дрянных катках. Не держит паруса моя мачта — на ней только птицы вьют себе гнезда. И не лежат у меня на дне сокровища, а скачут по нему одни скользкие лягушки. И руль мой не бороздит морского простора — всего только и видел он, что земляных червей! Уж лучше остался бы я горной елью, лучше бы рос на песке высокой сосною! Прыгала бы по моим веткам белка, а у моих корней лаял бы веселый пес!..

— Ты не плачь, дощатый! — говорит ему старый, мудрый Вяйнемейнен. — Не плачь, мой сосновый! Еще повезешь ты по морю славных героев! Но сначала скажи мне, челн с железными уключинами: искусный ли мастер тебя строил? Сможешь ли ты выйти в море, если никто не тронет тебя рукой, не коснется пальцем, не сдвинет плечом?

Отвечает ему дощатый:

— Какой же это челн выйдет в море, если не столкнут его в воду, если не сдвинут его с деревянных катков!

— А если столкну я тебя в воду, — спрашивает опять Вяйнемейнен, — побежишь ли ты без весел, найдешь ли без руля дорогу, не потеряешься ли среди волн без паруса?

Отвечает ему дощатый челн:

— Всем моим дорогим братьям всегда помогали весла, всегда служил им добрый руль, а ветер держал их паруса. Чем же я хуже своих братьев!

В третий раз спрашивает Вяйнемейнен:

— Скажи мне, челн с красиво изогнутыми боками, если столкну я тебя в воду, если посажу в тебя гребцов и сосновый руль направит твой бег, а ветер надует твои паруса, — будешь ли ты стоять на воде так же прямо, как на этих катках?

Отвечает ему дощатый челн, говорит ему ладья с медными уключинами:

— Посади хоть сто мужей с веслами, хоть тысячу, — и я буду стоять на пенистом хребте моря еще лучше, чем на этих жалких катках.

Тогда тихонько запел старый, мудрый Вяйнемейнен — и сам собой спустился на воду дощатый челн.

Поет Вяйнемейнен — и вот уже сидят по бортам лодки храбрые юноши, отважные мужи, прославленные старики.

Взялись гребцы за весла. Илмаринен сел на носу, Вяйнемейнен — на корме, и поплыл челнок по широким морским просторам. Ветер надувает его парус, сосновый руль показывает ему дорогу. А старый, мудрый Вяйнемейнен подгоняет его своей песней:

— Ты беги, челнок сосновый, По волнам скользи косматым, Ты плыви, как пузыречек, Как цветочек по теченью!

Прилежно гребут юноши, без отдыха машут веслами, но едва движется по морю дощатый челн.

Сели к веслам сильные мужи, но и тут не намного сдвинулась лодка, не далеко ушла вперед.

Тогда взялся за весла кователь Илмаринен, и сразу рванулся вперед дощатый челн.

Небывалый шум поднялся в море. Скрипят сосновые скамейки, стонет тяжелый руль, дикими гусями гогочут уключины, лебедем кричит сосновый нос.

Быстрее ветра, легче птицы бежит дощатый челн по синему хребту моря.

Вяйнемейнен делает из щучьих костей кантеле

Рано утром вышел из дому веселый Лемминкайнен. Посмотрел на север, посмотрел на запад, повернулся к солнцу и видит — плывет по морю дощатый челн.

Удивился молодой Лемминкайнен. Никогда он не видел такой прекрасной лодки.

Стал он у самой воды и закричал громким голосом: — Это чья лодка плывет, чей корабль качается на волнах?

Отвечают ему с лодки:

— Откуда взялся ты, герой? Верно, совсем ты ослеп, богатырь! Разве не видишь сам, кто сидит на веслах? Разве не знаешь, кто держит руль? Посмотрел Лемминкайнен одним глазом, взглянул другим и говорит:

— Вижу я теперь, кто у вас рулевой, знаю, кто сидит на веслах. Правит рулем старый, мудрый Вяйнемейнен, а гребет вековечный кователь Илмаринен. Но скажите мне, славные мужи, куда вы плывете по волнам, покрытым пеной? Ответьте мне, герои, куда держите путь?

— На север лежит наш путь, — отвечает ему старый, мудрый Вяйнемейнен. — Плывет наш челнок в суровую Похъёлу за чудесной мельницей Сампо. Хочу я, чтобы всем живущим на радость вертелась пестрая крышка, чтобы во все дома приносила она богатство и счастье.

Тут говорит веселый Лемминкайнен:

— О старый, мудрый Вяйнемейнен! Почему же не захотел ты, чтобы я был третьим в вашем трудном походе? Есть у меня две сильные руки, есть десять крепких пальцев, — если прикажу им, возьмутся они за меч, послужат доброму делу.

— Что ж, садись и ты в челнок! — говорит ему Вяйнемейнен.

Прыгнул веселый Лемминкайнен в лодку, и пошла она дальше своим путем, наперекор морскому течению.

К самому устью реки привел старый, мудрый Вяйнемейнен дощатую ладью.

Скользит крутобокая по тихой воде один день и другой, а на третий день подошла лодка к бурным порогам.

Но смело правит Вяйнемейнен между подводными скалами и говорит такие слова, молвит такие речи:

— Ты, порог, не пенься бурно, Не шумите грозно, воды! Встань из волн, речная дева, Поднимись на пенный гребень! Ты приляг на волны грудью, Обними прибой руками, Стереги получше волны, Чтобы в них не сгинуть храбрым! Вы, среди потоков бурных Опенённые утесы! Вы чело свое нагните, Головы склоните ниже На пути ладьи смоленной, На дороге лодки красной! Ты, шумящих вод хозяин! Обрати ты в мох утесы, Обрати ты в шуку лодку, Чтобы плыть ей через волны, Через горы водяные, Чтоб она между камнями Проскользнула невредимо! Ты, хозяйка водопада! Протяни покрепче нитку Через бурные потоки, Чтоб за ней мой челн стремился,— Всё за ней — челнок дощатый, Всё вперед — челнок сосновый!

Мудрым своим словом превратил Вяйнемейнен подводные камни в мягкий ковер, усмирил бурные воды, укротил кипящий поток.

Снова идет лодка по тихой воде.

И вдруг точно ко дну приросла: стала на месте — и ни взад, ни вперед. Будто держит ее кто-то в воде.

Изо всех сил работают веслами Илмаринен и Лемминкайнен, но даже на полпальца не могут они сдвинуть лодку.

Тогда сказал старый, мудрый песнопевец:

— Ты, веселый Лемминкайнен, наклонись, посмотри: почему это застряла наша

лодка? Почему остановился наш челнок? Может, он на камни наскочил или зацепился за подводный пень?

Наклонился веселый Лемминкайнен над прозрачной водой, заглянул под лодку и говорит:

— Нет, не зацепился наш челнок за камень и подводный пень не преграждает ему путь. Сидит он на плече у щуки, на спине у речной собаки.

— Так возьми же скорее меч, — говорит ему Вяйнемейнен, — и отруби этой собаке голову.

Выхватил веселый Лемминкайнен из-за пояса острый меч и ударил по воде — да так, что брызги столбом поднялись.

Но даже не поцарапал он щуку. Скользнул меч по гладкой щучьей спине и отскочил от чешуйчатого панциря.

А сам веселый Лемминкайнен не удержался на краю лодки и упал в речные волны.

Вытащил его за волосы кователь Илмаринен и говорит:

— Хоть и длинная у тебя борода, а таких героев, как ты, пожалуй, сотни найдутся, тысячи сыщутся.

С этими словами вынул он меч из ножен, размахнулся изо всей силы и рассек речные волны.

Но сломался надвое стальной клинок. А щука только плавниками едва повела.

Рассердился Вяйнемейнен:

— Где же ваш разум, зрелые мужи? Даже у малого ребенка ума больше!

Взялся он за меч и твердой рукой глубоко вонзил острый клинок в спину речной собаки. Потом поднял щуку на мече и бросил в лодку.

Разрубил Вяйнемейнен щуку острым ножом, отсек ей голову и говорит:

— Скажи мне, кователь Илмаринен, что выйдет из зубов огромной щуки, из плавников речной собаки, из крепких рыбьих костей, если бросить их в горнило?

Отвечает ему Илмаринен:

— Ничего не выйдет из рыбьих костей, ни на что они не годятся. Даже самый искусный мастер, даже самый умелый кузнец ничего тебе из них не выкует.

Брось их в воду, старый, мудрый Вяйнемейнен.

— Нет, — говорит Вяйнемейнен, — из этих костей смастерю я кантеле. Для веселья и услады живущих построю из них многострунный короб.

Взялся старый, мудрый Вяйнемейнен за работу.

Из чего сделал он короб? Из широкой челюсти щуки.

Из чего сделал он колки́ для кантеле? Из острых зубов щуки.

Из чего сделал он струны для кантеле? Из тонких ребер щуки.

И когда готов был многострунный короб, пришли на берег старики и юноши, жены и герои.

Всем давал Вяйнемейнен поиграть на своем кантеле, но не пели струны под пальцами молодых, не звенели весельем под пальцами старых.

— Нет, не будет толку от вашей игры, никуда не годится ваше пенье, — говорит удалой Лемминкайнен. — Дайте-ка мне этот короб!

Положил он кантеле на колени и ударил по струнам всеми десятью пальцами.

Но жалобно застонали в ответ струны, сердито заскрипел многострунный короб под неумелыми руками Лемминкайнена.

Услышал слепой этот шум и взмолился:

— Замолчите вы там! Треском и скрежетом наполнились мои уши. Если нет в этом коробе песен получше, так бросьте его в воду! Пусть себе лежит на дне глубокого моря.

И вдруг зазвенело кантеле всеми своими струнами:

— Не хочу я падать в воду, Погружаться в глубь морскую! Пусть рукой своей искусной Мастер сам струны коснется!

Тогда подняли старики и юноши, жены и герои поющий короб и положили его на колени старого, мудрого Вяйнемейнена. В руки самого мастера отдали его творение, чтобы коснулся он своими искусными пальцами звонких струн.

Вяйнемейнен играет на кантеле

Вышел Вяйнемейнен на серебряный пригорок, на золотую поляну, сел на

высокий камень и тронул струны своими легкими пальцами.

Весело зазвенело в ответ ему кантеле, как чистый родник, вырвались на волю песни.

Поют под руками Вяйнемейнена щучьи кости, им вторят щучьи зубы, звонкими голосами перекликаются тонкие щучьи ребра.

Никогда еще на земле не слышали таких песен! Немного времени прошло, и все лесные жители — все, у кого есть четыре лапы, кто бегают и прыгает по земле, — потянулись к камню песнопения.

Проснулся волк в болоте. Из лесу вышла рысь. Длинноногий лось выбежал из рощи.

С ветки на ветку, с дерева на дерево весело запрыгала белка.

И все спешат в одну сторону — туда, где играет на кантеле старый, мудрый Вяйнемейнен.

Вылез из берлоги даже краса лесов — медведь. Позже всех пришел косолапый. Видит — со всех сторон обступили звери вещего песнопевца. Подобрали острые когти, спрятали грозные клыки, сидят, слушают Вяйнемейнена.

Не знает медведь, куда бы ему приткнуться. Стал он у забора — повалил забор. Прислонился к воротам — сломал ворота. Тогда взобрался медведь-медовая лапа на елку, обхватил лапами ствол и замер, слушая песни старого, мудрого Вяйнемейнена.

Сама лесная хозяйка вышла из темной чащи. Наряд на ней праздничный, в волосах золотые ленты, в ушах золотые серьги, на ногах синие чулочки с красными завязками. Села хозяйка леса на березовый сучок, на ивовую ветку, слушает вещего песнопевца — не может наслушаться.

Все пернатые — все, у кого есть два крыла и клюв, — слетелись на берег.

Прилетел с небесной высоты орел. Из-за туч камнем упал ястреб. С болот поднялись утки. Спустились на землю лебединые стаи.

Сотни чижей и зябликов, тысячи жаворонков уселись на плечи Вяйнемейнена.

А из глубины темных вод приплыли к берегу молчаливые рыбы. И ленивый сиг, и красноглазый окунь, и зубастая щука, и быстрая корюшка — все, у кого есть

плавники, на ком блестит чешуя, — слушают песни Вяйнемейнена.

До самого морского дна дошли сладкозвучные напевы.

Захотелось морскому хозяину Ахто увидеть чудесного песнопевца. На морском цветке всплыл он со дна моря, вытащил из волн свою зеленую бороду и говорит:

— Нет, никто из живущих на земле никогда еще так не пел!

Вслед за Ахто поднялась из морской пучины и хозяйка моря. Осторожно, чтобы не увидел ее ни один смертный, пробралась она в камыши, оперлась локтем на песчаную отмель и, убаюканная сладким пением, задремала.

И дочери ее, словно уточки, тоже спрятались в прибрежных камышах. Притаились в зарослях и под звуки дивных песен серебряными гребнями расчесывают золотые косы.

Но зачаровали их напевы многострунного кантеле. Обо всем на свете позабыли они и уронили в воду свои гребни.

Не было на свете уголка, куда бы не долетела песня Вяйнемейнена.

Поднялась могучая песня и до облаков, плывущих в небе.

А там на краю утреннего облака сидели дочь Луны и прекрасная дочь Солнца. Пряли они серебряную пряжу, ткали золотую ткань и вдруг услышали напевы звонкострунного кантеле. Остановилась у них в руках прялка, упал челнок. Не видят пряжи, что порвалась золотая нить. Сидят, слушают, боятся звук проронить.

Три дня и три ночи пел старый, мудрый Вяйнемейнен.

Захочет Вяйнемейнен — все смеются, захочет — слезами наполняются глаза.

Плачут старцы и юноши, плачут девушки и жены, плачут славные герои и малые дети.

Заплакал и сам Вяйнемейнен.

Льются слезы из его очей, и каждая слезинка крупнее ягоды брусники, больше ореха: одна — как яйцо пеструшки, другая — как голова касатки.

Катятся слезы по его щекам, бурными потоками струятся на колени, озерами растекаются по земле, широкими реками вливаются в море.

Наконец замолкли звуки кантеле. И тогда сказал Вяйнемейнен:

— Кто из храбрых юношей, кто из отважных мужей соберет со дна моря мои слезы? Кто достанет их из глубины морских вод?

Не нашлось храброго среди юношей, нету отважного среди мужей. Ни один не вызвался поднять из морской глубины слезы певца.

Просит Вяйнемейнен ворона:

— Ты, черный ворон, собери со дна моря мои слезы, и я дам тебе за это платье из пестрых перьев.

Но не найти ворону на дне моря слез Вяйнемейнена.

Стал просить Вяйнемейнен синюю утку:

— Утка синяя, ты ныряешь глубоко под воду, собери на дне моря мои слезы. А за это я одену тебя в платье из ярких перьев.

Нырнула утка в самую глубину моря и там, на песчаном дне, в темном иле, собрала слезы Вяйнемейнена. Все до одной слезинки подобрала утка. Вынесла их в клюве и осторожно положила в руки песнопевца.

Но застыли в холодных морских водах его слезы. Смотрит Вяйнемейнен и удивляется — лежат у него на ладони круглые голубые жемчужины. Каждая жемчужина крупнее ореха, больше, чем яйцо пеструшки, чуть поменьше головы касатки.

А утка с той поры стала носить пестрое, яркое платье — словно семицветная радуга легла на ее блестящие перья.

Герои Калевалы увозят из Похьелы чудесную мельницу Сампо

Кончил играть старый, мудрый Вяйнемейнен, и дальше отправились в путь три отважных героя. По равнине моря едут они в вечно мрачную Похьёлу, в сумрачную Сариолу, где смерть ждет смелых, где гибель стережет храбрых.

Одним веслом гребет Илмаринен, вековечный кователь, другим веслом гребет веселый Лемминкайнен, а на корме, у руля, сидит старый, мудрый Вяйнемейнен. Через пенистые волны, через бурные потоки к далекой пристани ведет он свою ладью.

И вот причалили они к берегу туманной Похьёлы.

Вытащили лодку на сушу, поставили смоленый челн на обитые медью катки и отправились к хозяйке Похьёлы, к злой старухе Лоухи.

Распахнули двери, вошли в избу.

Спрашивает их старуха Лоухи:

— За чем пожаловали, герои? Что скажете, богатыри? О чем поведете речь?

Отвечает ей Вяйнемейнен:

— О Сампо будет наша речь. Разве справедливо, чтобы для тебя одной крутилась пестрая крышка? Нет, не для того выковал Илмаринен чудомельницу, чтобы спрятала ты ее в каменном утесе за семью медными замками, за семью коваными дверями. Пусть приносит она богатство всем, кто радуется солнцу в небе, кто песней встречает каждый новый день.

Отвечает Вяйнемейнену хозяйка Похьёлы, злая старуха Лоухи:

— Не режут на части беличью шкурку, не делят на сто кусков рябчика. Для меня одной будет вертеться Сампо. Я одна буду хозяйкой пестрой крышки.

— Слушай, старуха, — говорит Вяйнемейнен, — если добром не отдашь Сампо, тогда силой заберем мы чудесную мельницу.

Рассердилась хозяйка Похьёлы, злая старуха Лоухи. Стала она звать на помощь тех, кто может поднять меч, кто умеет держать копье.

Со всех сторон обступили Вяйнемейнена злые сыны Похьёлы.

Но не испугался старый, мудрый Вяйнемейнен.

Сел он на пенек, положил на колени кантеле и заиграл.

Слушают его мужи Похьёлы — и будто ветром уносит их злобу.

Хотят они взмахнуть мечами — и не могут. Хотят метнуть копья, а руки не поднимаются.

Всю свою силу потеряли богатыри.

Тут достал старый, мудрый Вяйнемейнен из кармана кожаный мешочек и вынул оттуда стрелы сна.

Одну за другой пускает он свои стрелы в злых людей Похъёлы. И сразу глаза их связала тяжелая дремота. словно ниткой зашил старый, мудрый Вяйнемейнен им веки.

Подождал Вяйнемейнен, пока крепкий сон сковал всех людей Похъёлы, и пошел к медному утесу. Там за железными замками, за медными засовами спрятала старуха Лоухи чудесную мельницу Сампо. Но не стал Вяйнемейнен ломать замки, а тихонько запел.

И вот дрогнули затворы, зашатались кованые двери.

Тем временем взялся за дело и кователь Илмаринен. Смазал он засовы жиром, а петли салом, потом одним только пальцем коснулся замков — и разом открыл все девять дверей каменной пещеры, — да так ловко, что ни одна дверь даже не скрипнула.

— Ты, Лемминкайнен, самый молодой из нас, — говорит старый, мудрый Вяйнемейнен, — ступай-ка скорее в пещеру, вынеси оттуда Сампо.

Если надо удаль и силу показать, не ждет веселый Лемминкайнен, чтобы его дважды просили.

Подошел он к медному утесу и говорит:

— Мне только двинуть правой ногой, только ударить правой пяткой — и сразу подниму Сампо!

Ударил он правой ногой, двинул правой пяткой. А Сампо как стояло, так и стоит — даже не пошатнулась пестрая крышка.

Тогда обеими руками ухватился Лемминкайнен за мельницу, всем телом навалился на нее. Но не сдвинулась она даже на волос. Видно, крепко приросла к земле.

Что тут делать?

Огляделся Лемминкайнен и видит — пасется на полях Похъёлы огромный бык: каждый рог у него в сажень, морда в полторы сажени, хвост в две сажени.

Запряг Лемминкайнен этого быка в плуг и принялся распахивать землю вокруг

Сампо. Перерезал он все корни, что держали мельницу, и снова толкнул Сампо правой ногой, опять ударил правой пяткой.

Качнулась пестрая крышка, сдвинулась мельница с места.

Подняли ее славные мужи Калевалы и понесли в свою лодку.

— Куда же повезем мы наше Сампо? — спрашивает Илмаринен. — Где укроем пеструю крышку от глаз старухи Лоухи, от злой хозяйки Похъёлы?

Отвечает ему старый, мудрый Вяйнемейнен:

— Я скажу тебе, куда мы отвезем Сампо, — на далекий мыс, на зеленый остров, на мирную землю, где не слышали звона мечей и блеска копий. Там будет стоять наше Сампо. Там, на радость всем добрым людям, будет вертеться пестрая крышка.

Оттолкнулись герои от катков, обитых медью, отчалили от берега сумрачной Похъёлы и с веселым сердцем поплыли в обратный путь.

Передним веслом гребет Илмаринен, задним веслом гребет Лемминкайнен, а на корме сидит старый, мудрый Вяйнемейнен.

Правит он сосновым рулем, подгоняет лодку вещим словом:

— Челн, оставь страну туманов, Отвернись от Сариолы! Повернись, ладья, к отчизне, А к чужбине стань кормою! Ветер, ты качай кораблик! Волны, вы гоните лодку! Пусть уключины гогочут, Пусть челнок бежит быстрее По открытому теченью, По волнам, кипящим пеной!

Послушался челнок старого, мудрого Вяйнемейнена. Быстро плывет он по синему простору вод, по чистым волнам моря. Все дальше и дальше уходит от берегов сумрачной Похъёлы. Все ближе подходит он к родной земле Калевалы.

Немного времени прошло, и говорит веселый Лемминкайнен:

— Сколько ни плавал я по морям, всегда находился в лодке певец. А сегодня молчит наша лодка, не разносится по волнам веселая песня.

Отвечает ему старый, мудрый Вяйнемейнен:

— Не время сейчас петь. Заслушаешься ты песен и забудешь о веслах. Тогда собьется наш челн с дороги и тьма застигнет нас среди равнины моря.

— Все равно уходит светлый день, — говорит веселый Лемминкайнен, — все

равно догонит нас в море ночная тьма, хоть будешь ты петь, хоть не будешь.

Ничего не ответил ему Вяйнемейнен. Зорко смотрит он вдаль, крепко держит руль.

Плывут они по равнинам вод один день и другой. А на третий день опять говорит веселый Лемминкайнен:

— Отчего, старый, мудрый Вяйнемейнен, и теперь не хочешь ты петь? Чего ждешь ты? Ведь лежит Сампо на дне нашей лодки, и берег родной земли уже близок.

Снова отвечает ему Вяйнемейнен:

— Еще рано петь нам песни. Ты тогда радуйся удаче, когда увидишь дверь своего дома, когда услышишь скрип своей калитки.

— Ну, если ты не хочешь петь, — говорит веселый Лемминкайнен, — я сам запою.

Открыл он рот пошире и запел во все горло. От его пения такой шум поднялся, будто скалы обвалились в море.

Далеко по волнам разнеслась его песня. Пролетела она через семь морей и опустилась за вершинами семи гор.

Услышал эту песню журавль.

Стоял он на пеньке и рассматривал свои ноги — то одну поднимет, то другую. И вдруг донесся до него грубый голос Лемминкайнена. Испугался журавль. Замахал крыльями, затрубил со страху и полетел на север.

От журавлиного крика проснулся весь народ Похьёлы.

Очнулась от долгого сна и злая старуха Лоухи.

Кинулась она к медной скале. Видит — замки поломаны, засовы разбиты, двери открыты, а Сампо словно и не бывало.

От злости затряслась старая Лоухи.

Стала она звать к себе на помощь туманы:

— Дева мглы, тумана дочка! Облака просей сквозь сито, Ниспошли ты мглу густую На хребет морей блестящих, Чтоб застрял там Вяйнемейнен, Заблудился песнопевец!

И сейчас же затянуло море туманом, стеной поднялась мгла на пути морских течений.

Три дня стоял челнок Вяйнемейнена, три ночи качался на одном месте.

Наконец сказал старый, мудрый песнопевец:

— Даже самый слабый из героев, даже самый последний из отважных мужей не испугается тьмы, не побоится тумана.

С этими словами выхватил он меч и рассек клинком серую стену. От его могучего удара расступилась тьма. Снова заблестели под лодкой чистые волны, снова засияло над ней ясное небо.

Подошла старуха Лоухи к берегу и видит: как ни в чем не бывало плывет челнок Вяйнемейнена.

Стала она звать из глубины моря сына вод Ику-Турсо:

— Голову из волн бурливых Подними-ка, Ику-Турсо! Калевы мужей настигни, Опрокинь скорей их лодку! В Похъёлу верни ты Сампо, Наше лучшее богатство!

Сказала — и в ответ ей зашумела морская пучина. Всколыхнулись тяжелые волны и с грозным ревом обрушились на лодку Вяйнемейнена.

Но не испугался старый, мудрый Вяйнемейнен. Посмотрел направо, посмотрел налево и видит — высунулась из воды голова Ику-Турсо.

Схватил Вяйнемейнен его за уши, приподнял над водой и спрашивает:

— Скажи мне, Ику-Турсо, зачем вышел ты из моря?

Молчит Ику-Турсо, ничего не отвечает.

Снова спрашивает его Вяйнемейнен:

— Отвечай мне, Ику-Турсо, зачем поднялся ты со дна морского?

Молчит Ику-Турсо.

Тогда встряхнул его хорошенько старый, мудрый Вяйнемейнен и в третий раз спрашивает:

— Что же ты молчишь? Говори, зачем явился ты перед очами людей, перед сынами Калевалы?

Тут заговорил наконец Ику-Турсо:

— Для того я поднялся со дна моря, чтобы отнять у вас Сампо. Для того вышел из темной пучины, чтобы прикончить весь ваш род. Но вижу теперь, что не одолеть мне тебя, старый, мудрый Вяйнемейнен. Если ты оставишь мне жизнь, никогда больше не покажусь я ни одному человеку, пальцем не трону никого из сынов Калевалы.

— Ладно, — говорит Вяйнемейнен, — ступай к себе на дно и помни: пока сияет в небе солнце, пока радуются люди светлому дню, пусть не видит тебя ни один человек!

Сказал так и отпустил Ику-Турсо.

В одно мгновение исчез Ику-Турсо в волнах, и с тех пор никто из живущих на земле никогда больше его не видел...

И снова плывет лодка по равнине моря.

А хозяйка Похъёлы, злая старуха Лоухи новую гибель готовит сынам Калевалы.

Призвала она себе на помощь хозяина всех ветров:

— Золотой владыка ветра, Бурь серебряный хозяин! Ниспошли ты непогоду, Подними волнение в море, Опрокинь ты эту лодку, Потопи челнок сосновый! Пусть погибнет Вяйнемейнен, Пропадет создатель песен!

И только вымолвила последнее слово, как со всех сторон ринулись на лодку буйные ветры. Вихрем несется западный ветер, навстречу ему мчится восточный, с воем и свистом летит северный. Самым злым был северный ветер. По дороге оборвал он листья со всех деревьев, поломал цветы на лугах, побил колосья в полях, а потом поднял с земли целую тучу песка и понес по широким морским дорогам.

Никогда никто не видал такой бури.

Даже удалого Лемминкайнена охватил страх. Бросился он приколачивать к

бортам доски, хочет высокой стеной отгородиться от яростных потоков.

А кователь Илмаринен — тот и головы поднять не смеет. Зажмурил покрепче глаза, чтобы не видеть пенистых волн. Уши руками зажал, чтобы не слышать воя ветра.

— Горе нам, плывущим по волнам на этих шатких досках! — говорит Илмаринен.
— Зачем вышли мы в море на этих качающихся ветках!

Только у старого, мудрого Вяйнемейнена не дрогнуло сердце.

Взглянул он на своих товарищей и говорит:

— В лодке плакать не годится, Горевать в ладье не дело: Не поможет плач в несчастье И печаль — в годину бедствий.

Одной рукой держит старый, мудрый Вяйнемейнен Сампо, другой рукой держит руль и смело ведет челн по бурному морю.

И вдруг одна волна поднялась над всеми другими и обрушилась на дно дощатой лодки, всей своей силой навалилась на пеструю крышку. Но даже не качнулось Сампо, не сдвинулось на полпальца. Еще больше разъярилась волна. Подхватила она со дна лодки кантеле и бросила многострунный короб в пучину моря. Прямо в руки морскому хозяину Ахто упал чудесный короб.

Обрадовался Ахто. Стал он перебирать поющие струны, и сразу улеглись непослушные волны, смирились ветры, тихо стало на море.

Опять легко и быстро скользит лодка по морской глади.

Но печален кормчий, невесело у него на душе.

— Горе мне, старому! — говорит Вяйнемейнен. — Исчез в волнах поющий короб, утонула в море моя радость...

Хозяйка Похъёлы снаряжает погоню за лодкой Вяйнемейнена

Все ближе и ближе к родным берегам подплывает лодка Вяйнемейнена.

Быстро скользит дощатый челн. На веслах сидят Илмаринен и Лемминкайнен, а на руле — старый, мудрый Вяйнемейнен.

Не много, не мало прошло времени, и говорит вещий песнопевец:

— Послушай, веселый Лемминкайнен, поднимись-ка на мачту, посмотри вперед, посмотри назад: всё ли спокойно на море, не грозит ли нам беду небо?

Если надо показать отвагу и ловкость, не приходится дважды просить Лемминкайнена.

Быстро взобрался он на вершину высокой мачты, посмотрел направо, посмотрел налево, поглядел вперед, повернулся назад и говорит:

— Впереди нас и небо ясное и море чистое, а позади темная туча поднимается, пенистые волны встают.

— Посмотри-ка получше, — говорит ему Вяйнемейнен. — Откуда туче взяться на ясном небе? Может быть, это лодка плывет вслед за нами?

Посмотрел веселый Лемминкайнен еще раз и говорит:

— Вот теперь ясно вижу: поднялся в море островок, и птиц на нем видимо-невидимо. На осинах сидят соколы, на березах глухари.

— Не садятся соколы на осину, — говорит старый, мудрый Вяйнемейнен. — Неоткуда в море взяться глухарям. Ты посмотри-ка получше. Может быть, это мужи Похьёлы плывут за нами вдогонку?

Посмотрел получше веселый Лемминкайнен и говорит:

— Твоя правда, старый, мудрый Вяйнемейнен. Плывет из Похьёлы лодка. В ней сотни мужей с мечами, тысячи воинов с копьями.

— Так налегайте же на весла, друзья, — говорит старый, мудрый Вяйнемейнен.
— Надо нам уходить от этой лодки.

Изо всех сил гребут Илмаринен и Лемминкайнен. Жалобно стонут медные уключины, с треском поворачивается крепкий руль.

А погоня всё ближе и ближе.

Тогда достал старый, мудрый Вяйнемейнен из мешочка кремень, бросил за корму и говорит:

— Из кремня скала возникни! Появись утес подводный! Лодка Похъёлы разбейся
С тяжким грохотом о камни! Разбросайте гроду щепок, Волны дикого прибоа!

Сказал — и сразу выросла под водой каменная гора. Непрístupной стеной стала она поперек моря.

Но не видит ее хозяйка Похъёлы. Прямо на подводные скалы ведет свою лодку.

От страшного удара раскололся в щепки стореберный челн, мачту унесли волны, паруса подхватил ветер.

Еще больше разозлилась старая Лоухи.

Привязала она к рукам косы и грабли и стала железными когтями вылавливать из воды обломки своей лодки: борта привязала к плечам вместо крыльев, руль прицепила вместо хвоста.

Потом посадила к себе на спину сто воинов с мечами, подняла на крыльях тысячу мужей с копьями и полетела вдогонку за героями Калевалы.

Один раз взмахнула крыльями, другой раз взмахнула — и уже настигла лодку Вяйнемейнена.

Видит старый, мудрый Вяйнемейнен — кружится над ним страшная птица. Голова у нее хозяйки Похъёлы, туловище — орлицы. Село это чудище на мачту — и сразу закачалась лодка, накренилась, как в сильную бурю.

— Отдавай мне Сампо! — кричит хозяйка Похъёлы. — А не то пошлю я напасть на твою землю, заморожу все ваши посеы, засыплю железным градом ваши поля, натравлю медведей на ваши стада. Весь род ваш я уничтожу! Даже слуху о нем не останется на земле!

— Не боюсь я твоих угроз! — говорит ей старый, мудрый Вяйнемейнен. — Пусть против тебя самой обернутся твои проклятья! Пусть железный град побьет твои пашни! Пусть косолапые медведи растерзают твои стада! Нет, никогда не будет служить тебе чудесная мельница, не будет для тебя одной крутиться пестрая крцшка.

— Послушай меня, Вяйнемейнен, — говорит хозяйка Похъёлы. — Если добром не отдашь мне Сампо, прикажу я моим воинам забросать вас копьями, закидать стрелами, зарубить мечами.

А сама протянула свою когтистую лапу и вцепилась в крышку чудесной мельницы.

Но не зевает веселый Лемминкайнен. Схватил он меч и обрубил крылья злой птице.

Как горох посыпались мужи Похъёлы с орлиных крыльев. Падают они на гребни вод, а Лемминкайнен машет мечом и приговаривает:

— Ну-ка, поживее прыгайте, славные герои!

Кователь Илмаринен тоже не отстает от Лемминкайнена — веслом, словно кузнечным молотом, бьет он чудовище.

А Вяйнемейнен выхватил дубовый руль и рулем отбивается от злой Лоухи.

Плохо пришлось хозяйке Похъёлы. Все ее храбрые воины потонули в морской пучине, а сама она, как тетерка с дерева, свалилась с высокой мачты на край лодки.

Обломал ей Вяйнемейнен крылья, обрубил ей Илмаринен хвост, отсек ей Лемминкайнен когти.

Один только коготь остался у нее, а все-таки крепко держит старая Лоухи чудесную мельницу Сампо.

Вот уже к корме подтащила пеструю крышку, над самым краем лодки подняла... Да не удержала, уронила в море.

Ударилась мельница о синий гребень волны и разбилась на мелкие куски.

Плачет жадная Лоухи, что потеряла свое сокровище. А злое сердце ее радуется — уж лучше пусть совсем пропадет Сампо, чем достанется людям Калевалы!

Вяйнемейнен делает из березы новое кантеле

Но не пропала чудесная мельница, не потонула пестрая крышка.

Долго качались ее обломки на широкой спине моря, пока волны не принесли их к берегам цветущей Калевалы.

Бережно собрал их старый, мудрый Вяйнемейнен и закопал в землю, на зеленом мысу, на туманной золотистой поляне.

— Пусть принесут они родной земле богатство и счастье! Пусть оградят они добрый народ Калевалы от зла и беды!

Так сказал старый, мудрый Вяйнемейнен.

И слова его сбылись.

Никогда буйный ветер не мял на полях Калевалы посевов, никогда мороз не губил нежных всходов, а темные тучи не закрывали ласкового солнца.

Словно высокая железная ограда, будто крепкая каменная стена охраняла Калевалу от горя и невзгод. Весельем начиналось утро на счастливой земле, ясным был полдень, радостным тихий вечер.

Только на сердце старого, мудрого Вяйнемейнена лежала печаль: не было у него больше многострунного кантеле, замолкли на земле сладкозвучные песни.

«Может, еще найду я кантеле на дне моря? Может, отдаст мне Ахто мой многострунный короб?» — думает старый, мудрый Вяйнемейнен.

И вот отправился Вяйнемейнен в путь.

Кователь Илмаринен сделал ему грабли — не слишком большие и не слишком маленькие: каждый зубец в сто сажень, рукоятка с целую версту, — и пошел Вяйнемейнен с этими граблями по берегу моря.

Водит он зубьями по тростниковым зарослям, сметает в кучу водяные травы, сгребает морские волны... Нет нигде его кантеле.

«Если у берега нет моего кантеле, может быть, на дне моря найду его», — думает старый, мудрый Вяйнемейнен.

Сел он в лодку, оттолкнулся от медных катков, и понесла его лодка по широким морским дорогам.

Обыскал Вяйнемейнен все подводные рифы, избородил все морские течения, а кантеле нет как нет. Исчез в морской пучине звонкострунный короб.

Печальный вернулся Вяйнемейнен домой.

Идет он рощей и вдруг слышит — плачет на опушке береза.

Подошел к ней Вяйнемейнен и спрашивает:

— Что ты плачешь, береза? О чем тоскуешь, белый пояс?

Отвечает ему береза:

— Плачу я о своей горькой доле, скорблю о своей несчастной судьбе. Посуди сам: и в летний день и в зимнюю стужу не знаю я радости. Весна придет — малые дети режут мой ствол острыми ножами. Наступит жаркое лето — пастухи сдирают с меня кору, чтобы плести кузовки для ягод. Молодые девушки вяжут из моих веток веники. А придут дровосеки — так и совсем прощайся с жизнью!.. И зимой мне не легче. Ветер уносит мое зеленое платье, и стою я на морозе, раздетая, одинокая, сиротливая, от горя к земле пригибаюсь.

Говорит ей старый, мудрый Вяйнемейнен:

— Ты не плачь, мой зеленый друг, не горюй, белый пояс! Дождешься ты лучшей доли, будешь еще смеяться, будешь плакать от веселья, петь от радости.

И вот принялся Вяйнемейнен мастерить из березы кантеле.

Сначала короб вырезал. Славный получился короб — весь в прожилках, словно разрисован затейливыми узорами.

Где же взять теперь колки для поющих струн? Из чего сделать гвоздики?

Рос на поляне высокий дуб. Много на нем веток, много на ветках желудей. Каждый желудь покрыт крышечкой, на каждой крышечке сидит кукушка. Поет кукушка, и серебряной струйкой льется песня из ее горла, золотыми каплями падает на землю.

«Из этого серебра сделаю я гвоздики для кантеле, — думает старый, мудрый Вяйнемейнен. — Из звонких золотых капель сделаю колки для поющего короба».

И как задумал, так и сделал.

Вот уже совсем готово кантеле, только струн не хватает.

Пошел Вяйнемейнен искать струны.

Видит — сидит на лугу девушка и тихонько поет. Не грустно поет и не весело. Поет она, чтобы скоротать время. За песней скорее день кончится, а там и милый ее придет.

Просит у девушки Вяйнемейнен:

— Дай мне, красавица, пять волосков из твоих кос, чтобы мог я на утеху всем добрым людям сделать многострунное кантеле.

И дала ему девушка пять тончайших золотых волос, пять шелковистых нитей.

Теперь всё есть у Вяйнемейнена.

Натянул он струны на узорчатый короб — и вот снова держит в руках поющее кантеле, земную усладу.

Осторожно поставил он короб на колени и тронул струны легкими пальцами.

И сейчас же в ответ ему зазвенела всеми своими листочками белая береза, отозвалась из густой зелени кукушка, нежно запел девичий голос.

Быстрее побежали его пальцы по струнам, громче заиграл старый, мудрый Вяйнемейнен.

До самых дальних селений донеслись звуки кантеле, и весь народ Калевалы вышел, чтобы послушать песни Вяйнемейнена.

Старики, и дети, и те, кто достиг середины жизни, — все обступили мудрого песнопевца. И, внимая пению струн, мужчины в молчании склонили головы, матери забыли о своих печалях, юноши задумались, девушки прослезились.

Один день, и другой, и третий играет старый, мудрый Вяйнемейнен.

От зари до зари звучат его песни.

Играет ли он в своем жилище — и в ответ ему поет потолок, весело звенит крыша, напевают, раскачиваясь, двери, звонко перекликаются окна.

Раздается ли его песня в лесу — и старые сосны низко кланяются ему и роняют к его ногам шишки.

Идет ли он с песней по роще и лугу — и каждая веточка ласкает его, каждый цветочек смотрит на него с любовью.

Повсюду приносят его песни радость и веселье.

Для услады всех живущих на земле звенит его кантеле.

Хозяйка Похъёлы похищает солнце и месяц

Прослышала хозяйка Похъёлы, злая старуха Лоухи, что не пропало чудесное Сампо, что даже обломки его приносят счастье и богатство сынам Калевалы.

Не спит она и не ест, об одном думает: как бы извести ненавистное племя.

Наслала злая старуха на Калевалу болезни, но одолел их старый, мудрый Вяйнемейнен и заточил в каменную гору.

Выгнала она из лесной чащи медведя, чтобы разорвал он тучные стада Калевалы, но убил медведя старый, мудрый Вяйнемейнен.

И снова мир и покой сошли на поля и рощи Калевалы.

Под звуки поющего кантеле, под песни старого, мудрого Вяйнемейнена радостью начиналось утро в жилищах Калевалы, весельем кончался вечер.

Донеслись песни Вяйнемейнена до самого неба. Выглянул из своей избушки месяц, вышло солнце из своих золотых покоев, и спустились небесные светила пониже, чтобы послушать, как играет на кантеле старый, мудрый Вяйнемейнен.

Ясный месяц уселся на березу, а солнце тут же рядышком опустилось на сосну, да так и засияло от удовольствия.

Слушают солнце и луна Вяйнемейнена и не могут послушаться.

А старуха Лоухи не дремлет.

«Не хотел Вяйнемейнен, чтобы Сампо мне служило, — думает злая хозяйка Похьёлы, — так теперь солнце и месяц будут мне служить».

Никто не видел, никто не слышал, как пробралась она в Калевалу. Схватила старая Лоухи с березы месяц, сунула за пазуху солнце и побежала к себе в Похьёлу. Да по дороге прихватила еще огонь из очагов, чтобы и в жилищах Калевалы не стало света.

Прибежала злая старуха домой и запрятала солнце и месяц в глубине медного утеса, в темных недрах каменной горы. Заперла пещеру девятью замками, десятью засовами и радуется:

— Не гулять больше солнцу и месяцу по небесному простору! Не будут они светить людям Калевалы!

И вот наступила на земле и на небе непроглядная ночь.

Затосковали на земле люди и звери, замолкли в лесу птицы, поникли цветы и травы.

Даже Укко, повелитель туч и ветров, заскучал в своих темных покоях.

Вышел он из своего дома в синих чулочках, в пестрых башмачках, посмотрел туда, посмотрел сюда — что за чудо? Не видать нигде ни солнца, ни месяца.

Удивляется Укко: что это с ними случилось?

Стал он их искать, а их нигде нет.

Рассердился Укко. Вынул из ножен свой огненный меч и ударил о край тучи. От могучего удара вспыхнула в небе огненная искра. Спрятал ее Укко в златотканый мешочек, мешочек положил в серебряный ларец и дал дева воздуха, чтобы вырастила она из этой искры молодой месяц и новое солнце.

Уселась дева воздуха на краю облака, положила огненную искру в золотую люльку, подвесила люльку на серебряных цепях к небесному своду и качает неразумное дитя — беспокойный огонь.

Вверх и вниз взлетает люлька, и час от часу ярче и сильнее разгорается огонь. Взяла его дева воздуха на руки, тешит его, ласкает, баюкает.

И вдруг уронила нерадивая нянька свое дитя, выпустила из рук небесную искру.

Страшный гром пошел по тучам, распахнулись воздушные двери, и с шумом, с грозным шипеньем пронеслась горящая искра через все девять небес на землю.

Увидел старый, мудрый Вяйнемейнен, как мелькнул в небе свет, и говорит Илмаринену:

— Пойдем-ка, друг, посмотрим: что это за огонь упал на землю?

Снарядили они лодку и отправились в путь.

А небесный огонь бежит-катится по земле. Все поля сжег, все болота опалил и упал в озеро. Закипели озерные воды, огненными потоками выплеснулись из берегов.

Плохо пришлось тут рыбам. Не знают они, как спастись от беды.

Вызвался окунь поймать огненную искру — не поймал.

Взялся ерш ее догнать — не догнал.

Вышел тогда на охоту сиг. Изловил он злую искру и проглотил, словно червяка.

И сразу утихли, улеглись волны.

А бедный сиг места себе не находит. Жжет его изнутри огонь, сил нет терпеть муку!

Пожалела сига пеструшка, проглотила его. И сама не обрадовалась!

Бросилась она к скалам, где живут семги, к пещерам, где живут сомы, просит в беде помочь. Только никто ей помочь не может. Наконец сжалилась над пеструшкой щука и проглотила ее вместе с огненной искрой.

Жжет огонь щуку, не дает покоя. Щука и хвостом по воде бьет, и волчком вертится, а избавиться от огненной искры не может. Нырять она на самое дно, мечется вдоль берегов — нет нигде ей спасенья.

И, глядя на нее, каждый островок в море, каждая бухта на берегу печально говорят:

— Ах, если бы нашелся кто-нибудь, кто убил бы эту бедную щуку, кто прекратил бы ее мученья!

Услышал эти слова старый, мудрый Вяйнемейнен и спрашивает:

— Отчего так мучается эта щука? Кто заставил ее страдать, несчастную?

Отвечают ему острова и бухты, говорят ему берега и волны:

— Оттого эта щука так мучается, что проглотила она небесный огонь.

Обрадовался Вяйнемейнен. Недолго думая принялся он вместе с Илмариненом плести из мочала сеть. Закинули сеть в море и ждут.

Первый раз вынули сеть — ершей и плотиц хоть отбавляй, а серая щука не попалась.

Второй раз вытащили сеть — много всякой рыбы поймали. И сигов, и лещей, и лососей, и окуней. А серой щуки опять нет.

Удивляются рыбы, говорят друг другу:

— Видно, перевелись в Калевале славные герои, если не могут они поймать серую щуку!

Услышал Вяйнемейнен, что говорят рыбы, и принялся плести новую сеть из крепких льняных ниток. Шириной эта сеть в сто сажен, длиной в семьсот сажен, в ней тысяча петель, сто тысяч узлов.

И вот снова вышли в море герои Калевалы. У весел сидит Илмаринен, а старый, мудрый Вяйнемейнен закидывает невод в глубину морских вод.

Опустил он один край, опустил другой и говорит такие слова, молвит такие речи:

— Ты, глубин хозяин, Ахто, Перерой всё дно морское, В тростниках поройся палкой, К нам сгоняй ты рыбы стаи! Рыб гони из всех заливов, Выгоняй из ям глубоких, Из великой глуби моря, Где и днем не светит солнце, Где никто по дну морскому Не ступал еще от века!

И когда в третий раз Вяйнемейнен вытащил сеть на берег, увидел он, что бьется в ней серая щука.

Серебряным ножом с золотой рукояткой разрезал ей Вяйнемейнен живот и вынул пеструшку. Разрезал живот пеструшке — и достал синего сига. Разрезал живот сигу — и выпал оттуда красный уголек, огненная искра.

Только дотронулся до нее Вяйнемейнен, как вдруг вспыхнула она ярким пламенем, вырвалась из его рук и побежала по берегу.

Взбирается огонь на ели, карабкается на сосны, всё по пути сжигает.

А по следам огня спешит-торопится Вяйнемейнен.

Между двух мшистых пней, в дупле старой ольхи, догнал он злую искру.

Говорит ей старый, мудрый Вяйнемейнен:

— Ну куда ты стремишься без цели, без дела? Лучше бы вернулся ты, огонь, в избы и поселился в наших очагах. Днем плясал бы ты в печках, жег бы березовые поленья, а ночью отдыхал бы под теплыми углями.

И смирился огонь перед мудрым словом.

Положил Вяйнемейнен искру на горячий трут, спрятал в медный котел и понес в родную страну, чтобы зажегся свет в жилищах Калевалы, чтобы снова запылали очаги в темных холодных домах.

Герои Калевалы освобождают небесные светила

ИЗ ЗАТОЧЕНИЯ

Немало времени прошло, а ясное солнце так и не всходит на небе, не светит в вышине золотой месяц.

Не слышно больше веселых песен в домах, словно потеряли они в темноте дорогу к избам Калевалы.

Плохие настали на земле времена.

Не знают люди, утро ли занялось или вечер спустился, потеряли счет печальным дням.

Пошли они к кузнецу Илмаринену и стали его просить: — О кователь Илмаринен! Ты выковал синий свод неба! Выкуй нам новое солнце, сделай нам новый месяц!

— Хорошо, — говорит Илмаринен, — сделаю вам блестящий месяц, выкую круглое солнце.

Раздул он посильнее огонь в своей кузнице и принялся за дело: гнет в дугу серебряный месяц, бьет молотом по золотому солнцу.

Услышал старый, мудрый Вяйнемейнен, как стучит у себя в кузнице Илмаринен, и спрашивает:

— Скажи, добрый кузнец, что задумал ты сделать?

Отвечает ему Илмаринен:

— Я кую серебряный месяц, мастерю золотое солнце.

— Для чего же тебе эти игрушки?

— Нет, не игрушки это, — отвечает ему Илмаринен. — Я подвешу их на высоком дереве, и будут они светить нам и днем и ночью.

Покачал головой старый, мудрый Вяйнемейнен.

— Пустое дело ты затеял! Серебро только на клинке героя блестит, золото только на мече воина сияет. Одно на свете солнце, один в небе месяц.

Но не слушает его кователь Илмаринен, стучит молотом по наковальне.

И вот выковал он из светлого серебра ясный месяц, сделал из яркого золота красивое солнце.

Теперь надо найти для них место, чтобы всем от них было светло.

Взял Илмаринен в руки солнце и осторожно полез на сосну. Нелегко ему лезть — того и гляди, уронит новое светило.

Наконец добрался он до самой вершины, повесил на ветку золотой шар — и спустился вниз.

Пот с него так и льется. А ведь надо еще месяц повесить, чтобы и ночью было светло на земле.

Выбрал Илмаринен самую высокую ель и к острой ее вершине привязал новенький месяц.

На славу потрудился кователь Илмаринен. Только вот беда: не сияет серебряный месяц, не светит золотое солнце.

По-прежнему темно и на земле и на небе.

Спрашивает Вяйнемейнен у березы, спрашивает у сосны, спрашивает у ветра в поле и у рыб в море: не знают ли они, куда спрятались месяц и солнце?

Нет, никто не знает.

Спрашивает Вяйнемейнен у калитки во дворе, спрашивает у порога на крыльце, и у окошка в доме, и у трубы на крыше: не видели ли они месяца и солнца?

Нет, никто не видел.

И вдруг проговорил огонь в очаге:

— Я скажу тебе, куда делись месяц и солнце. Их украла хозяйка Похъёлы, злая старуха Лоухи. В глубине медного утеса, в пещере каменной горы заперла она небесные светила.

И снова отправился Вяйнемейнен по дороге героев, чтобы освободить из плена светлый месяц и ясное солнце.

Шел он день, шел другой и наконец, на третий день, увидел неприветливый берег Похъёлы.

Подошел Вяйнемейнен к переправе и кричит:

— Кто тут есть из сынов Похъёлы? Дайте-ка мне лодку, чтобы мог я перебраться на вашу сторону!

Но никто не услышал Вяйнемейнена. Никто не отозвался на его голос.

Тогда собрал Вяйнемейнен сухие ветки и развел костер. Высокое пламя поднялось от земли к небу.

Почуяла дым старая Лоухи, подошла к окну и говорит:

— Что это за огонь пылает? Для походных костров слишком мал, для рыбачьих — слишком велик.

Послала она храброго сына Похъёлы разведать, почему горит огонь на берегу?

Увидел его старый, мудрый Вяйнемейнен и закричал:

— Эй ты, сын Похъёлы! Дай-ка Вяйнемейнену лодку!

Отвечает ему сын Похъёлы:

— Нет здесь свободных лодок. Добирайся вплавь, если уж так тебе нужно. Пальцы будут служить тебе веслами, локоть — верным рулем.

«Не герой тот, кто с полпути возвращается», — думает Вяйнемейнен.

И быстрой щукой бросился в волны, словно сиг поплыл среди бурных потоков.

Выбрался Вяйнемейнен на другой берег и пошел прямо к избе хозяйки Похъёлы.

Толкнул дверь, переступил через порог и видит — сидят за столом мужи Похъёлы и пьют сладкий мед. У каждого на поясе меч, у каждого за спиной лук.

— Ну, что, герой, скажешь? — спрашивают они Вяйнемейнена. — О чем, храбрый певец, поведешь речь?

— О светлом месяце и ясном солнце поведу я речь, — говорит Вяйнемейнен. — Если не выпустите месяц из каменной скалы, если не освободите солнце из медной пещеры, не миновать вам моего меча.

— Что же, давай мериться мечами! — говорят мужи Похъёлы.

Вышли хозяева и гость на просторный двор.

Неплохие мечи у сынов Похъёлы, а у Вяйнемейнена на ячменное зернышко длиннее.

Взмахнул он своим грозным мечом раз, и другой, и третий, и, словно репы, полетели кругом головы героев.

Расправился Вяйнемейнен со всеми мужами Похъёлы и пошел искать месяц и солнце.

Видит — на берегу стоит каменная скала. В ней девять дверей, на каждой двери по сто засовов, на каждом засове по железному замку. Выхватил Вяйнемейнен меч из ножен, что есть силы бьет по каменной скале, огненным клинком рубит железо. Но даже на полпальца не сдвинулись тяжелые засовы. Не берет их ни вешее слово, ни стальной меч.

Пришлось Вяйнемейнену вернуться домой без солнца и без луны.

Печальный идет Вяйнемейнен. Разве герой тот, кто не выполнил задуманного дела!

Увидел Лемминкайнен песнопевца и говорит:

— О старый, мудрый Вяйнемейнен, почему не позвал ты меня в товарищи? Уж наверно, сбил бы я эти замки, одним пальцем отодвинул бы все засовы.

— Нет, — говорит ему Вяйнемейнен, — голыми руками тут ничего не сделаешь.

И пошел к кузнецу Илмаринену.

— О кователь Илмаринен! — говорит ему старый, мудрый Вяйнемейнен. — Выкуй мне острый трезубец, выкуй дюжину клинков и сотню ключей — тогда откроем мы двери в медной скале, выпустим на волю месяц и солнце.

Раздул Илмаринен жаркий огонь в кузнице и снова взялся за свой молот.

А хозяйке Похъёлы, злой старухе Лоухи, захотелось посмотреть, как живут без светлого солнца славные герои Калевалы, каково им без ясного месяца.

Привязала она к плечам ястребиные крылья и полетела.

Слышит Илмаринен — шумит что-то в небе.

«Уж не буря ли это надвигается?» — думает он.

Выглянул Илмаринен в окошко. Нет, это не буря надвигается, а летит прямо к его кузнице серый ястреб. Уселся на окошко и внутрь заглядывает.

— Что тебе нужно, злая птица? — спрашивает Илмаринен. — Зачем ты прилетела сюда?

Отвечает ему ястреб:

— О кователь Илмаринен! На всей земле нет второго такого мастера, как ты. Не покажешь ли ты мне, славный кузнец, свою работу? Не скажешь ли мне, храбрый герой, что ты куешь: оружие для боя или кувшины для пира?

— Я кую ошейник для хозяйки Похъёлы, — говорит Илмаринен. — Хочу посадить на цепь злую старуху, приковать ее к медной горе, к каменному утесу.

Испугалась хозяйка Похъёлы. Что есть мочи замахала крыльями и скорей полетела к себе домой.

Вывела она из темной пещеры месяц, отпустила на волю солнце, а сама обернулась голубкой и снова полетела в Калевалу.

Села у двери кузницы, головку туда-сюда поворачивает.

— Что сидишь ты у моего порога, ласковая голубка? — спрашивает ее кузнец. — Что тебе здесь надо?

И в ответ проворковала ему голубка:

— О кователь Илмаринен! Брось молот, залей огонь в горне. Не надо тебе ковать цепь для хозяйки Похъёлы. Посмотри-ка на небо — вернулся в свое жилище светлый месяц, опять сияет над землей ясное солнце!

Вышел Илмаринен из кузницы и от радости даже засмеялся.

Правду сказала голубка — как прежде, светит в небе ясный месяц, а солнце сияет еще ярче прежнего.

Зовет кузнец старого, мудрого Вяйнемейнена:

— Выходи, вещий песнопевец! Взгляни на золотое солнце, посмотри на ясный месяц!

Вышел из дому старый, мудрый Вяйнемейнен, поднял голову и видит — плывет в небе молодой месяц, поднимается над землей ясное солнце.

Озарило оно своими яркими лучами поля и рощи, горы и доли, заглянуло в

жилища людей, разбудило лесных птиц.

И навстречу начинающемуся дню запел старый, мудрый Вяйнемейнен:

— Здравствуй, месяц серебристый, Вновь мы видим лик твой ясный! Здравствуй, солнце золотое, Снова всходишь ты сияя! Ты кукушкой золотою Из утеса вышло, солнце, Ты ушел из камня, месяц, Голубем сереброкрылым... На своих местах вы снова, Прожный путь свой отыскали! С нынешнего дня вовеки По утрам вставай ты, солнце, Каждый день приветствуй счастьем, Чтоб росло богатство наше, Чтобы шла добыча в сети, Чтобы в руки шла удача! Совершай благополучно Свой урочный путь по небу, В красоте кончай дорогу, Отдыхай с отрадой ночью!

Так победили славные герои Калевалы злую старуху Лоухи, хозяйку вечно мрачной Похъёлы.

С той поры навсегда осталось на небе золотое солнце.

Каждый день встает оно над землей и на счастье всем добрым людям посылает свет и тепло.

На счастье всем людям осталось и поющее кантеле — чтобы звонкой песней начиналось на земле утро, чтобы радостным был долгий день и ясным — тихий вечер.